

Владимир Николаевич
ПЕРЦЕВ

Гогенцоллерны

*Характеристика личностей
и обзор политической
деятельности*

Историческая библиотека

Владимир
ПЕРЦЕВ

Гогенцоллерны

МИНСК
ХАРВЕСТ
2003

Серия основана в 2001 году

Перцев В. Н.

П 27 Гогенцоллерны: Характеристика личностей и обзор политической деятельности / В. Н. Перцев.— Мн.: Харвест, 2003.— 304 с.— (Историческая библиотека).

ISBN 985-13-1684-9.

Автор книги — доктор исторических наук Владимир Николаевич Перцев — представляет вниманию читателей историю династии Гогенцоллернов — прусских королей и германских императоров, правивших в XVI—XX вв.; даются их портреты, подробно охарактеризована их роль в политической и общественной жизни. Книга охватывает период времени с XVII в. до начала первой мировой войны.

Для широкого круга читателей.

УДК 943.0
ББК 63.3(4Нем)

Предисловие

Для современного читателя личности и политическая деятельность прусско-германских государей интересны не только в биографическом плане. Прусские короли и их наследники, а также германские императоры сумели согласовать свои личные стремления с некоторыми основными направлениями исторической жизни своей родины. В характерах наиболее выдающихся представителей мы видим отражение очень крупных течений прусско-германской истории. Поэтому к тому «германизму», который в настоящее время (1918 г. — *ред.*) является одним из определяющих факторов мирового развития, их личные характеры имеют непосредственное отношение, и при определении генезиса современной Германии их нельзя игнорировать. Это облегчило задачу автора при характеристике личности на фоне общих условий, среди которых возникали и расцветали своеобразные индивидуальности прусских монархов, и дало ему возможность связать в изложении личный и общественный политический элемент.

В настоящую книгу включены статьи, которые были напечатаны в журнале «Голос минувшего»

(1914—1917 гг.). Автор не счел нужным вносить в них значительные изменения, принимая во внимание краткость срока, прошедшего со времени их напечатания, а также, и невозможность за время войны (первой мировой — *ред.*) воспользоваться в силу понятных обстоятельств новой иностранной литературой, посвященной политике Гогенцоллернов, и поэтому ограничился только редакционными исправлениями.

В. Перцев.

Введение

Одно время в популярных обзорах истории было в большой моде противопоставлять политику прусских Гогенцоллернов политике французских Бурбонов дореволюционного времени. Действительно, на первый взгляд трудно найти большую противоположность и в личных характерах государей обеих династий, и в общем направлении их политики, и в конечных результатах их правления. В общих чертах тип французского короля XVII и XVIII веков рисуется в виде расточителя и *bon-vivant*'а, все достоинства которого заключались в умении с большой pompой представить королевскую власть. Неумение работать, страсть к наслаждениям и удовольствиям, мания величия, презрительное отношение ко всему, выходящему за пределы салонной болтовни, нежелание считаться с общественными настроениями — вот не особенно привлекательные общие черты схематизированной фигуры французского короля дореволюционного времени; под них подойдут и фривольные забавы Людовика XIII, и чопорное высокомерие Людовика XIV, и эгоистическое легкомыслие Людовика XV, и апатичная тупость Людовика XVI. И рядом с этой непривлекательной фигурой обычно ри-

суется тип государя-работника, первого слуги своей родины, с величайшим напряжением сил созидającego будущее величие родной страны. Для создания этого коллективного образа пользуются в качестве отдельных штрихов и колоссальной энергией великого курфюрста Фридриха Вильгельма, и грубоватой простотой и пресловутой бережливостью короля Фридриха Вильгельма I, и здоровым практицизмом и военным гением Фридриха II. Историки обыкновенно с особенным удовольствием цитируют слова Фридриха II: «Государь — не более как первый слуга государства, обязанный поступать добросовестно, мудро и вполне бескорыстно, памятуя, что он каждую минуту должен быть готов дать отчет согражданам в своем управлении». Этим словам обычно противопоставляется знаменитая фраза Людовика XIV: «Государство — это я», — и его высокомерный девиз: «Король — меньше Бога, но больше земного шара (*Dei minor, sed orbis maior*)». В политике тоже как будто бы полная противоположность: с одной стороны, разумная бережливость, забота о поднятии экономических сил страны, о заселении опустошенных войной стран, полная веротерпимость, создание первоклассной армии, прекрасно проявившей себя на полях сражений; с другой — неимоверная расточительность двора, огромные пенсии и подачки аристократии, разорительная податная система, пренебрежение к наиболее жизнеспособному сословию — буржуазии и исключительность одного вероисповедания (отмена Нантского эдикта). Результатом этого было то, что Пруссия уже при Фридрихе II стала первоклассной военной державой с хорошими финансами и создала прекрасное, работоспособное чиновничество, с тех пор в

течение полутора столетий являющееся образцом для всех государств, а Франция вплоть до самой революции постепенно теряла свое военное могущество и верными шагами шла к разорению и финансовому краху. Потребовалось огромное потрясение в виде революционного десятилетия, чтобы снова оздоровить ее экономическое и политическое бытие.

Это — очень грубая, в общих чертах нарисованная картина; но можно с уверенностью сказать, что ее духом пропитаны не только многие из популярных книг, но и большинство наших учебников; в умах большой публики запечатлеваются как наиболее яркие образы, с одной стороны, сотканная из придворных условностей, изысканно-чопорная и изломанная в угоду этикету фигура «короля-солнца», а с другой — гениально простая, исполненная силы и энергии, постепенно вырвавшаяся на полях брани фигура «старого Фрица» (Фридриха II); противопоставление довершалось тем, что первому приписывали только династические интересы, которыми в его глазах заслонялась нация, а во втором видели истинно национального государя, прежде всего стремившегося к «общему благу» (часто употреблявшееся Фридрихом II выражение).

Верна ли эта картина? Действительно ли политика прусских королей второй половины XVII и XVIII веков отвечала общенациональным интересам? Обыкновенно апологеты «великого курфюрста» и «великого короля» заканчивают свою апологию временами Фридриха II. Разгром Пруссии при Иене, ее полную неудачу на международном экзамене эпохи революционных и наполеоновских войн они объясняют крайне неразумной и вялой

политикой его преемников — Фридриха Вильгельма II и Фридриха Вильгельма III, поставивших у власти бездарности и заменивших систему просвещенного абсолютизма режимом ханжества и трусости. Но, конечно, если бы «система» Фридриха Великого была построена на прочном основании, то она дала бы Пруссии силы для борьбы с Наполеоном, и Пруссия не пришла бы к гибели всего через два десятилетия после смерти «старого Фрица». Вернее предположить, что в самой этой «системе», первые камни которой были заложены еще предшественниками короля-просветителя, было много непрочного материала. В политике Фридриха и его предшественников было действительно много решительности, энергии и молниеносной быстроты действий, способной ошеломить противника, но мало уважения к настоящей культуре, мало доверия к творческим силам самой нации и к чужим мнениям, мало истинно бережливого отношения к народному труду. В этом отношении «просвещенный» абсолютизм Фридриха II недалеко ушел от простого, ничем не прикрытого абсолютизма французских королей, а пресловутая система финансовой бережливости и самого Фридриха II и его предшественников также мало спасала прусское крестьянство от экономического разорения, как и расточительность французских государей.

В XVII и XVIII веках прусское государство было военным по преимуществу, и военные цели заслоняли для прусских правителей всякие другие. Тридцатилетняя война, закрепившая раздробление Германии на массу мелких, но вполне самостоятельных княжеств, вместе с тем открыла широкое поле для агрессивных намерений крупных германских государств; миниатюрные немецкие княже-

ства, предоставленные каждое самому себе, не могли, конечно, оказать никакого сопротивления своим более крупным соседям. Бавария, Пфальц, Ганновер теперь успешно принялись за расширение своих владений. Но больше всего выгоды из общегерманского несчастья, завещанного Тридцатилетней войной, извлекло прусско-бранденбургское государство. В XVII и XVIII веках система открытого разбоя, жертвами которого становились мелкие княжества и плохо защищенные области, получила в этом государстве самое широкое распространение. Пруссия захватывала все, что «плохо лежало», не считаясь ни с историческими традициями, ни с географическим положением захватываемых областей. Сначала новые прусские земли не имели даже общих границ, были отделены друг от друга большими чересполосными владениями, и только путем величайших усилий прусским государям, наконец, удалось придать им целостность — конечно, путем новых захватов. Проследим территориальный рост Пруссии от Тридцатилетней войны до конца XVIII в. Уже по Вестфальскому миру (1648 г.), завершавшему эту войну, Пруссия получила Восточную Померанию по правую сторону Одера с церковным княжеством Каммином, Магдебург, Гальберштадт и Минден. Через 18 лет после этого ей достаются довольно далеко отстоящие от границ мелкие княжества Клеве, Марк и Равенсбург (1666 г.). В начале XVIII в. она расширяет свои владения в Вестфалии (1702—1713 гг.) и приобретает княжество Невшательское (1707 г.). В 1720 г. она получает от Швеции другую часть ее померанских владений (с городом Штеттином и островами Узедомом и Вомином). В 1744 г., после прекращения

дома фрисландских графов, к ней отходит Восточная Фрисландия¹). Во время войны за австрийское наследство Пруссия занимает австрийскую Силезию (1741 г.), и Ахенский мир 1748 г. санкционирует это приобретение. В 1772 г., по первому разделу Польши, она получает так называемую Западную Пруссию (без Данцига и Торна), благодаря чему уничтожается чересполосица между бывшим герцогством прусским (Восточная Пруссия) и Бранденбургом. В конце царствования Фридриха II Пруссия получает два маленькие маркграфства в Южной Германии — Байрейтское и Ансбахское. В 1793 г., по второму разделу Польши, Пруссия приобретает Данциг, Торн и часть Познани (Южная Пруссия). Наконец, в 1795 г., по третьему разделу Польши, ей досталась Варшава и западная часть Краковского воеводства (т.е. Новая Восточная Пруссия); все нижнее и среднее течение Немана было теперь в ее руках. Пруссия превратилась из маленького и ничтожного княжества в сильное и компактное государство; но чересполосица еще не была уничтожена, и некоторые области на западе (Клеве, Марк, Равенсбург, Фрисландия и др.) и на юге (Невшатель, Байрейт, Ансбах) были отделены большими чужестранными землями от главного ядра прусских владений.

В этом странном конгломерате литовских, славянских и немецких народностей, в этом пестром смешении разорванных территорий, казалось, господствовал только один случай; каждое из государств до присоединения к Пруссии

¹ Скоро, однако, Фрисландия снова была утрачена Пруссией и присоединена к ней вновь только уже во второй половине XVIII в. (после присоединения Шлезвиг-Гольштейна).

имело свою историю, жило своими традициями. Перед прусскими государями встала очень серьезная и трудная задача — объединить эти случайно собравшиеся под одной властью владения в одно государство, создать нацию. Внешняя политика, построенная на системе постоянных полуразбойничьих захватов, таким образом, должна была определить и политику внутреннюю; все новые и новые завоевания задавали вместе с тем прусским правителями такую колоссальную работу в смысле укрепления их власти во вновь завоевываемых землях и сплочения их, что ни на что другое не оставалось ни времени, ни сил; с другой стороны, постоянная завоевательная политика уже сама по себе предъявляла повышенные требования к прусским финансам и к военным силам государства; под влиянием нужд военного времени финансовые вопросы приобретали необычайную важность, и фискальные интересы заслоняли все другие вопросы, заставляли прусских правителей жертвовать ради них всеми насущными нуждами страны. Ни в каком другом государстве внешняя политика и военные потребности не поглощали так много сил, не господствовали в такой степени над умом и волей правящих кругов и не нависали такой грозной тяжестью над платежностью населения. В этом отношении с Пруссией нельзя сравнивать старые государства Запада — Францию и Англию, которые уже давным-давно завершили процесс своего территориального образования к тому времени, когда Пруссия только начинала определяться; незначительные изменения границ во Франции или новые колониальные приобретения Англии не носили завоевательного характера и не поглощали в такой мере всех сил государства, как в Пруссии. Даже и Австрия, которая в течение XVII и XVIII веков

тоже интенсивно расширяла свои владения, тратила гораздо меньше энергии на устройство завоеванных областей, чем Пруссия. В противоположность Пруссии, которая по большей части делала свои приобретения внутри самой Германии (за исключением польских провинций), и притом мелкими кусками, приобретения Австрии делаются большими территориями, на которых жили не немецкие народности, обладавшие своей культурой и своей системой управления, совершенно отличной от австрийской культуры и австрийского управления: такими территориями были Венгрия, Трансильвания, Хорватия и Славония, отошедшие к Австрии от Турции по Карловицкому договору 1699 г., придунайские владения Турции (Темешварский банат и Малая Валахия), приобретенные Австрией в 1718 г. (по миру в Пассаровице), Буковина (1776—1786 гг.), Испанские Нидерланды, Миланская область и королевство Неаполитанское, полученные Австрией после войны за испанское наследство (1713 г.), Галиция (1772 г.), Малая Польша и Червонная Русь (1795 г.), отошедшие к Австрии по первому и третьему разделу Польши. В этих румынских, итальянских, бельгийских, венгерских, польских, русинских и славонских областях нельзя было и думать вводить чисто австрийское управление; они были для этого слишком самобытны. Поэтому их соединение с Австрией носило характер унии, и большинству из них приходилось предоставлять довольно значительную свободу в управлении. Поэтому-то австрийские правители тратили меньше усилий на централизацию этих областей, чем прусские, для которых объединительная деятельность уже в силу одного преобладания немецкого языка и немецкой национальности во вновь присоединяемых провинциях сулила больше успеха.

Глава I

Ранние Гогенцоллерны. Создание государства

Для успеха своих завоеваний, для объединения и сплочения завоевываемых земель прусские государи нуждались, главным образом, в трех вещах: в хорошей армии, в хороших финансах и в хороших чиновниках. Без финансов нельзя содержать армии, без преданного и послушного чиновничества нельзя ни успешно использовать платежные силы населения в интересах государственной казны, ни бороться с самостоятельностью старых земских чинов, ни вообще осуществлять на деле принципы объединительной политики. Вся политика Гогенцоллернов в XVII, XVIII и в значительной степени в XIX веках направлена на создание, развитие и укрепление этих трех орудий всякой завоевательной и объединительной политики — армии, финансов и бюрократической администрации. Первые шаги в этом направлении делаются уже «великим курфюрстом» Фридрихом Вильгельмом (1640—1688 гг.). По натуре это был типичный пруссак: крутой, упорный в достижении сво-

их целей, он не останавливался в случае необходимости перед насилием; обладал той относительной честностью, которая требовала добросовестности по отношению к друзьям, но допускала хитрость и жестокость по отношению к врагам. В нем нашла довольно яркое выражение та черта, которая позднее повторялась у многих из Гогенцоллернов: он обладал той трезвостью взгляда, которая заставляла его высоко ценить материальные силы — деньги, войско и количество подданных, и той практичностью, в силу которой он умел подчинять свои личные симпатии соображениям выгоды и пользы. Кальвинист по убеждениям, он оказывал покровительство не только гугенотам и лютеранам, но даже деистам и евреям, потому что надеялся на их промышленную энергию и на их деловитость в коммерческих делах; но гордо заявленный им принцип религиозной веротерпимости не помешал ему подвергать преследованию католиков; в Померании и Бранденбурге, где он был сильнее, чем в Восточной Пруссии, он запретил им отправлять богослужения и занимать какие-либо должности и выразил желание, чтобы это запрещение было действительно вплоть до Страшного Суда. Воюя со шведами, он тем не менее преклонялся перед военной организацией Швеции, войско которой он, подобно русскому Петру, считал для себя образцом. Военному делу он придавал, конечно, огромное значение; свое царствование он начал с того, что распустил доставшееся ему по наследству от предшественника маленькое войско только на том основании, что оно присягало не только ему, курфюрсту Бранденбургскому, но и его сюзерену, германскому императору. Он набрал новое войско на-

емников, сначала только в 8 тысяч человек, но уже к 1655 г. увеличил его до 26 тысяч. По тогдашним временам и такое миниатюрное войско было уже значительной силой, потому что оно было постоянным и находилось в распоряжении короля. Ни с прежней земской милицией, ни с дворянским ополчением, которые собирались очень туго и были притом плохо вооружены и совершенно не обучены, это *постоянное* войско не имело ничего общего. При нем офицеры из своего рода самостоятельных атаманов, на свой страх набирающих войска и подчас даже содержащих их за свой счет, стали превращаться в правительственных чиновников, получающих казенное жалование и во всем послушных своему государю. Дело обеспечения армии продовольствием постепенно передавалось в руки особых бюрократических учреждений (военных комиссариатов), хотя этот переход совершался довольно медленно и закончился уже после смерти великого курфюрста в начале XVIII в.; военные комиссариаты ведали и сбором налогов (акциза и прямого налога), шедших на военные цели. Вместе с тем и военное обучение армии стало производиться по одному общему шаблону, и армия получила более планомерную организацию и единообразную форму. И в гражданской сфере при нем шел тот же процесс. Чиновники все сильнее и сильнее привязывались к государству, все больше отрывались от местных и частных интересов, и курфюрст все более становился центром всей государственной жизни; конечно, такая бюрократизация правительственной машины пока могла еще касаться только центральных учреждений; о проникновении влияния правительственных чиновников на

места, в мелкие города и деревни тогда еще не могло быть и речи: в деревнях всецело держалась патримониальная власть помещика, наделенного судебными, административными и полицейскими полномочиями, а города пользовались довольно широкими правами самоуправления. Но берлинский «тайный совет», членами которого были важнейшие чиновники и генералы курфюрста, теперь стал действительно высшим учреждением в стране, и ему было передано рассмотрение всех главнейших государственных вопросов; вместе с тем и в провинциях делаются попытки образовать подчиненные ему административные коллегии, также организованные бюрократически, — попытки, впрочем, пока еще безуспешные.

На все это — и на армию, и на бюрократию — требовались, конечно, деньги, и великий курфюрст с величайшим усердием изыскивал средства для пополнения государственной казны. Но в его бесконтрольном распоряжении находились только деньги, поступавшие к нему из его собственных доменов¹, и некоторые регалии; этого было слишком мало, а за другими доходами ему приходилось обращаться к провинциальным штатам отдельных областей, которые с недоверием смотрели на усиливавшуюся власть курфюрста и крайне нео-

¹ Домен (фр. *domaine*, лат. *dominium* — владение) — в Западной Европе в эпоху феодализма — часть феодального поместья, на которой феодал вел собственное хозяйство, используя труд зависимых крестьян или безземельных работников; королевский домен — наследственные земельные владения короля. — *Прим. ред.*

хотно давали ему деньги даже на самые необходимые вещи. И «великий курфюрст» повел весьма энергичную борьбу против этих финансовых прав штатов; для этого он обратился к очень простому, но тем не менее действенному средству: стал стремиться к замене прямых налогов косвенными, взимание которых уже по самому своему характеру легко ускользало от контроля со стороны земских чинов. Введение «акциза» в городах и поднятие прямых налогов в деревнях вчетверо увеличили доходы курфюрста (с 500 тысяч талеров до 2 миллионов), но вместе с тем возбудили против него большое раздражение со стороны штатов. Особенно сильно было недовольство против курфюрста в герцогстве Прусском, где его власть была слабее, чем в других провинциях бранденбургско-прусского государства. Штаты отказывались утвердить налоги, обусловленные войной, и даже требовали роспуска войск. Три города — Кенигсберг, Кнейпгоф и Лобенохт — оказали особенно упорное сопротивление. В Кенигсберге горожане даже поставили в виде угрозы на городском валу пушки. Граждане отказывались платить налоги, и наместник Пруссии жаловался на отсутствие денег и людей. Дворянство во главе с полковником Калькштейном завело сношения с польскими королем, недавним вассалом которого был курфюрст (в качестве герцога прусского¹), и искало у него помощи в борьбе против своего государя. Одним словом, абсолютистская политика «великого курфюрста» вызвала настолько сильное волне-

¹ Вассальная зависимость герцогства Прусского от Польши была уничтожена только в 1657 г.

ние в стране, что оно граничило с прямой революцией. Но это была уже одна из последних вспышек сопротивления со стороны прусских сословий. Их самостоятельность и значение земских чинов, как и всюду в то время в Европе, мало-помалу уступали место идее монархической централизации, проводившейся прусскими государями. Великому курфюрсту — правда, с огромным напряжением сил — удалось подавить и городское движение, и дворянскую фронду. Главари горожан были посажены в тюрьму, полковник Калькштейн схвачен и казнен; штатам был нанесен смертельный удар, и после смерти курфюрста они стали собираться все реже и реже.

Стремясь ограничить политическую независимость дворянства, великий курфюрст, однако, никогда не доводил своей борьбы против него до крайних пределов. В период самых горячих столкновений с дворянством он не отказывался от той идеи, которая на долгое время осталась руководящим принципом всей внутренней политики Гогенцоллернов, — от идеи, что дворянство есть главная опора трона и что этому сословию должно быть предоставлено главное и наиболее значительное место в государстве. Он никогда не переставал думать, как и многие из его преемников, что создаваемое им военно-монархическое государство только тогда будет сильно, если станет пользоваться в качестве орудия для монархической централизации государства и для завоевательных целей только дворянским сословием, и поэтому всегда выбирал руководителей армии и администрации из одних дворян; вся задача его внутренней политики заключалась только в том, чтобы превратить

дворянство из самостоятельной силы в орудие монархической власти, в орудие, наделенное общественным почетом и экономической независимостью. Поэтому-то «великий курфюрст» оставил в силе все владельческие права помещиков над крестьянством. Крестьянин при нем стоял так низко, что собственно принадлежал не государству, а помещику; государство не имело в то время возможности вступить с крестьянином в непосредственные отношения, в деревнях у курфюрста (и даже у первых прусских королей) еще не было агентов, помощью которых он мог бы пользоваться при управлении. Помещик был для своих крестьян и судьей, и администратором, и полицмейстером, — не говоря уже, конечно, о том, что он был верховным собственником крестьянской земли и распорядителем крепостного крестьянского труда. В силу этого каждое дворянское имение того времени образовывало маленькое государство в государстве, а каждый помещик был своего рода маленьким князьком.

Таким образом, уже при «великом курфюрсте» наметились наиболее характерные черты прусского государственного и общественного строя, державшиеся после этого еще долгое время: наверху — вся строгость монархической организации, вся сила централизованной власти, давившей одинаково тяжело и на высшие, и на низшие сословия, а внизу, в деревнях — все основные элементы патримониального государства с помещичьей юстицией, полицией и администрацией. Но при «великом курфюрсте», которому еще приходилось вести упорную борьбу с дворянской и городской оппозицией, первая из этих сторон еще только начинала да-

вать себя знать; в полную силу административная централизация проявилась уже в XVIII в. Обычно историки, характеризуя внутреннее состояние прусского государства в том веке, обращали внимание или на одну, или на другую его сторону; поэтому-то часто Пруссия XVIII в. характеризовалась разными историками, на первый взгляд, почти противоположными чертами: то как тип монархической централизации, то как образец аристократической децентрализации. На самом деле, в нем были черты и того и другого, сплетенные в виде социально-политического компромисса, причем олигархическое положение дворянства в низах общества вполне мирно уживалось рядом с абсолютистским строем наверху.

В сущности, интересами дворянского сословия объясняется и направление завоевательных стремлений как «великого курфюрста», так и его преемников.

Прусские помещики уже с XVI в. стали все более переходить к хозяйству на широкую руку, с обширной площадью собственной запашки и с широким применением барщинного труда. В этом отношении они представляли полную противоположность хозяевам Западной Германии и Франции, где самостоятельное хозяйство помещиков все более исчезало и где их доходы слагались главным образом из разного рода арендных и оброчных платежей, поступающих в их пользу от зависимых от них держателей мелких крестьянских участков. Прусские помещики рано перестали довольствоваться оброком от крестьян и протянули руку к самой крестьянской земле; пользуясь крестьянским бесправием и запустением крестьянских участков во время Тридцатилетней войны, им

удалось «округлить» свои владения и увеличить размер собственной запашки до размеров больших имений; так образовалось типичное юнкерское поместье, обрабатываемое принудительным трудом барщинников и дворовой челяди. Такое хозяйство не могло, конечно, само потребить всего добывавшегося в нем сырья, — главным образом, хлеба; оно работало для внешнего сбыта и нуждалось в свободных путях для экспорта своих продуктов. Пруссия стояла тогда — и позднее, в XVIII в. — в ряду восточных государств (другие восточногерманские государства на восток от Эльбы, — Дания, Польша и Россия), которые снабжали своим хлебом различные местности Нидерландов и Франции, а также Италию и Пиренейский полуостров. Но торговля хлебом шла тогда, главным образом, по морю; сухопутная транспортировка хлеба стоила слишком дорого. Поэтому-то для прусских дворян-экспортеров приобретение морских берегов имело огромное значение, — особенно если к этим морским берегам вели удобные речные пути. В начале правления «великого курфюрста» из его владений только одно герцогство Прусское имело выход к морю; Бранденбург же был со всех сторон окружен сушей. Приобретением Восточной Померании (1648 г.) теперь и Бранденбург был соединен с Балтийским морем, хотя устье Одера с городом Штеттином и островом Рюгеном находились еще в руках Швеции. Бранденбургским дворянам был теперь значительно облегчен путь к балтийским портам, где хлеб их нарасхват покупался голландскими купцами, грузился на голландские корабли и переправлялся в западно- и южноевропейские страны. Юнкера не могли не быть довольны внешней политикой своего курфюрста.

Мы потому так долго говорили о политике «великого курфюрста», что при нем наметились основные принципы почти всей будущей политики Гогенцоллернов. В оценке прусских историков курфюрст Фридрих Вильгельм потому и получил название «великого», что превосхитил многие из идей своих наиболее блестящих преемников и заложил первые камни будущего прусского могущества. Такой дальновидностью не может похвастаться его сын и преемник курфюрст Фридрих III (1688—1713 гг.), который после приобретения в 1701 г. королевского титула стал именоваться королем Фридрихом I. Среди бережливых, расчетливых и практичных государей XVII и XVIII веков он представляет собою несколько необычное явление — это маленький Людовик XIV на прусском престоле; его любовь к внешнему блеску, его погоня за титулами, его пристрастие к этикету и его бесконечные траты на двор и на костюмы заслужили презрительный отзыв его внука, Фридриха II, что он «велик в мелочах и ничтожен в серьезных делах». Ограниченный от природы, он все свои силы, а также и средства государства тратил на то, чтобы двор по роскоши и помпезности не уступал другим европейским дворам, а его личная титулатура была бы не менее импозантна, чем титулатура самого французского короля. Уже шестнадцати лет от роду он добивается ордена Подвязки; возмужав, он всеми силами стремится к тому, чтобы Людовик XIV именовал его братом, а испанский король — светлостью; но более всего он, конечно, ценит королевский титул и не жалеет денег на то, чтобы получить его от германского императора. Он дает Леопольду новые субсидии, уступает даже в его

пользу небольшой округ (Швибусский) в своих владениях, льстит императору и интригует при его дворе через своих министров. В конце концов он добивается своего и становится королем, и притом не бранденбургским, к чему склонялся император, а прусским. Дело в том, что Бранденбург входил в состав Германской империи, и потому король бранденбургский оставался бы вассалом императора, между тем как Прусское герцогство было совершенно независимо от империи. В восторге от согласия императора на новый титул, он на 30 000 переменных лошадях отправляется со своим двором в Кенигсберг и там коронуется с таким блеском, которому мог бы позавидовать сам Людовик XIV; один его коронационный костюм, украшенный золотом и драгоценными камнями, и пурпурная мантия с пуговицами из бриллиантов стоили по тогдашним временам бешеных денег, а вся коронация обошлась в 6 миллионов талеров. Однако вся эта несколько смешная бутафория и погоня за титулами имела свой смысл: королевское звание подняло международный престиж Пруссии, и теперь уже никто не осмелился бы посмотреть на нее, как на маленькое, лишенное политического веса княжество. Титул короля был вполне естественным преддверием к позднейшим притязаниям Гогенцоллернов на гегемонию в Германии; но даром австрийские министры упорно убеждали императора не удовлетворять желания прусского курфюрста и предупреждали его, что королевское звание прусского государя может с течением времени подвергнуть «знаменитую австрийскую династию опасности утратить с течением времени свое имперское могущество или вследствие соперничества

гогенцоллернской династии, или по причине раздробления империи». И в глазах прусских подданных королевское звание Фридриха, конечно, подняло вес его монархической власти, и он мог смелее вмешиваться во внутреннюю жизнь страны, чем это делали его предшественники.

Все-таки царствование Фридриха I не отмечено ничем крупным ни во внутренней жизни Пруссии, ни во внешней политике, хотя при нем и произошло незначительное расширение Пруссии (приобретение Невшателя и некоторых вестфальских владений). Гораздо значительнее было царствование его сына Фридриха Вильгельма I. По своей натуре он, казалось, был рожден, чтобы царствовать на прусском престоле XVIII в. Культ военного дела, бюрократические симпатии и финансовое скопидомство при нем не только становятся основными принципами политики, но и возводятся в законы, облекаются в форму кратких и решительных афоризмов, сказанных по поводу того или другого частного случая. Он был одновременно и хорошим фронтовым солдатом, и исправным педантом-чиновником, и бережливым до скаредности хозяином. Невыносимо грубый в обращении с окружающими, он выше всего в мире ценил покорность и послушание. Слова «Affront leide ich nicht» («я не терплю сопротивления») были его любимым выражением. Когда однажды его вербовщики без всяких законных оснований забрали одного из студентов богословского факультета в Галле в солдаты и факультет выступил с протестом против этого, он ответил знаменитым афоризмом: «не рассуждать» («nicht resonieren»). Конечно, такой король не мог допускать никакого са-

мостоятельного образа действий от штатов и сословий. В своем политическом завещании, в котором он кратко характеризовал для своего наследника дворянство отдельных провинций, он советует ему обратить особенное внимание на восточно-прусских юнкеров. При этом он записал: «Я разрушаю авторитет юнкеров и утверждаю мой суверенитет, как бронзовую скалу». Он не стеснялся в выражениях в адрес дворянства и других областей: «Что касается Клеве и графства Марк, — пишет он в завещании, — то дворяне там — тупые быки, но они коварны, как черт». Он подробно перечисляет для своего наследника те из дворянских фамилий, которые кажутся ему особенно опасными; для современного читателя может показаться несколько странным, что в этом перечне наряду с фамилиями Шуленбургов, Альвенслебенов, Дона и Финков встречается и фамилия Бисмарков. О своем королевском сане он был необычайно высокого мнения, но относился с большим пренебрежением к этикету и при дворе завел такую скудную обстановку, что даже мелкие немецкие князья не могли бы ему позавидовать. Он не прочь был иногда сослаться и на божественное происхождение своей власти, но практический смысл всегда отклонял его от мистических характеристик королевского достоинства и он предпочитал более конкретные, хотя и грубоватые сравнения: «Я тверд, как булыжник на улице». Он говорил: «Я должен быть еще более твердым, потому что мои предки сделали народ праздным и ленивым». В его практичной душе, конечно, не могло быть места ни для каких других ценностей, кроме его трех кумиров: войска, чиновничества и хорошей казны; даже о Лейбнице

он отзывался с нескрываемым презрением и называл его «никуда не годным человеком, который не способен даже стоять на часах». Его собственная дочь писала о нем: «Этот человек считал грехом все удовольствия, даже музыку и охоту; он приказывал говорить только о слове Божиим и запрещал всякие посторонние разговоры за столом. Но говорил лишь он один, а все остальные должны были слушать его, словно он был оракул». При всем том он был человек очень работоспособный и любил теоретизировать насчет обязанностей государей. «Господь, — говорил он, — создал царей не для того, чтобы они проводили время в наслаждениях, а для того, чтобы они управляли своей землей». Но даже самое его пристрастие к труду ложилось невыносимым гнетом не только на его подчиненных, но и на всю страну. От своих чиновников он требовал непосильной работы и за малейшую провинность налагал крупные штрафы. Даже министры за пропуск лишь одного заседания лишались шестимесячного содержания. «Мы платим им, — говорил король о своих чиновниках, — за то, чтобы они работали». Вся энергия королевской бюрократии направлялась, главным образом, на одну цель — лучший сбор налогов, наиболее удобные способы использования платежных сил страны. Само название нового центрального учреждения, созданного королем, указывает на эту по преимуществу фискальную цель всей королевской администрации; оно называлось «генеральным верховным управлением финансов, войны и уделов (доменов)». Это «генеральное управление» образовалось из слияния «военных комиссариатов», ведавших вербовкой солдат, содержанием

войска и изысканием средств для его содержания, с «палатами доменов», ведавшими доходами от собственных королевских имений; «военные комиссариаты» заведовали сбором и акциза в городах, и прямого налога в деревнях (называвшегося контрибуцией), и потому в руках нового центрального органа, собиравшегося под председательством самого короля, сосредоточены были все финансовые средства страны. Сбор налогов пошел теперь гораздо энергичнее, были заново переписаны все крестьянские дворы, избежавшие по разным причинам прежних переписей, увеличены косвенные налоги, и королевская казна значительно пополнилась.

Но налоговый гнет над крестьянами еще более увеличился. Вообще положение крестьян при Фридрихе Вильгельме I, несмотря на его самые решительные заявления о том, что он неустанно работает на благо своих подданных, не улучшилось, а ухудшилось. В течение всего его царствования помещики продолжали прогонять крестьян с земли: только за год до своей смерти (1739 г.) он издал указ, которым помещикам запрещалось сгонять крестьян с земли «без основательной причины и без немедленной замены прогнанного другим». У короля были очень веские мотивы для такого распоряжения: крестьянин был главным плательщиком податей (с земель, принадлежавших к господскому хозяйству, не брали никаких налогов), и потому уменьшение крестьянских земель и переход их в помещичье пользование грозили серьезной опасностью государственным финансам. Но даже и это запрещение Фридриха Вильгельма I, преследовавшее только фискальные интересы, отнюдь не обеспечивало положения каждого отдель-

ного крестьянина: помещик по-прежнему мог согнать его в любое время под каким-нибудь предлогом, только взяв на себя обязанность посадить на место согнанного другого землепользователя. Найти такого заместителя не представляло никакого труда в силу обязанности всякого крепостного принимать вакантные наделы. Таким образом, та «охрана мужика», которую начал Фридрих Вильгельм I, создавала только «коллективную гарантию», относящуюся ко всему крестьянству, а не покровительствовала отдельным крестьянам. Она могла только предупредить обезлюдение Пруссии и фиксировать число крестьянских наделов. К тому же даже и в таком своем виде «охрана мужика» еще плохо соблюдалась при Фридрихе Вильгельме I, что видно хотя бы из того, что его преемник должен был много раз повторять ордонанс¹ своего отца, иногда воспроизводя его почти дословно. Поэтому-то настоящая «охрана мужика» (в выше объясненном смысле) есть, по преимуществу, факт царствования Фридриха II, а не Фридриха Вильгельма I.

Армия, конечно, занимала в политике Фридриха Вильгельма первое место; для нее он без устали работал, для нее создавал финансы и централизовал управление, ибо без бюрократически централизованной администрации нельзя было бы хорошо поставить и финансовое дело. Благодаря его стараниям армия увеличилась в течение его царствования до 84 тысяч. Из континентальных держав только Австрия, имевшая войско

¹ В ряде государств Западной Европы в XII—XIX веках — королевский указ. — *Прим. ред.*

в 100 тысяч, Россия (в конце царствования Петра I — около 160 тысяч) и Франция (160 тысяч) превосходили своей военной силой Пруссию. По населенности Пруссия стояла лишь на 13-м месте в Европе, по военной же силе — на 4-м. Конечно, такая армия должна была поглощать огромные денежные суммы, и из 7 миллионов талеров ежегодных доходов в Пруссии на военное дело тратилось целых 5 миллионов. Составить такую армию было нелегко. В первую половину своего царствования Фридрих Вильгельм пользовался, по примеру своего деда, главным образом системой найма солдат, и притом, в основном, за границей. Из его войска целых $\frac{2}{3}$ состояли из непруссаков. Но эти иноземцы обыкновенно, получив свое жалованье, через короткое время убегали к себе на родину, а вместе с ними пропадали и потраченные на их обучение деньги. Поэтому-то в последние годы своего царствования Фридрих Вильгельм сделал попытку перейти к системе обязательной воинской повинности и разделил страну на округа, каждый из которых должен был поставлять пехотные или кавалерийские полки. Конечно, от этой обязательной повинности привилегированные классы были освобождены: для них существовали кадетские корпуса. Но новая система Фридриха Вильгельма получила крайне ограниченное применение, и только очень незначительная часть армии была составлена согласно этой системе. Большая же часть ее вербовалась по-старому, приемами, заимствованными из времен Тридцатилетней войны, — наймом солдат из разных мелких немецких и крупных немецких государств, окружавших Пруссию. Но и такая армия по тогдашним временам была силь-

на, и с ее помощью Фридриху Вильгельму удалось приобрести от Швеции еще один кусок ее владений у Балтийского моря с таким важным торговым центром, как г. Штеттин (у устья Одера). Одер уже тогда был столбовой дорогой для прусского хлебного экспорта, и приобретение Штеттина, который, находясь в шведских руках, перекрывал до сих пор дорогу хлебному вывозу, имело, конечно, для землевладельческого класса Пруссии огромное значение.

Глава II

Фридрих II. Расцвет военно-бюрократического абсолютизма

Фридрих Вильгельм I умирал, окруженный скрытой неприязнью своих придворных и министров; его сухость и педантичная требовательность отталкивала даже самых верных слуг. Тем с большим ожиданием и надеждой смотрели на его молодого наследника. Всем были известны его прежние нелады с отцом, вытекавшие из пристрастия кронпринца к французской литературе, которую ненавидел старый король, и из его любви к развлечениям и удовольствиям. В сыне надеялись увидеть более мягкую и податливую натуру, найти в нем больше отзывчивости и теплоты. Кроме этого, многим было известно, что кронпринц, сосланный своим отцом на должность инспектора удельных земель в мелкий городок, прекрасно справился со своими обязанностями и оказался образцовым чиновником; знали и про то, что отданный ему под начальство полк он сумел превосходно обучить. Потому-то многие ожидали, что мягкость натуры соединится в нем с отцовской деловитостью и энер-

гией. «Мягкость принца возбуждала восхищение всех», — писал в это время один дипломат. Но новый король с самого начала своего царствования разочаровал тех, кто ожидал встретить в нем мягкого и податливого правителя. Еще за несколько лет до своего вступления на престол он говорил сестре: «Весь мир удивится, что я совсем не тот, каким все меня представляют. Все воображают, что я буду швырять деньгами и что в Берлине деньги станут так же дешевы, как булыжники. Но этого не будет — все мои помыслы направлены лишь на то, как бы увеличить мою армию, все же остальное останется, как и при отце». И действительно, черты отцовской практичности и отцовского культа военной силы проступили в нем необычайно ярко с первых же шагов царствования; те, кто указывал на фамильное сходство его с отцом в этом отношении, не ошиблись. Только реалистическая и воинственная политика отца была им не смягчена и не ослаблена, а усилена и еще более резко выражена. Его царствование началось со знаменитой войны за австрийское наследство; объясняя потом причины этой войны, Фридрих писал в своих мемуарах: «Истинными причинами, побудившими меня вступить в борьбу с Марией-Терезой, были наличность постоянно готовой к делу армии, полнота казны и живость моего характера. Честолюбие, желание заставить говорить о себе увлекли меня, и вопрос о войне был решен». Но никак нельзя думать, что на войну с Австрией Фридрих решился легкомысленно, только под влиянием воинственного молодого задора. Здравый смысл его никогда не покидал, и соображение о выгодах для него всегда стояло на первом плане. «Не говорите мне о ве-

личии души! — говорил он одному английскому дипломату. — Государь должен иметь ввиду только свои выгоды». Его практичность дала право герцогу де Брольи сказать о нем: «Он пускал в оборот свой гений и свое оружие, как купец — свои капиталы». Дипломатические договоры и законные права наций для него не имели никакого значения, и ради соображений о выгоде он готов был пожертвовать всеми трактатами в мире. Международные трактаты он игнорировал как архивные документы, и в лучшем случае находил возможным ими воспользоваться лишь как основанием для новых притязаний. Весной 1771 г., когда возник вопрос о первом разделе Польши, он говорил австрийским дипломатам: «Поройтесь хорошенько в ваших архивах и посмотрите, не имеете ли вы права еще на что-нибудь... Верьте мне, надо пользоваться случаем. Я также возьму кусок, и Россия сделает то же».

Превыше всего в жизни Фридрих ценил славу и думал, что только стремление к ней способно толкать людей на великие поступки. «Что случилось бы, — говорил он уже в старости, — с добродетельными и похвальными поступками, если бы мы не любили славы?» «Пусть после нашей смерти молва о нас будет так же безразлична, как все, что говорилось при постройке вавилонской башни; однако, привыкши к мысли о жизни, мы чувствительны к приговору потомства, и короли — в большей степени, чем частные лица, ибо это — единственное судебное место, которого они должны бояться. Кто обладает хоть некоторой чуткостью, тот стремится к уважению со стороны своих сограждан; люди хотят хоть чем-нибудь блистать, не хотят смешиваться с прозябающей

толпой». Но даже и это стремление к славе не накладывало на расчетливую и практичную натуру Фридриха II романтического отпечатка. Выше всего он ценил ту славу, которая добывается на полях битв, но не безудержной рыцарской отвагой, не ранами, полученными в боях, а прочным успехом над противником, захватом новых территорий и умелым хозяйственным использованием их. Потому-то воин соединялся в нем с расчетливым хозяином, полководец обнаруживал способности ловкого коммерсанта. Как и его предшественники, он был убежден, что здание прусского величия будет строиться, главным образом, в области внешней политики, и потому не жалел средств на увеличение своей армии: при нем она достигла уже внушительной цифры в 200 тысяч; но воинственная политика, по его мнению, всегда должна была идти рука об руку с политикой финансовой. Силезия, к захвату которой он упорно стремился и на удержание которой позднее он потратил так много сил, была важна для него и как центр мануфактурного производства, и как средство захватить в свои руки такой важный торговый путь, как Одер: до приобретения Силезии Пруссии принадлежало только среднее и нижнее течение реки, после ее захвата — весь Одер. Еще в начале своего царствования он имел ввиду сделать из Бреславля центральный ярмарочный пункт, который должен был стать средоточием русской, польской, венгерской и австрийской торговли; он стремился даже привлечь на Одер товары, шедшие до сих пор по Эльбе, прервав речное судоходство по Эльбе из своего приэльбского владения — Магдебурга и парализовав этим торговое значение Гамбурга и Лейпцига. Стремления короля в этом отношении

остались нереализованными; в Бреславле не возникло никакой международной ярмарки, Гамбург к концу его царствования не упал, а расцвел, Лейпциг остался центром, к которому тяготела австрийская торговля. Но король угадал важное значение Одера как торгового пути; коммерческая жилка не обманула прусского короля.

Все коммерческие расчеты Фридриха II, а также и все его хозяйственные заботы об устройении и заселении Пруссии носили резко выраженный фискальный характер. Фридрих много говорил о своей любви к отечеству и о своих обязанностях перед народом, но понятие «народ» он слишком очевидно смешивал с понятием «государство», а заботы о процветании народного хозяйства с заботами об обогащении государственной казны. Вся его экономическая политика была в сущности политикой финансовой, и ни в какой другой области так резко не выявилось, что «общее благо», заботу о котором он постоянно подчеркивал, было благом только для государственной власти, хотя, конечно, в своих заявлениях он не упускал случая поговорить о выгодах народа и о пользе для граждан. Для того, чтобы поднять доходы государственной казны, Фридрих II, во-первых, старался увеличить число плательщиков прямых податей, а во-вторых, поднять количество производящихся внутри страны и привозимых в страну товаров, подлежащих косвенному обложению. Для первой цели надо было прежде всего заселить опустевшие в прежние времена — во время войны или повальных болезней — или еще ни разу не заселявшиеся местности. Во многих местах Пруссии было еще очень много лесов и болот, другие места были мало заселены; очистить болотистые и лесистые места и привлечь в Пруссию новых посе-

ленцев было заботой и предшественников Фридриха II, его отца и прадеда; но только при нем туда широким потоком пошла колонизационная волна — из Польши, Богемии, Саксонии, Гессена, Мекленбурга и пр. В одной Силезии за время царствования Фридриха II поселилась 61 тысяча колонистов; в Бранденбурге за 23 года (с 1763 г. по 1786 г.) численность населения увеличилась на 163 тысячи, причем из этого числа 78 тысяч — новорожденные, а 85 тысяч — пришлые люди. В некультурных местах появились новые деревни и поселки; особенно много их возникло среди болот и лесов Фрисландии, Померании и Восточной Пруссии. В общем, в год смерти Фридриха из всего населения Прусского королевства от 15 до 20% приходилось на колонистов. Мы уже не говорим здесь о том приросте, который дало ему завоевание новых провинций (Силезии и Западной Пруссии). В своей заботе об увеличении народонаселения Фридрих не останавливался перед запрещением эмиграции для некоторых, по его мнению, наиболее полезных слоев населения: так ремесленным подмастерьям было запрещено их обычное странствование по Германии, и они должны были оставаться в пределах Пруссии. Без своего разрешения он вообще запрещал выезжать за границу, а чтобы те, кто это разрешение получили, не увозили с собой за границу слишком много денег, он запрещал брать с собой дворянам более 400 талеров, а купцам — более 210 талеров. При всех своих симпатиях к развитию торговли и промышленности он в первое время царствования выступил в качестве врага машинного производства на том основании, что машины заменяли слишком много людей и препятствовали увеличению народонаселения. Не меньше усилий было потра-

чено королем и на увеличение доходов от косвенных налогов. Его чиновники по финансовому управлению должны были усердно следить за тем, чтобы ни один товар не ускользнул от обложения. Они получили право производить обыски в частных домах во всякое время дня и ночи. Зная, что особенно искусны во взимании налогов французские чиновники, Фридрих заполнил финансовые учреждения французами, поставив во главе всего финансового управления Пруссии также пятерых французов. В конце 60-х годов в своем политическом завещании Фридрих II высказывал прекрасные мысли о том, что косвенному обложению должны подлежать только предметы роскоши: «При финансовом управлении должны быть в содружестве справедливость и благожелательность к людям; благожелательность должна стоять на первом плане и указывать род налогов; справедливость требует, чтобы никто в государстве не платил сверх своих сил... кто проживает 100 талеров, не должен платить более 2-х талеров, но кто имеет доходов на 1000 талеров, без отягощения для себя может уплачивать 100 талеров. Налоги не должны касаться ни рабочих, ни солдат, ни бедняков, но только состоятельных и богатых граждан». Однако эти слова, как и большинство прекрасных фраз Фридриха II, остались без исполнения. Налоги на мясо, пиво и водку, сначала незначительные, стали быстро расти и скоро достигли значительных размеров. Спустя всего шесть лет (1774 г.) после того, как король писал вышеприведенные слова, он в разговоре с одним из своих чиновников назвал освобождение от налогов на предметы первой необходимости «ошибочным и глубоко опасным финансовым принципом». «Доходы государства, — говорил он тогда, — ко-

которые могут приобрести гарантию своей прочности *лишь в главных потребностях людей*, предоставляются согласно с этим принципом на волю произвола и каприза». Результатом этой перемены во взглядах было то, что и продукты первой необходимости подверглись очень значительному обложению, и цены на все предметы стали быстро расти. На короля посыпались нападки; его обвиняли в том, что по его вине население вынуждено голодать, что страна не может выносить установленных им налоговых тягот и по мере того, как увеличивалась наличность его казны, достигшая к концу царствования внушительной цифры в 55 миллионов талеров, падала популярность «старого Фрица»: на него все более привыкали смотреть не как на расчетливого хозяина родной страны, а как на солдата *par excellence*, готового принести в жертву завоевательному кумиру все ресурсы страны.

Еще в большей степени поднимала цены на все товары торговая политика короля. Еще в 1774 г. он говорил, что из всех возможных видов торговли самый полезный тот, который ведет к продаже туземных продуктов за наличные деньги. Это был взгляд, вполне выдержанный в духе меркантилизма. Он вел к тому, что король подвергал главные предметы иностранного ввоза очень высоким пошлинам. После 1763 г. 490 самых разнообразных предметов были совершенно запрещены им к ввозу. Вместе с тем он запрещал вывоз из Пруссии местного сырья и поощрял ввоз сырья из-за границы. Но в стране не хватало тогда главного элемента, необходимого для развития местной промышленности, — капитала. Фридрих пробовал улучшить ситуацию казенными субсидиями, но очень скоро убедился, что это ведет только к ослабле-

нию частной инициативы и предприимчивости. Кое-какие отрасли индустрии ему все-таки удалось развить (полотняная промышленность в Силезии, мануфактура платков в Марке, шелковое производство в Берлине и некоторые другие), но в общем промышленность стояла при нем еще на очень низкой ступени развития и общая производительность всей прусской индустрии не превышала 35 миллионов талеров. Бывали при этом случаи, что интересы военной политики заставляли короля пренебрегать мерами, важными для развития торговли: так он предпочитал видеть дороги в плохом состоянии, чтобы затруднить проход по ним неприятельских войск.

Что касается социальной политики Фридриха II, то вся она, в сущности, была направлена на то, чтобы закрепить сложившийся уже до него общественный строй, поддержать существовавшее в нем социальное неравенство и заключить деятельность каждого сословия в наиболее тесные рамки. Поэтому-то он должен был принять меры к тому, чтобы поддержать непрочное здание сословных привилегий в Пруссии, но для этого надо было еще более усилить общественное неравенство и еще более четко выделить феодальные черты в строе Пруссии. Поэтому-то король-просветитель в своей социальной политике оказался вынужденным протянуть руку апологетам сословного феодализма.

Его отец еще не прочь был скупать рыцарские имения, чтобы увеличить королевские домены; но Фридрих II был того мнения, что скупка дворянских имений приличествует какому-нибудь мелкому князьку, вроде циппельцербского князя, но не прусскому королю. Всего важнее для него было то, чтобы офицеры его армии имели

достаточные средства, ни в чем не нуждались и могли бы с честью носить свой мундир. Его взгляд на дворянство содержал в себе нечто средневековое: «Раса дворян, — говорил он, — настолько хороша, что она должна быть почитаема и сохраняема всеми возможными способами». В дворянах он ценил людей, которые лучше других умеют защищать страну, и был о них очень высокого мнения. Характеризуя дворянство разных прусских провинций, он, в противоположность своему отцу, находил для него по преимуществу светлые краски, видел в нем хороших и верных слуг, нуждающихся в хорошем воспитании, но в общем «добрых ребят» (*gute Kerle*). Ему уже не нужно было бороться с дворянами, как его предшественникам; дворяне при нем уже забыли о своих политических притязаниях, и монархическая самодержавная власть укрепилась уже с достаточной прочностью; поэтому он мог теперь без всяких опасений не только поддерживать сословные привилегии дворянства, но и развивать в нем кастовый дух. Он придерживался мнения, что сила государства заключается в дворянской аристократии, а сила дворянства — в его поземельной собственности. Он строго следил за тем, чтобы бюргеры не покупали дворянских имений. «Я желаю видеть больше земли в руках дворянства», — говорил он. В сущности, этим он наносил дворянскому сословию имущественный ущерб, так как дворяне, не имея возможности продать земли богатым бюргерам по выгодной для себя цене, вынуждены были продавать их представителям своего сословия, не располагавшим капиталами, и потому дешево. Там, где земельными собственниками все-таки оказывались бюргеры, король лишал их почетных прав

помещиков (патроната над церквями и права участвовать в выборе ландратов¹). Он снова возвратил дворянам право выбирать ландратов и запретил бюргерам доступ в офицерский корпус; только в наиболее тяжелые годы Семилетней войны недостаток офицеров заставил его допустить, на время, исключение из этого правила. Он строго следил за тем, чтобы дворяне не вступали в браки с лицами из крестьянского сословия или из мелкой городской буржуазии и не роняли своего достоинства, занимаясь коммерцией и другими низкого рода занятиями. Когда в эпоху Семилетней войны многие дворяне разорились и их имения подверглись разгрому, король помог нуждающимся денежными субсидиями. В 1769 г. для нужд силезского дворянства был учрежден банк, открывавший дворянам кредит под $4\frac{3}{4}\%$ (раньше они нередко делали займы у ростовщиков под 10%). В 1777 г. подобный же банк был учрежден в Курмарке и в Новой Марке, в 1780 г. — в Померании; после смерти Фридриха II такие же банки были открыты в Западной Пруссии (1787 г.) и в Восточной Пруссии (1788 г.). Все они служили нуждам только одного дворянского сословия.

Соответственно с высоким положением дворянства в обществе и государстве положение крестьян должно было оставаться по-прежнему приниженным. Король слишком высоко ценил дворянскую «расу» в качестве боевого материала, чтобы осмелиться предпринять что-нибудь серьезное против ее владельческих прав. Не-

¹ Ландрат — в Германии — глава местного управления, (нем. Landrat). — *Прим. ред.*

смотря на все либеральные заявления, его забота о помещичьих крестьянах не пошла дальше пресловутой «охраны мужика», которая, как мы уже видели, создавала только коллективную гарантию по отношению ко всему крестьянству, но не давала прочных прав на землю каждому отдельному крестьянину. Фридрих II заботился лишь о том, чтобы помещик не уменьшал числа крестьян, — во всем остальном государство совершенно развязывало ему руки. Даже жалобы крестьян на помещиков в течение всего царствования Фридриха II или не принимались, или же если принимались, то обыкновенно разрешались в пользу помещиков.

Несколько больше сделал Фридрих II для дворцовых крестьян. Земли эти сдавались в аренду крестьянам мелкими участками через посредство крупных арендаторов; положение этих крупных арендаторов можно сравнить с положением частных владельцев дворян на помещичьих землях. Дворяне обыкновенно участия в аренде дворцовых земель не принимали, и поэтому король в реформе положения дворцовых крестьян не был связан своими дворянскими симпатиями. В 1777 г. он издал указ, по которому в дворцовых землях провинций Померании, Курмарки, Новой Марки и некоторых других земля должна была переходить от отца к детям. Этим было положено начало установлению в дворцовых землях наследственных прав крестьян на землю, но при Фридрихе II эта мера еще не получила широкого распространения (лишь в 1790 г. в Пруссии было повсеместно признано право одного из детей дворцовых крестьян на отцовский надел). Кроме того, Фридрих II издал в 1763 г. еще один указ в пользу дворцовых крес-

тьян: крупным арендаторам было запрещено пользоваться принудительной службой крестьянских детей. Этими частичными полуреформами и ограничилась вся деятельность Фридриха II в пользу дворцовых крестьян. Прикрепление крестьян к земле и барщина остались на дворцовых землях в такой же силе, как и на помещичьих.

К нарисованной нами картине дворянского и военного государства, каким была Пруссия при Фридрихе II, надо прибавить еще одну черту: это жесткий прессинг, который особенно чувствовали на себе дворяне и бюргеры. Фридрих вмешивался во все — не только в управление, но и в частную жизнь своих подданных. Он не верил в способность прусских граждан самостоятельно определять свои выгоды до такой степени, что посылал драгун наблюдать за культурой яблочных плантаций, разведению которых в Пруссии он придавал очень большое значение. Он сам назначал деревни, которые нужно колонизовать, определял улучшения, которые надо произвести, фабрики, которые надо основать, само число рабочих для них. Он не доверял никому, даже своим собственным министрам, и, по словам Гердера, третировал публику, как одну только «декорацию для придворных торжеств». Это систематическое отучивание прусского общества от всякой самостоятельности дало себя знать уже при ближайших преемниках Фридриха II и было одной из главных причин разгрома Пруссии при Иене.

Если мы теперь подведем итог сказанному о Фридрихе II, то увидим, что и при нем Пруссия представляла собой компромисс между абсолютизмом монархичес-

кой власти и аристократическими привилегиями дворянской касты. За время правления монарха-просветителя в Пруссии не выработалось тех предпосылок будущего прогрессивного развития, которые в то время уже существовали во Франции, — ни образованного и активного третьего сословия, ни масс, готовых к освобождению. Массы были принижены и задавлены крепостным правом, горожанам же Фридрих II всегда предпочитал аристократическую касту, и при нем третье сословие далеко еще не представляло из себя того, чем оно было во Франции. Французская монархия XVIII в. до известной степени нивелировала общественные различия, допуская на высшие должности в государстве людей из класса буржуазии и стесняя власть помещиков на местах; прусские же приемы управления при Фридрихе II выдвигали на первый план дворянство, — и в качестве главного орудия управления, и в качестве важнейшей военной опоры государства, и в качестве первенствующего на местах сословия. Поэтому-то прусской монархии в XVIII в. едва ли можно отдавать какое-нибудь предпочтение перед французской, как это обыкновенно делают немецкие историки. Один из них, Дройзен, утверждал, «что жизненным элементом нового монархического суверенитета (в XVIII в.) была трибунская власть». Но это утверждение ни на чем не основано; наоборот, слабостью старого прусского режима было то, что он был основан на неравенстве и ничего не сделал для его устранения.

Глава III

Фридрих Вильгельм II и Фридрих Вильгельм III. Кризис

Мы видели, что при Фридрихе II военный расцвет Пруссии не находился в должном соответствии с ее социальным развитием: с приниженностью крестьянского сословия и со слабостью городских классов. Единственной общественной силой была при нем земельная аристократия, т. е. дворянство. Эта социальная отсталость Пруссии была вполне очевидна для Фридриха II, но он ничего не сделал и не хотел сделать для ее устранения. Между тем своей агрессивной политикой он впутал Пруссию в мировые отношения; после Фридриха II Пруссия уже не могла не принять в той или иной форме участия в мировом пожаре, который разгорелся в Европе по сигналу, данному французской революцией. Для полуфеодального государства, каким была тогда Пруссия, задача оказалась непосильной, и в международном состязании, которое произошло на полях Европы в десятилетия, последовавшие за смертью Фридриха, она утратила и свою недавнюю боевую сла-

ву, и занятое с таким трудом место первоклассной военной державы.

Упадок Пруссии обнаружился уже при ближайшем преемнике «великого» короля, его племяннике Фридрихе Вильгельме II (1786—1797 гг.). В его натуре едва ли не самой преобладающей чертой был мистицизм; эта черта передалась затем многим из его потомков и вошла наряду с пресловутой практичностью и культом военной силы в духовный облик большинства представителей династии Гогенцоллернов. Мистицизм Фридриха Вильгельма II был неразрывно связан с идеологией абсолютизма, потому что он считал абсолютную монархию божественным учреждением, а иерархов — чем-то вроде посланников небес, призванных осуществлять на земле высшие цели. Двор короля был всегда наполнен всякого рода духовидцами и теософами, среди которых большая часть были, конечно, простыми шарлатанами. Его потсдамская библиотека была составлена из книг исключительно мистического содержания. Его наиболее влиятельные министры — Бишофсвердер и Велльнер принадлежали к знаменитому розенкрейцерскому ордену, в котором шарлатанские претензии на высшее знание удивительным образом сочетались с крайней нестерпимостью ко всем инакомыслящим. Велльнер был одновременно министром юстиции, народного просвещения и духовных дел, и при нем настало время самого крайнего обскурантизма и гонения на просветителей. 9 июля 1788 г. он издал указ, которым устанавливался контроль за деятельностью лиц духовного звания. «Всем кандидатам, — говорилось в этом указе, — образ мыслей которых не будет признан чистым

и правоверным, отныне будет закрыт доступ к священству, ибо это — единственное средство оградить церковь от заразы». Так как в руках священников тогда находилось почти все народное образование, то оно прониклось духом ханжества и обскурантизма. Другим указом (от 19 декабря 1788 г.) Велльнер подчинил самому мелочному надзору со стороны цензуры все политические сочинения. Мирабо, который в то время посетил Берлин и написал «Историю берлинского двора», почти с отчаянием восклицал, имея ввиду Бишофсвердера и Велльнера: «Чем станет судьба страны, которой будут руководить жрецы и визионеры!» Мистические увлечения Фридриха Вильгельма II, как это часто бывает, влияли и на чувства. Он был женат четыре раза, из них два раза морганатическим¹ браком, причем вступая в третий брак, он даже не позаботился развестись со своей второй женой. Кроме четырех жен он имел еще и немало любовниц, одна из которых (графиня Лихтенау) играла довольно видную политическую роль. В придворных сферах непрекращающейся серией шли разного рода скандалы, и Мирабо имел полное право охарактеризовать берлинский двор как «благородный кабак», в котором главную роль играют «бессовестные интриганы, жалкие посредственности и пустые искатели наслаждений».

При таком короле непрочное само по себе здание Фридриховой «системы» стало разрушаться довольно быстро. Отрицательные стороны политики Фрид-

¹ Брак, заключенный членом королевской семьи с лицом некоролевского происхождения. — *Прим. ред.*

риха II при его приемнике проявились еще сильнее, а того внешнего ореола, который придавали царствованию Фридриха II его победы и его во всяком случае незаурядная личность, теперь уже не было. Симпатии к дворянскому сословию в душе Фридриха Вильгельма II были еще живее, чем в душе его предшественника; он дал новые льготы дворянскому сословию, раздавал дворянам дворцовые земли, даже отчасти восстановил политические права дворянства, пытаясь вдохнуть силу и жизнь в вымиравшие собрания дворян по округам и исключив из провинциального представительства города и мелких свободных собственников (кульмцев). «Общее земское право», которое подверглось при нем окончательной редакции, отразило эти дворянские симпатии короля. В нем все привилегии дворянского сословия были заново подкреплены: мысль, что дворянство есть первенствующее и главное сословие государства, проводилась там систематически в целом ряд параграфов; некоторые черты либерального и гуманного духа, включенные в этот кодекс советником Фридриха II Крамером, в окончательной редакции под влиянием дворянства были вычеркнуты.

В соответствии с этим отношение Фридриха Вильгельма II к крестьянам было открыто недоброжелательным. Новый король, установив наследственное право дворцовых крестьян на их земли, считал, что он сделал этим для крестьян слишком много и не хотел и слышать ни о каких дальнейших улучшениях их участи. В 1794 г. король торжественно заявил, что никогда не позволит выкуп барщины и повинностей

и не уничтожит обязанности крестьян по отношению к их господам. В 1790 г. министр Силезии запретил местной газете (*Schlesische Provinzialblätter*) писать что-либо в защиту крестьян. Если крестьяне подавали жалобы, то обыкновенно они же и оказывались виноватыми, а крестьянские адвокаты, которые находились кое-где в провинциальной Пруссии (т.н. *Winkelkonsulenten*), навлекали на себя строгие наказания. Даже попытка ревизии и фиксации крестьянских повинностей, начатая Фридрихом II незадолго до его смерти, была при его преемнике приостановлена, чтобы не плодить среди крестьян неосновательных слухов относительно возможного облегчения их участи.

Ответом на всю эту политику была целая серия крестьянских восстаний. Начавшись с Силезии и Саксонии, они шли, почти не прекращаясь, в течение всех 90-х годов. и в некоторых местах вырастали до довольно крупных размеров. Кое-где к восставшим крестьянам присоединялись и городские ремесленники, и в руках восставших оказывались целые деревни и даже города. Но торжество, конечно, было очень непродолжительным, и правительству не стоило большого труда быстро расправиться с этими отдельными вспышками неорганизованных масс.

Сильнее давали себя знать финансовые затруднения. Король начал свое царствование с попыток уменьшить тяжесть косвенного обложения, ложившегося на все население. Но с характерной для него непоследовательностью он скоро вернулся к прежней системе; при этом налоги на предметы первой необ-

ходимости — хлеб, соль, пиво и сахар — скоро достигли очень значительных размеров. Народ разорялся, но вместе с тем беднела и государственная казна, потому что с истощенного народа почти нечего было взять, и косвенные налоги вызывали не повышение казенных доходов, а сокращение народного потребления. Даже и чиновничество, которое при Фридрихе II никогда не выходило из повиновения, было теперь недовольно неустойчивой, полной постоянных колебаний финансовой политикой короля, и когда он в конце своего царствования опять восстановил казенную монополию на продажу табака, — оно ответило на это почти открытым неповиновением, а в стране началась едва не анархия. Вообще, прусская хваленая администрация находилась при Фридрихе Вильгельме II в довольно шатком состоянии. Мы уже видели, что в начале XVIII в. в Пруссии образовалось центральное учреждение, сосредоточившее в своих руках все главнейшие дела («главное управление финансов, военных дел и доменов»), но у него не было подчиненных органов на местах. Фридрих II еще умел объединять деятельность всех своих чиновников и направлять ее на общие цели. Но при его преемнике пагубные следствия отсутствия связей между центральными и местными органами обнаружились в полной мере. На местах продолжала действовать патримониальная власть помещиков, и даже ландраты при Фридрихе Вильгельме II опять стали орудием помещичьих вождедений. К этому присоединялась еще путаница среди самих центральных учреждений, которые не умели точно разграничить между собой свои функции, и одно и то же дело

часто решалось в разных местах. Один важный прусский чиновник того времени, датчанин по происхождению (Карл Август Струэнзе), так характеризовал тогдашнюю прусскую администрацию: «Если вы желаете убедить кого-либо в существующих злоупотреблениях, вы увидите скоро, что это зависит от двадцати коллегий, пятидесяти местных учреждений, ста привилегий и необозримого множества личных соображений...» Помочь в таких случаях, пишет он дальше, может разве только сильный толчок извне или путаница в ведении дел достигнет таких пределов, что люди перестанут понимать друг друга и сознают, что необходимо обратиться к более простым началам. Как бы то ни было, в конце XVIII в. пруссаки своей администрацией похвалиться не могли.

Два детища политики Гогенцоллернов — финансы и администрация — находились в разложении уже через каких-нибудь 10 лет после смерти Фридриха II. Не лучше обстояло дело и с третьим, и притом самым любимым детищем этой политики — войском. Фридрих Вильгельм II не уделял войску того внимания, что его предшественники; численный рост его войска, несмотря на то, что при Фридрихе Вильгельме II население получило новый колоссальный прирост от разделов Польши, почти прекратился, — и оно за все царствование увеличилось только на 35 тысяч человек; для большего увеличения у казны не хватало денег. Нужно припомнить, что царствование Фридриха Вильгельма II совпало с французской революцией, когда в Европе вооружалось все, что могло, когда военные бюджеты всех европейских держав росли со сказочной быстро-

той, новые колоссальные армии французской республики уже стучались в двери прусского государства. Оставаться беспечным в такое время значило не только отказываться от воинственных традиций всей гогенцоллернской политики, но и обрекать Пруссию на полный разгром. Последствия этого дали себя знать уже при самом Фридрихе Вильгельме II. На первый взгляд может показаться, что внешняя политика Фридриха Вильгельма II была не менее удачна, чем политика его предшественников: те земли, которые Пруссия захватила по второму и третьему разделам Польши, не только сами по себе были очень значительны, но и сократили линию прусской границы, включив в состав Пруссии тот острый клин польских владений, который отрезал Силезию от Западной и Восточной Пруссии. Но за этим действительно крупным территориальным приобретением скрывается очень неблагоприятная дипломатическая ситуация, в которой Пруссия оказалась к концу царствования Фридриха Вильгельма II. Во-первых, Пруссией в течение этого царствования было совершенно утрачено значение руководящей державы внутри Германии. Одним из главнейших успехов Фридриха II в области внешней политики было то, что он своими войнами с Австрией доказал, на каком шатком основании были построены притязания Австрии на первенство в Германии. Семилетняя война была, в сущности, первым шагом к объединению Германии под главенством Пруссии, первым толчком к исключению Австрии из германского союза. Мало этого, Фридриху II удалось не только доказать, что Австрия слаба, но и выставить себя в качестве защитника мелких немец-

ких государств от покушений на их самостоятельность со стороны Австрии. В конце его царствования Австрия дважды (в 1778—1779 гг. и в 1784—1785 гг.) пытались присоединить к себе баварские владения и каждый раз должна была отступать от этого намерения под влиянием решительного противодействия со стороны Фридриха II. В последний раз (в 1785 г.) он даже организовал «союз князей» Германской империи для защиты «немецкой свободы» в том специфическом смысле этого слова, какое оно имело в то время, т.е. для защиты княжеской самостоятельности и независимости. Правда, в то же время он сам под шумок захватил южнонемецкие маркграфства — Байрейтское и Ансбахское, — но сделано это было с согласия их последнего владельца и не помешало Фридриху по-прежнему выставлять себя защитником мелких государств от Австрии. Как бы то ни было, при Фридрихе II популярность Пруссии среди второстепенных немецких княжеств была очень велика, и на нее, а не на Австрию обращались взоры всех немцев в тех случаях, когда затрагивались общие германские интересы. При Фридрихе Вильгельме II значение первенствующего в Германии государства снова отходит к Австрии. Австрия, а не Пруссия выступила в роли застрельщика в борьбе против революционной Франции; Пруссия вела борьбу против Франции очень неохотно, так как ее внимание в то время было всецело поглощено польскими делами, и при первом удобном случае заключила с Францией мир (Базельский, 1795 г.), предавая, в сущности, этим всю Германию на произвол французских победителей. Значение этого мира заключалось

не столько в том, что Пруссия была вынуждена отдать Франции свои левобережные владения, сколько в том, что заключение его знаменовало собой фактический отказ Пруссии от великодержавной политики, от руководящей роли в Германии; мало этого, немцы могли видеть в этом мире даже и измену общенемецкому делу, так как Пруссия соглашалась на уступку Франции всей левобережной Германии и за это в тайных статьях договора выторговывала для себя компенсации за счет других германских княжеств. Благодаря этому миру Пруссия сама изолировала себя внутри Германии, лишала себя того выгодного положения защитницы мелких княжеств, в которое ее поставила политика Фридриха II.

Изолировав себя в Германии, Пруссия изолировала себя вообще в Европе. С Австрией ее отношения были крайне натянуты, и даже во время совместной борьбы против Франции обе державы не переставали весьма подозрительно следить друг за другом. Не лучше было отношение Пруссии к России, так как она держалась в высшей степени враждебно по отношению к России во время шведской войны (1788—1790 гг.); кроме того, обе державы готовы были каждую минуту поссориться во время польских разделов. Только с Англией и Швецией у Пруссии сохранились хорошие отношения, но эти державы могли бы помочь Пруссии в случае новой войны только на море, а не на суше, между тем как судьба всех войн, которые когда-либо вела Пруссия, решалась именно на суше.

Таким образом, несмотря на новые территориальные приобретения, благодаря польским разделам положение Пруссии при Фридрихе Вильгельме II и в силу обо-

стрившихся социальных конфликтов внутри страны, и в силу бедственного состояния финансов и недостаточного роста военных сил государства, и в силу плохой дипломатической подготовки не предвещало ничего утешительного на случай войны с серьезным соперником. И грозный час военного испытания пробил для Пруссии при преемнике Фридриха Вильгельма II, Фридрихе Вильгельме III (1797—1840 гг.).

Этому королю были чужды главные недостатки его отца — склонность к мистическим и чувственным увлечениям. Это был человек по-мещански благоразумный и осторожный, любивший порядок и точность, неспособный ни на порывы, ни на увлечения. Его осторожность доходила до вялости, его нерешительность — до трусости.

В начале своего правления он обещал править в духе своего деда Фридриха II, но добродетели скопидомного и резвого бюргера сближали его скорее с прадедом — Фридрихом Вильгельмом I, только без его настойчивости в проведении своих целей, без его энергии и без его умения управлять людьми. С самого начала правления он устранил скандальных и ограниченных министров своего отца, но на смену им посадил таких же бездарных людей, как и их предшественники, склонных вдобавок к интригам. В другое более спокойное время этот ограниченный король-бюргер был бы вполне уместен на прусском престоле, но в тревожную эпоху французской революции и наполеоновских завоеваний он совершенно растерялся, и все старые недочеты прусской общественной и политической жизни при нем обнаружили с особенной яркостью. Среди

государственных людей даже и первого десятилетия его царствования были люди, прекрасно понимавшие необходимость коренных реформ (это прежде всего Штейн и Гарденберг), но нерешительный Фридрих Вильгельм III не слушал их советов, хотя и поручал им время от времени довольно важные посты. Он не был чужд добрых намерений, но при первом же сопротивлении со стороны дворянства или старой бюрократии он отступал от всех своих начинаний. Самой крупной из реформ первого десятилетия его царствования было уничтожение обязательных работ для дворцовых крестьян; дворцовые крестьяне получили право переводить в деньги свои натуральные повинности в пользу арендаторов, и большинство из них этим правом воспользовались. Но, конечно, эта ничтожная реформа не могла спасти разлагавшийся организм прусского государства.

Разложение Пруссии стало очевидным под влиянием столкновения с внешним врагом — Наполеоном. Никто не думал, что Пруссия так быстро сдаст свои позиции, что ее прославленная армия окажет такое ничтожное сопротивление войскам французского императора, как это оказалось на деле. Когда в 1806 г. началась новая война с Францией, прусская армия выступала в поход без всякого воодушевления: солдаты, получавшие самое ничтожное продовольствие, в значительной степени состоявшие из иноземцев, лишённые права выслуги и изнуренные тяжелой муштрой, не проявляли никакого энтузиазма. Офицеры, бравшиеся только из дворянской среды, были апатичны и подкупны; дворянское чувство чести, вопреки ожида-

ниям Фридриха II, оказалось плохим стимулом для патриотизма. Генералы были, по большей части, уже одряхлевшими стариками, так как производство в чины в прусской армии обуславливалось исключительно возрастом. К тому же и народ воспринимал армию совершенно равнодушно, она к этому времени успела стать решительно непопулярной в стране. Офицеры-дворяне держали себя высокомерно не только с простонародьем, но и с образованными и зажиточными бюргерами; их презрительное обращение со всеми штатскими вызывало ответную ненависть со стороны гражданского населения страны. Солдаты вели себя также грубо по отношению к населению, особенно, когда им приходилось останавливаться где-нибудь на постой в деревне; в таких случаях деревенские жители чувствовали на себе тяжесть чуть ли не неприятельского нашествия.

На полях сражения эта армия оказалась также из рук вон плохой. Сам Наполеон, который помнил, что ему придется иметь дело с войсками Фридриха Великого, не ожидал встретить такого слабого соперника. Солдаты не обнаружили стойкости сопротивления и бежали после первого же удара; генералы совершенно не ориентировались в положении, давали себя обходить и, разбитые, бежали в разных направлениях, не умея ни соединить свои отряды при отступлении, ни прикрыть дорогу на Берлин. При таком состоянии прусской армии события разыгрывались с головокружительной быстротой. 10 октября при Заальфельде был разбит князь Гогенлоэ; 14 октября тот же Гогенлоэ был разбит при Иене, а герцог Брауншвейгский при

Ауэрштедте; 28 октября при Пренцлау сдалась вся армия Гогенлоэ, 7 ноября в Любеке сложил оружие Блюхер. Еще раньше — 27 октября — Наполеон вступил в Берлин. Подобно полевым войскам, с головокружительной быстротой падали и крепости. Они были очень плохо оборудованы и сдавались по первому же требованию, часто не предприняв даже и попытки сопротивления: Эрфурт, Шпандау, Штеттин, Кюстрин, Магдебург, Гаммельн, силезский ряд крепостей — все эти укрепления к началу 1807 г. лежали уже у ног Наполеона; только Кольберг и Грауденц оказали храброе сопротивление. Одна аристократическая наблюдательница (герцогиня д'Абрантес) так говорила про эти крепости: «Города падали градом, как спелые плоды! Это было похоже на сон: словно сам Бог бросал их в лоно победителя». А Генрих Гейне охарактеризовал это почти моментальное распыление прусской военной славы так: «Наполеон дунул на Пруссию, и ее не стало».

Характерно, что в эти недели бесславных поражений Пруссии ее население отнеслось к национальному позору с величайшим равнодушием. Все слои прусского общества от высших до низших обнаружили в это время такое полное отсутствие национального чувства, которое спустя несколько лет ужаснуло самих же пруссаков и показалось им совершенно непонятным. Губернатор Берлина граф фон Шуленберг-Кенерт обратился тогда к берлинцам с призывом соблюдать полное спокойствие и разъяснял даже, что в этом заключается гражданский долг населения; но его опасения за сограждан были совершенно напрасны, в Берлине

ни до, ни непосредственно после занятия французами не раздалось ни одного голоса протеста, и сам Наполеон нашел возможным обратиться к лояльным берлинцам с милостивыми и ласковыми словами: «Добрый берлинский народ, — сказал он, — вынужден нести последствия войны, тогда как ее виновники спаслись...» Образованные берлинцы, прошедшие школу просветительной науки, готовы были даже видеть в Наполеоне своего героя, который осуществит космополитические чаяния просветителей о водворении общеевропейского царства гражданского равенства и всеобщего мира. Были и такие, которые считали самым счастливым днем своей жизни тот, в который удалось увидеть Наполеона. Дворянская администрация и военные власти доводили свою услужливость перед Наполеоном до того, что при занятии французами, например, крепости Кюстрина сам комендант позаботился выслать для надобностей неприятельских войск несколько паромов, на которых те и переправились через реку и заняли затем самую крепость. Менее всего патриотических чувств могли проявить крестьянство и мелкая городская буржуазия, среди которых ходили не вполне ясные слухи о новых порядках, которые несут с собой наполеоновские армии в завоеванные местности. Многие из крестьян и из бюргеров смотрели даже на поражения армии с чувством удовлетворенной ненависти, ибо, как мы уже видели, к концу XVIII в. прусская армия успела стать крайне непопулярной среди бюргерского и сельского населения. Как бы то ни было, но все пруссаки — без различия сословного и общественного положения — на

первых порах совершенно не поняли всей серьезности обрушившегося на их головы бедствия и с любопытством разглядывали вступивших на прусскую территорию французских солдат. Но сам Наполеон позаботился о том, чтобы сделать их более понятливыми.

Известны условия последовавшего затем Тильзитского мира: Пруссия лишилась своих владений и на западе и на востоке: земли ее на запад от Эльбы вошли в состав королевства Вестфальского; земли, полученные по двум разделам Польши, — в состав вновь образованного великого герцогства Варшавского. Ее территория и население уменьшились наполовину: из 5700 квадратных миль за ней осталось лишь 2850, из 9 750 000 населения — только 4 600 000. Она должна была уплатить огромную для того времени контрибуцию в 112 миллионов франков, а до уплаты этой суммы содержать оккупировавшее ее французское войско. В довершение всего Пруссия лишена была права держать войско более чем в 42 тысячи человек. Теперь она перестала быть великой державой и оказалась в положении второстепенного государства Европы.

При заключении Тильзитского мира дала себя знать та невыгодная международная ситуация, в которую попала Пруссия еще при Фридрихе Вильгельме II: за нее теперь никто не вступился, на ее защиту никто не встал. Второстепенные немецкие государства одно за другим спешили вступить в подчиненный Наполеону Рейнский союз. В это время казалось, что будущее объединение Германии пойдет не так, как это намечалось при Фридрихе II, — под эгидой Пруссии, — а по путям, указываемым Наполеоном, под его верховным

надзором и с его согласия. Австрия, брошенная Пруссией на произвол судьбы в 1795 г. при заключении Базельского мира и вдобавок испытывавшая на себе вероломство Пруссии год с небольшим назад¹, теперь смотрела на ее унижение с чувством удовлетворения. Россия, сражавшаяся в 1805—1807 гг. против Наполеона в союзе с Австрией и Пруссией, нашла теперь для себя более выгодным отказаться от своего не особенно верного союзника и по Тильзитскому миру сама вступила с Францией в соглашение. Оставался только один непримиримый враг Франции — Англия, но ее помощь не могла, конечно, иметь тогда существенного значения. Здесь-то и сказались в полной мере следствия того изолированного положения, в которое Пруссия сама себя ставила своей двуличной политикой по отношению к временным союзникам и которое намечалось уже при Фридрихе Вильгельме II.

Однако задавленная Наполеоном и, казалось, совершенно утратившая чувство национального достоинства Пруссия не погибла. Пруссаки очень скоро поняли, что значит иноземное господство. Стопятидесятитысячное французское войско чувствовало себя хозяевами в стране; грабеж — в законной форме рек-

¹ Пруссия, примкнувшая осенью 1805 г. к антинаполеоновской коалиции Австрии, Англии и России, после Аустерлица нашла для себя более выгодным заключить сепаратный мир с Францией (договор в Шенбрунне) и даже вступить с ней в союз (декабрь 1805 г.). Союз этот оказался, однако, очень непродолжительным, и уже с осени 1806 г. Пруссия, как мы видели, была в состоянии войны с Наполеоном.

визиции или в форме простого мародерства — разорял в некоторых местах население до полной нищеты, контрибуция взysкивалась самими французскими чиновниками с беспощадной суровостью и довершала разорение страны. Фактически сумма контрибуции намного превзошла установленные Тильзитским миром 112 миллионов франков, и сам Наполеон говорил: «Я вытянул из Пруссии миллиард»; — а прусские историки считают, что Пруссия заплатила еще больше — до 1200 миллионов. К этому надо еще прибавить гнет континентальной блокады, которая закрыла пути для прусского ввоза и вывоза в Англию. Над Пруссией теперь как будто бы пронеслась новая тридцатилетняя война: целые местности стали пустеть, а в Восточной Пруссии население стало даже вымирать от недоедания. Наполеон, уничтоживший английский импорт в Пруссию и думавший создать теперь из Пруссии рынок для французских товаров, скоро, однако, должен был отказаться от своих планов: Пруссия настолько обнищала, что в ней почти никто ничего не покупал.

При таких условиях пробуждение должно было наступить довольно скоро. Первой «проснулась» интеллигенция; из ее среды раздались горячие проповеди Шлейермахера, который призывал немцев выйти из состояния изолированности и пассивности и осознать себя частями одного великого целого; из ее же среды прозвучали и вдохновенные «Речи к немецкой нации» Фихте, в которых он доказывал, что Германия не может погибнуть, что у нее, раздавленной и лежащей у ног французского императора, есть еще предметы гор-

дости — ее язык, литература и культура. И у них нашлась теперь публика, которая понимала их, потому что она только что испытала на себе, что значит утратить чувство национального достоинства и забыть о связях, налагаемых общей принадлежностью к одному отечеству. Даже крестьяне, забитые и обезличенные, должны были теперь под тяжестью налогов, вызванных огромной контрибуцией, под гнетом постоя неприятельских войск осознать общность их личных интересов и интересов всего государства. Тяжелые последствия иноземного владычества давали теперь горькие уроки патриотизма, вытравленного дворянофильской и бюрократической политикой королей XVIII столетия.

У Фридриха Вильгельма III не могло быть причин противиться этому подъему национального самосознания. Он не мог не понимать, что только став на сторону народного движения, только раздув в народе дух самостоятельности и энергии, он еще мог выйти из своего положения наполеоновского слуги, сидящего на престоле благодаря милости всемогущего императора. Когда Наполеон занял Берлин, он сказал, имея ввиду прусского короля и его близких: «Я настолько унижу эту дворцовую клику, что ей придется протягивать руку за подаванием». И эти слова слишком определенно звучали угрозой изгнания династии Гогенцоллернов из Пруссии, чтобы Фридрих Вильгельм III мог не понять их. Заступничеством Александра I династия уцелела, но уцелела в состоянии полного унижения, без тени того военного обаяния, какое она имела при Фридрихе II. Теперь и для этого вялого и нерешительного ко-

роля стало ясно, что только коренные и решительные реформы могут снова вывести Пруссию из состояния национального унижения и укрепить позиции династии Гогенцоллернов. Принимаясь за реформы, он, в сущности, не изменял основной цели политики всех своих предшественников: этой целью было поднять военное значение Пруссии, придать ей больший вес в семье других европейских народов. Характерно то, что, решившись, наконец, на реформы, Фридрих Вильгельм III нашел самых талантливых, способных работников не среди пруссаков, а среди других немцев — ганноверцев, саксонцев, гольштинцев, нассаусцев и других: некоторые из них были на прусской службе уже раньше, другие только теперь предложили свои услуги. Даже оба наиболее даровитых министра Фридриха Вильгельма III — Гарденберг и Штейн были не пруссаками, а ганноверцем и нассаусцем соответственно. Строгая школа прославленной прусской администрации не воспитала способных и смелых чиновников, и в эпоху великих прусских реформ пришлось брать реформаторов со стороны и даже радоваться, что они еще имели доверие к способности Пруссии на возрождение и не отвернулись от нее так же, как отвернулись от Австрии, политический организм которой и тогда уже издавал трупный запах...

Эпоха прусских великих реформ слишком известна, чтобы была необходимость подробно на ней останавливаться. Мы напомним читателям только главные результаты реформ. 9 октября 1807 г., всего несколько месяцев спустя после заключения мира, был обнародован знаменитый эдикт, положивший начало новой

Пруссии. Этим эдиктом, во-первых, по всей Пруссии отменялась личная зависимость крестьян от помещиков; во-вторых, отменялись все привилегии дворян по владению землей: всякий гражданин — дворянин или недворянин — получал теперь право покупать земли, и помещик мог продать свои имения, кому ему заблагорассудится; в-третьих, устанавливалось раскрепощение всех прусских сословий: всем прусским подданным разрешалось свободно выбирать свои занятия и свободно переходить из одного звания в другое. Вскоре вслед затем (эдиктами от 28 октября 1807 г. и от 27 июля 1808 г.) было довершено и освобождение дворцовых крестьян: принудительные работы в пользу арендаторов были уничтожены и крестьяне получали право собственности на ту землю, на которой они сидели; за это у них отнимали их прежнее право пользоваться пособиями от казны из которых особенно важным для крестьян было право пользования казенным лесом.

В тот же 1808 г. (эдиктом от 19 ноября) была произведена и городская реформа. До этого времени хозяином в городе, в сущности, был назначенный правительством чиновник (Steuerrath), причем, как показывает само название его должности, его главные права и обязанности носили фискальный характер. Штейн, по настоянию которого была произведена городская реформа, равно как и указанные выше, слишком дорожил идеей местного самоуправления, чтобы оставить все по старому. Здравый смысл подсказал ему, что третье сословие, бюргеры, более жизнеспособно, чем какое-либо другое сословие, и что ему нужно развязать руки для активной деятельности. Поэтому указом от 19 но-

ября он передал все важнейшие городские дела (финансы, полицию, школьное образование, общественную благотворительность) в руки выборных органов. Таких органов в каждом городе было два: 1) собрание гласных (городская дума, Stadtverordneten), избравшихся всеми гражданами, имевшими в городе какую-либо недвижимую собственность или годовой доход от 160 до 200 талеров, и 2) магистрат (городская управа с городским головой во главе), избравшийся гласными думы. Принадлежность к тому или другому сословию на выборах не играла никакой роли, и этим делался еще один шаг к уравниванию сословий (первым таким шагом надо считать эдикт от 9 октября). При этом свобода органов городского самоуправления в решении городских дел была почти полная, а контроль со стороны государства был незначительным.

Из других реформ Штейна надо особенно отметить реформу центральных учреждений. Одной из главных причин административной путаницы в старой Пруссии было то, что наряду с делением органов центрального управления по роду подведомственных им дел еще сохранялось и деление по провинциям; так, например, существовали министры для Восточной Пруссии, для Померании и т.п. Эту путаницу Штейн нашел нужным уничтожить, установив единый принцип разделения дел между центральными властями: именно по функциям, а не по территориям. Им было образовано пять министерств (военное, внутренних дел, иностранных дел, юстиции и финансов) с твердо установленными границами власти для каждого. Ни одно важное дело не могло быть решено прежде рассмотрения его в совете ми-

нистров; этим устранялось влияние тех неотвественных шептунов, которые приобрели большую силу при Фридрихе Вильгельме III, нося звание членов королевского «Кабинета», — по закону подчиненных чиновников с очень ограниченными правами, а на деле почти всемогущих в силу личной их близости к королю. Вместе с тем, конечно, упразднялось и «генеральное управление финансов, войны и уделов».

Несколько позднее была произведена реформа армии. Огромная важность военного дела была ясна для всех; только с помощью армии можно было сбросить иноземное иго и освободиться от опеки Наполеона. Как раз в разгар реформы эта опека дала себя знать самым решительным образом: Наполеон, понимавший, какую опасность для Франции может представить внутреннее возрождение Пруссии, потребовал отставки Штейна, и Фридрих Вильгельм должен был удовлетворить его требование (24 ноября 1808 г.), иначе Пруссии грозила новая и немедленная война с Францией. Но и без этого нового подтверждения утраты Пруссией независимости даже в ее внутренних делах необходимость преобразования войска была слишком очевидна, и еще до назначения Штейна была учреждена комиссия для реорганизации армии под председательством одного из самых способных генералов прусской армии — сына ганноверского мужика Шарнгорста. Однако работы комиссии двинулись вперед только после назначения Штейна. Обстоятельства предшествующего времени достаточно показали, на каких основаниях должна была произойти реформа армии: нужно было вырвать офицеров из обстановки кастовой изолированности, нужно было

поднять в солдатах доверие к родине и к их начальникам, а также развить в них чувство личного достоинства; нужно было связать войско со всем народом общими интересами и одной и той же целью. А для этого надо было открыть доступ в офицерскую среду для всех сословий, ввести более гуманное отношение к солдатам, уничтожить вербовку наемников за плату и построить все военное дело на системе всеобщей воинской повинности. Первых трех целей Шарнгорсту, поставленному во главе военного министерства, удалось добиться довольно скоро. Труднее было осуществить всеобщую воинскую повинность, потому что условиями Тильзитского мира Пруссии было запрещено иметь под ружьем более 42 тысяч человек; да и сам король боялся дать свое согласие на такую демократическую меру. В конце концов Шарнгорст добился компромиссного решения: было решено призывать большинство прусских подданных (за исключением тех, которые имели льготы по воинской повинности, — в том числе и лиц, принадлежавших к высшим классам) на один месяц в армию: их наскоро обучали военному делу и затем отпускали, чтобы снова призвать новобранцев. Так, для будущей войны против Франции готовились массы все новых и новых ополченцев. Но порвать с привилегиями для высших классов, уничтожить их свободу от военной службы король довольно долгое время не решался, и всеобщая воинская повинность была введена уже только после освободительных войн (указом от 3 сентября 1814 г.).

После отставки Штейна его дело продолжал другой министр-реформатор — князь Гарденберг. Назначен-

ный государственным канцлером с разрешения Наполеона (в июне 1810 г.), он прежде всего обратил свое внимание на расстроенные прусские финансы. Он конфисковал у церквей их имущество и затем, пустив его в продажу, достиг двух целей: пополнил государственную казну и создал некоторое количество свободных собственников земли. Он подчинил дворян косвенному обложению, заставив платить налоги за кареты, собак, лошадей и слуг (раньше косвенные налоги платили только городские жители). Прежние платежи крестьян в пользу помещика за молотьбу хлеба и изготовление пива и водки на помещичьей усадьбе он обратил в налоги государству, разрешив всем крестьянам молотить их зерно и изготавливать спиртные напитки у себя во дворе или в доме. Он уничтожил прежнюю свободу дворян от уплаты таможенных налогов. Вместе с тем он разрушил старую цеховую систему, разрешив всем желающим приобретать промысловые свидетельства за определенную плату, и этим открыл для прусской экономической истории новый период — период свободной торговли и промышленности. Наконец, он ввел налоги на капиталы и доходы, положив этим начало подоходному обложению.

Все эти реформы должны были на время оживить прусскую нацию и поднять в народе доверие к своим силам; но ни от кого — ни от самих министров-новаторов, ни от передовых людей тогдашней Пруссии, ни, наконец, от народной массы не была скрыта их недостаточность и незавершенность. Главной помехой служил сам король, который не мог забыть о традиционной связи политики всех Гогенцоллернов с интере-

сами дворянского сословия и не решался с должной смелостью и определенностью отбрасывать все те палки, которые совало дворянство в колеса реформаторской деятельности Штейна, Шарнгорста и Гарденберга. Реформаторы в своей борьбе против притязаний олигархии не могли опереться на общественное мнение, которого тогда еще в Пруссии не существовало, и не находили поддержки в самой администрации, которая была тесными узами связана с дворянской кастой; поэтому-то часто они слишком быстро сдавались перед натиском привилегированных сословий. Штейн, освободив крестьян от личной зависимости, не решился, однако, уничтожить патримонильную власть помещика над крестьянами, и помещик по-прежнему остался в пределах своей округи полицмейстером, судьей и администратором для местных крестьян. Гарденберг только стремился вырвать деревенское и провинциальное управление из рук дворянства и посадить на места правительственных чиновников, совершенно независимых от дворян и проникнутых идей государственного интереса. Дворяне подняли против его планов такой бурный протест, что Гарденберг уступил и ограничился только тем, что назначил на места чинов жандармской полиции. Так как они были подчинены ландратам, по-прежнему проникнутым олигархическими симпатиями, то, в сущности, введение этой жандармской полиции не ослабило, а усилило права дворянства. Далее, совершенно искаженное осуществление получила мысль Штейна о введении областного самоуправления. Штейн имел ввиду создать земское самоуп-

равление, включив в назначаемые правительством провинциальные палаты военных дел и финансов выборных членов от населения, снабдив их теми же правами, что и членов по назначению. Но после его отставки в эти палаты получили доступ лишь представители дворянской аристократии, и в результате ее значение на местах опять-таки не ослабилось, а усилилось. Наконец, совершенно не получили осуществления мысли обоих реформаторов о созыве национальных представителей. Сам Штейн довольно долго не придавал большого значения национальным представительствам и находил возможным ограничиваться лишь введением местного самоуправления. Медитативный имперский князь по происхождению и администратор по карьере, он был проникнут глубоким уважением к абсолютизму, и лишь уходя в отставку по требованию Наполеона, осознал, насколько вредно равнодушие общества к «делам государственного управления». Но и тогда в своем «Политическом завещании» он рекомендовал введение только совещательного представительства, оставив в полной силе неограниченную власть короля. Гарденберг, политическое мировоззрение которого было шире, чем Штейна, яснее понимал необходимость общенационального представительства, но в его конституционных взглядах было все-таки много неопределенного; к тому же в его характере было меньше решимости, чем у Штейна: поэтому в результате всех его стараний в пользу созыва национальных представителей появились два очень странных учреждения, заседавших одно вслед за другим и просуществовав-

ших недолго. Одно из них, собранное в 1811 г., несмотря на свое название «собрания депутатов земли», было все сплошь назначено правительством из 18 дворян, 8 чиновников, 12 горожан и 8 крестьян. Это дворянско-чиновничье собрание вступило в борьбу со всеми прогрессивными начинаниями самого Гарденберга, и он поспешил распустить его. Другое собрание (заседавшее в 1812—1815 гг.) было выбрано самим населением, но с предоставлением дворянству половины всех мест (в нем было 18 дворян, 11 горожан и 8 крестьян): то, что оно имело только совещательный голос, в сущности послужило лишь на благо Пруссии, так как оно всячески тормозило справедливое разрешение аграрного вопроса. Это собрание ничего не сделало и разошлось, не вызвав ни в ком сожаления.

Особенно значительна по своим последствиям была незавершенность крестьянской реформы. Эдикт от 9 октября не решал вопроса о том, как быть с землей, на которой сидели до этого крестьяне, и с повинностями, которые они несли в пользу помещиков. Помещики стремились теперь воспользоваться личным освобождением крестьян для увеличения своих владений и присоединить к своей запашке как можно больше крестьянских участков. Чиновники и на этот раз оказались верными слугами дворянских интересов. Одни из них (тайный советник Шмальц) стали доказывать, что крестьяне лишь выиграют, если обратятся в лишенных земли поденщиков, а другие (ландрат Девиц) пустили в ход обычный аргумент апологетов дворянского землевладения — о необходимости поддерживать

крупные хозяйства в интересах подъема сельскохозяйственной культуры. У крестьян нашлось лишь очень немного защитников (знаток сельского хозяйства Тээр и барон фон Эггерс), и правительство быстро пошло на уступки помещикам. Штейн, скоро вынужденный подать в отставку, не мог уже им противиться, а Гарденберг, полный благожелательных чувств по отношению к крестьянам, не обладал достаточной настойчивостью и энергией для борьбы с помещичьими аппетитами. В результате вопрос о мелком крестьянском землевладении получил в Пруссии очень неблагоприятное для крестьян разрешение. Можно сказать, что здесь, в аграрной политике, правительство Гогенцоллернов и в эпоху реформ осталось верно своим дворянским симпатиям, и от освобождения крестьян гораздо более выиграли помещики, чем крестьяне. В силу целого ряда указов (инструкция от 14 февраля 1808 г., эдикт от 14 сентября 1811 г., декларация от 29 мая 1816 г., указ от 7 июня 1821 г.) значительная часть крестьян (главным образом крестьяне, не имевшие полной упряжки и сидевшие на дворах нового происхождения, т.е. возникших уже во второй половине XVIII в.) были совершенно лишены права выкупать землю в собственность у помещиков и отдавались на полный их произвол; в конечном итоге земли этих крестьян в большинстве случаев были прямо присоединены к помещичьим землям. Другие крестьяне, более зажиточные и уже давно осевшие на тех землях, на которых их застало уничтожение крепостного права, получили право выкупа своих участков в полную собственность и освобождение от повинностей в пользу помещиков, но очень до-

рогой ценой уступки в пользу помещика одной трети (наследственные держатели) или даже половины (пожизненные и временные держатели) своих земель. Далее крестьяне-собственники для того, чтобы освободиться от продолжавших тяготеть над ними повинностей в пользу помещиков (барщина, оброк и т.п.), должны были или отдать часть своих земель, или уплачивать ежегодную ренту либо единовременную сумму, превышавшую ежегодные платежи в 25 раз. Денежные платежи бывали обыкновенно настолько высоки (чаще всего 70—85 талеров в год), что крестьяне оказывались не в силах их платить, разорялись, их имущество продавалось с молотка, причем покупателями чаще всего являлись соседи-помещики. К этому надо еще прибавить, что часто выкуп земли и повинностей совсем не производился. По декларации 1816 г. выкуп был обязателен, если хотя бы одна сторона (крестьянин или помещик) его требовали; но у помещика часто бывала фактическая возможность заставить крестьянина отказаться от его требований; в таком случае все оставалось по-прежнему: по-прежнему крестьянин нес повинности в пользу помещиков и по-прежнему отправлял барщину на его полях. Еще революция 1848 г. застала в Пруссии эти остатки феодальной старины.

Площадь помещичьей запашки в результате личного освобождения крестьян значительно увеличилась; вместе с тем не оправдались опасения крепостников, что у помещиков не окажется достаточного числа сельскохозяйственных рабочих. Количество земли у крестьян после реформы настолько уменьшилось, что они вынуж-

дены были искать подсобных занятий на полях помещиков, нанимаясь к ним в поденщики или постоянные сельскохозяйственные рабочие. В город уходить было почти невозможно в силу слабого развития торгово-промышленной жизни в тогдашней Германии.

Но даже и в этом урезанном, недостаточном виде прусские реформы сделали свое дело: в освобожденных крестьянах пробудилось убитое чувство национального достоинства; призванная к решению городских дел буржуазия снова почувствовала себя активным элементом прусской нации; войско осознало свою связь с народом. Прошло только шесть лет после заключения Тильзитского мира, и Пруссия уже сбросила с себя французское иго и снова вернулась к положению первостепенной державы. Но в героическую эпоху освободительных войн, которые вела Пруссия в союзе с Россией и потом с Австрией в 1813 г. против французов, обнаружился один характерный факт: правительство и сам король остались далеко позади нации и в решимости бороться против Наполеона, и в готовности на жертвы, и в способности понять важность освобождения из-под иноземного ига. Фридрих Вильгельм III остался до конца верен своему нерешительному вялому характеру, и в первые месяцы 1813 г. освобождение Пруссии пошло мимо него, отчасти даже вопреки его желаниям. Первым поднял знамя восстания против Наполеона начальник прусского вспомогательного корпуса в войсках Наполеона, действовавших против России, генерал Йорк фон Вартенбург; заключая в местечке Таурогене без ведома своего короля соглашение с русскими (31 декабря 1812 г.), ге-

нерал Иорк повиновался только голосу народного воодушевления, охватившего пруссаков при первых известиях о неудачах французской армии в России, и несколько не сомневался, что король выдаст его Наполеону, если восстание окажется неудачным. В высшей степени характерна его речь, с которой он обратился к офицерам своего отряда: «Настал час, — говорил он им, — когда мы можем вернуть нашу независимость, соединившись с русской армией. Пусть те, кто решился, как я, пожертвовать своей жизнью для родины и свободы, следуют за мной; пусть остальные удалятся... Если дело удастся, король, быть может, простит мне; если нет — я лишусь головы...» Дело Иорка не могло погибнуть, потому что за него стояла вся нация. Но король не только не утвердил Таурогенского соглашения, но издал приказ об освобождении Иорка от должности и о его аресте; он даже дал согласие на то, чтобы прусские войска стали под команду французского главнокомандующего. Конечно, здесь действовали, главным образом, страх перед Наполеоном и неуверенность в успехе, но помимо этого у короля был и другой мотив для осуждения Иорка: ему было неприятно, что война за освобождение от иноземного ига начиналась с мятежа, что смелый поступок Иорка являлся, в сущности, революционным актом не только по отношению к Наполеону, но и к самому прусскому королю, состоявшему еще в формальном союзе с французским императором. Он мог не без основания бояться, что по примеру Иорка начнут действовать самостоятельно, не дожидаясь королевского одобрения и разрешения, и другие лица, а то и целые груп-

пы прусского общества. И он не ошибся в своих опасениях: вслед за Иорком против Наполеона восстало почти все население Восточной Пруссии. Организатором народного восстания здесь явился старый реформатор Штейн. Он приехал в Пруссию как комиссар Александра и опирался на полномочия, полученные из рук русского императора; но он действовал теперь как вождь немецкого народа, и население Пруссии признало за ним право на эту роль, горячо откликнувшись на его призывы. Без королевского разрешения Штейн созвал областные штаты Восточной Пруссии, издал воззвание ко всему немецкому народу и привел всю Пруссию в волнение. Созванные им восточно-пруссские штаты призвали к оружию (опять-таки без королевского согласия) наскоро обученное Шарнгорстом местное ополчение, и благодаря этому в руках у пруссаков оказалось сразу около 60 тысяч войска; условия Тильзитского мира оказались теперь нарушенными, и было положено начало всеобщему национальному вооружению. В других местах Пруссии стали собираться такие же ополченские войска, и численность прусской армии все более увеличивалась. Но король все-таки медлил принять над нею командование. Сначала он даже отменил все меры, принятые Штейном в Восточной Пруссии; его робость перед Наполеоном была все-таки еще очень велика, и он находил безопасным для себя вести двойную игру, отрекаясь в угоду Наполеону и из боязни внутренних осложнений от всякой солидарности с народным движением, и в то же время под шумок вступая в переговоры с Александром и давая ему понять, что враждебная позиция по отноше-

нию к России является вынужденной и что он ждет только прихода русских войск на Одер, чтобы вступить с ними в союз. Такая двойная игра не могла долго продолжаться. В самой стране поднималось раздражение против нерешительности короля. Один современный наблюдатель писал тогда: «Если король будет еще колебаться, я считаю революцию неизбежной». Но и при таких условиях потребовался прямой обман для того, чтобы заставить короля прекратить игру. Князь Гарденберг, который продолжал стоять во главе правительства, уверил короля, что генерал Ожеро, начальник французского гарнизона в Берлине, собирается арестовать его. Король поверил, покинул Берлин и переехал в Бреславль. Сюда к нему стеклись наиболее пылкие сторонники прусской независимости, и здесь он стал действовать более решительно. Он простил генерала Иорка, возвратил ему командование армией и издал указ, которым для привилегированных сословий на военное время отменялись всякие льготы. Нужно прибавить, что они никогда уже не восставали, и уже через полтора года после этого (указом от 3 сентября 1814 г.) в Пруссии была введена всеобщая воинская повинность. Штейн снова был приближен ко двору, и, наконец, 26 февраля 1813 г. в Калише было подписано соглашение, по которому обе державы обязывались не складывать оружия до тех пор, пока Пруссия не будет восстановлена в своем прежнем (т. е. до войны 1806 г.) статистическом и географическом объеме. Теперь уже формально началась война против Наполеона.

Исход войны известен. Скоро к России и Пруссии примкнула Австрия; Наполеон был разбит под Лейп-

цигом; в декабре 1813 г. он вынужден был перейти через Рейн и уже в апреле 1814 г. подписал отречение от престола. Нуждаясь в народном сочувствии для борьбы с Наполеоном, король не скупился на обещания и уже в самом начале войны (в манифесте от 17 марта 1813 г.) он обещал свободу и права всем условиям и «право голоса во внутренних делах государства». В это время все почувствовали силу народного движения и не могли не проникнуться невольным уважением к народу. В Берлин посыпались адреса, в которых составители высказывались за необходимость введения конституции, на том же настаивала и почти вся печать. Голоса в пользу конституции раздавались и в правительственных верхах: Гарденберг, несмотря на неудачный опыт двух созванных им парламентов, довольно решительно поддерживал конституционную партию: генерал Гнейзенау писал в это время, что только хорошая конституция может привязать к Пруссии вновь приобретенные земли. Король, казалось, готов был уступить: в обращениях к населению отдельных провинций он несколько раз давал обещания, правда, не особенно определенные, созвать народных представителей; наконец, в указе от 22 мая 1815 г. он высказался уже более определенно о своем намерении дать Пруссии народное представительство с законодательными правами. Но исполнить это обещание король не спешил; оно дано было под давлением обстоятельств, под влиянием сознания, что своим спасением Пруссия и династия были обязаны только народному движению. Но после 1815 г. волна народного воодушевления стала быстро спадать. Прусские горожа-

не и прусское крестьянство были способны только на минутный подъем, но для длительного отстаивания своих прав у них не хватало ни сил, ни выдержки; дворянство, удовлетворенное условиями, в которых протекало освобождение крестьян, снова выступило в своей прежней роли верной опоры трона. При таких условиях король нашел возможным отречься от обещания дать Пруссии общенациональное представительство. Единственной уступкой, которую он согласился сделать либеральной партии, было введение государственного совета (1817 г.), в котором должны были обсуждаться различного рода законодательные предложения до окончательного одобрения их королем. Государственный совет должен был ограничить влияние на управление и законодательство негласных советников короля, но его бюрократический состав и бюрократические привычки мешали ему взять на себя инициативу хоть сколько-нибудь серьезных реформ. В Пруссии наступила пора реакции. Министр внутренних дел Шукман, святоша, проникнутый идеями христианского государства, стал удалять со службы всех чиновников нехристианских вероисповеданий; министр полиции князь Виттгенштейн возобновил вскрытие частной переписки; в 1817 г. прусские реакционеры, вдохновляемые герцогом Мекленбургским, сделали даже попытку добиться отмены всеобщей воинской повинности, в которой они видели опаснейшее порождение революционного духа; скоро они пошли еще дальше и стали добиваться отмены недавно введенного деления министерств по роду дел и замены его делением по провинциям. Конечно, эти попытки были заранее об-

речены на неудачу, но, как показатель настроения самых влиятельных кругов прусского общества, они очень характерны. Чтобы придать благовидный характер своему отречению от конституционных обещаний, Фридрих Вильгельм III в 1823 г., как будто во исполнение этого обещания, согласился на введение *провинциального* представительства с совещательным правом голоса. В восьми прусских провинциях были введены областные штаты, но они получили крайне ограниченные права и могли совещаться только по вопросам местных дел; их мнения представлялись королю лишь в том случае, если все восемь штатов были согласны между собой; при этом представители дворянства имели в них решительный перевес над горожанами и крестьянами (представителей от дворян было 278, от городов — 182 и от крестьян — 124). Если они сыграли какую-нибудь роль в общественной жизни Пруссии, то только в укреплении в ней положения дворянства.

В то же время началось гонение на писателей и на печать. Прусское правительство не остановилось даже перед такими знаменитыми именами, как Фихте, Шлейермахер, Арндт. Их сочинения запрещались (Фихте), за их деятельностью устанавливался надзор (Шлейермахер); Арндта даже лишили профессуры. Знаменитые Карлсбадские постановления, подчинившие университеты контролю правительственных чиновников, уничтожившие студенческие общества и наложившие тяжелую руку на печать, в крупных государствах Германии, кроме их инициатора — Австрии, соблюдались со всей строгостью только в Прус-

сии. Вообще прусская внутренняя политика шла в то время рука об руку с австрийской; Меттерних находил покорных исполнителей своих желаний в прусских министрах. По доносам созданной Меттернихом майнцской следственной комиссии и ее преемницы — франкфуртской комиссии — прусские власти предупредительно арестовывали всех, кто навлекал на себя гнев Меттерниха. Другим руководителем правительства Фридриха Вильгельма III был русский император Николай I. Прусский король считал его своим лучшим другом и, составляя ранний (1827 г.) проект своего завещания, советовал своим преемникам прежде всего держаться за союз с Австрией и Россией. Умирая, он был убежден, что пора конституционных увлечений для Пруссии прошла безвозвратно и что самодержавный строй установился непоколебимо. В самом конце своего долгого царствования, всего за два года до смерти, он в новом проекте завещания (1838 г.) категорически запрещал своему преемнику вносить какие бы то ни было изменения в самодержавный строй прусского государства без согласия всех принцев королевского дома. В длинные годы того покоя, который наступил в Пруссии вслед за возбуждением 1807—1815 гг., ему казалось странным и непонятным, как мог он держать у власти таких министров, как Штейн, Гарденберг, Шарнгорст, В. фон Гумбольдт. Он был убежден, что только теперь, во второй половине своего царствования, он нашел настоящую дорогу для своего правительства и что с этой дороги Пруссия уже никогда не свернет.

Единственным светлым пятном на темном фоне второй половины царствования Фридриха Вильгельма III

является его финансовая политика; здесь прежде всего надо отметить таможенные мероприятия. Они были результатом признания со стороны государства известного значения и за прусской буржуазией. Правительство Фридриха Вильгельма III не могло игнорировать того подъема, который пережила прусская промышленность после уничтожения Гарденбергом цеховых стеснений; немало содействовали ее подъему и новые территории, которые были даны Пруссии Венским конгрессом, а также и полученная Пруссией от Франции контрибуция в 100 миллионов франков. Промышленность развивалась в это время еще довольно медленно и постепенно, но Фридрих Вильгельм III недаром носил в себе добродетели среднего немецкого бюргера и не был глух к вопросу об экономическом подъеме бюргерского сословия. Среди его министров и чиновников были люди, чутко относившиеся к интересам буржуазии (фон Бюлов, Кунт, Моц, Маасен), и в 1818 г. был издан закон, которым в Пруссии уничтожались многочисленные внутренние таможи с заменой всех прежних таможенных сборов общим пограничным тарифом. Покровительственные пошлины в настоящем смысле слова еще не были установлены, потому что ввозившиеся промышленные товары облагались крайне невысоким налогом (пошлина в 10% ценности с непрусских товаров и в 20% — с товаров колониальных), но прусская промышленность, хотя и не огражденная от конкуренции английских и французских фабрикантов, могла работать теперь на более широкий, чем прежде, рынок. А с 1819 г. началась неустанная агитация знаменитого Фридриха Листа в пользу объе-

динения всей Германии в один общий таможенный союз, и правительство Фридриха Вильгельма III нашло в себе достаточно практического смысла для того, чтобы стать во главе общегерманского таможенного объединения. Таможенный союз, охвативший в середине 30-х годов почти всю Германию, был делом рук Пруссии; он был и свидетельством того, что Пруссия уже начинала становиться на путь капиталистического развития, и доказательством, что она сумеет извлечь для себя выгоды от укрепления ее экономических связей с другими немецкими государствами. В этом союзе был уже залог будущего германского империализма под гегемонией Пруссии. И в других отношениях финансовая политика Фридриха Вильгельма III имела рациональные зерна. Скопидомный король знал цену деньгам; он уменьшил свой цивильный лист, подчинил дворянство таможенному налогу, а также и введенной в 1820 г. сословной подати, поднял косвенные налоги. В результате государственные финансы Пруссии, совершенно расстроенные при отце Фридриха Вильгельма III, значительно улучшились при сыне.

Но, положив начало объединению Германии созданием таможенного союза, Фридрих Вильгельм III во всех других отношениях замыкается в узких рамках чисто прусской политики и как бы совершенно отказывается от общегерманских задач. Венский конгресс снова сделал Пруссию первоклассной державой, отдав ей Познань, часть Саксонии, Шведскую Померанию, часть Вестфальского королевства, Кельн, Бонн, Трир, часть территории на правом берегу Рейна. Снова у нее оказались большие владения на запад от Эль-

бы, снова к ней вернулась часть ее прежних польских владений. Но условия, в которые Венский конгресс поставил Пруссию, совершенно отнимали у нее возможность в ближайшем будущем решить объединительные задачи: по-прежнему она была разделена на две части, разрезанные Ганновером: рейнские провинции и Вестфалия — на западе, и так называемые старые прусские области с Познанью — на востоке. К тому же земли по Рейну представляли для нее довольно опасное приобретение: там жили католики, притом находившиеся уже одно время под управлением французов и имевшие возможность оценить превосходство наполеоновского кодекса над прусскими законами. В начале XIX в. они тянулись к Франции и были плохими прусскими патриотами. В силу такого положения Пруссии прежде, чем взяться за объединение Германии, надо было еще самой добиться внутреннего объединения, уничтожить чересполосицу внутри себя самой и привязать рейнских католиков к основному ядру своих владений прочными узами. Но для этого требовалась очень энергичная политика; для этого надо было начать новую эру завоеваний, потому что без присоединения Ганновера и других владений между Рейном и Эльбой Пруссия все-таки оставалась еще недостаточно сплоченной и неготовой к тому, чтобы стать ферментом германского объединения. Фридрих Вильгельм III по своей нерешительности и слабости воли совершенно не подходил для такого рода деятельности. После бурной эпохи освободительных войн он хотел только покоя и ставил себе в большую заслугу, что все последние десятилетия его царствования Пруссия наслаж-

далась миром. Он охотно передал Австрии председательство в союзном сейме Германского союза, состоявшем из представителей правительств 38 германских государств и никогда не пытался ни оживить это мертвое, созданное дипломатами Венского конгресса учреждение, ни отстоять Пруссии руководящую роль в нем. Покорно следуя за реакционной политикой Меттерниха, он оттолкнул от себя либеральные и конституционные государства Южной Германии и те три саксонских герцогства на севере, которые — единственные из всех северогерманских княжеств — получили конституцию в начале XIX в.; он даже внушил им боязнь к самой идее германского единства, ибо от объединения Германии под главенством тогдашней Пруссии или другой возможной объединительницы — Австрии они не ожидали для себя ничего хорошего. Вследствие такой политики Фридриха Вильгельма III во второй половине его царствования Германия, несмотря на зарождение идеи таможенного союза, стояла гораздо дальше от объединения, чем в годы освободительных войн, когда Пруссия выступала в роли инициатора в борьбе против Наполеона и сосредоточивала надежды всех активных сил немецкого народа.

Глава IV

Фридрих Вильгельм IV. Революция

Фридрих Вильгельм III умер в 1840 г., и на престол вступил его сын Фридрих Вильгельм IV. В момент вступления на престол ему было уже 45 лет, но в его характере было много черт, присущих еще совершенно молодым людям. Он был по-юношески экспансивен, не умел обдумывать свои слова и поступки и всегда вносил в свои действия какую-то странную неустойчивость и торопливость. Из всех прусских государей, царствовавших в XVII — XIX столетиях, он в наименьшей степени обладал чувством действительности и реальным смыслом. В противоположность «великому курфюрсту» и Фридриху II, его идеал был не в будущем, а в прошлом, — в туманных далях средневековья, в романтических временах Оттонов и Барбароссы. Природа не отказала ему в талантах — он умел прекрасно говорить, был хорошо образован, любил общество ученых и поэтов, обладал подвижной натурой; при этом он совершенно не ценил те устои, на которых выросла политика его предшественников —

армейскую выправку, бюрократическую аккуратность и исполнительность и коммерческую деловитость. В писателях и музыкантах он видел родственные себе натуры, и беседе с ними он часто предпочитал общество генералов и министров. Поэтому прусское общество возлагало на него большие надежды; но уже очень скоро обнаружилось, что король-романтик не способен ни на какую реформаторскую деятельность, тем более в либеральном и демократическом духе. Его голова была забита мистическими бреднями о том, что король — посланник небес для своего народа и непосредственный выразитель божественной воли; всякое проявление оппозиционного настроения он рассматривал как личную обиду, а в требовании конституции видел недоверие к божественной миссии королей и оскорбление их священного сана. Он вступил на престол в то время, когда прусское общество начинало пробуждаться от своего тридцатилетнего сна, когда оно снова начинало предъявлять к уплате все свои старые и некоторые новые счета; ясность разума и твердость воли были для короля в такое время особенно важны, но именно этими свойствами король и был обделен; романтическая фантастика совершенно затмила его разум и лишила его действия всякого здравого смысла. В результате он оказался одним из самых непопулярных монархов Пруссии, хотя в некоторых отношениях по личным качествам он был не ниже, а выше многих из своих предшественников. Сбитый с толку стремительным ходом событий, чувствуя гнет народной ненависти, он в конце концов потерял остатки душевного равновесия и кончил настоящим умопомеша-

тельством, уступив фактическое и формальное управление страной брату Вильгельму за четыре года до своей смерти (1861 г.).

Начало царствования Фридриха Вильгельма IV было как будто бы либеральным. Политические преступники получили амнистию. Для печати наступили более мягкие времена; толстые книги были совершенно освобождены от цензуры; в Берлине был учрежден высший цензурный комитет, куда могли жаловаться недовольные строгостью местной цензуры издатели и писатели. Но уже очень скоро выяснилось, что король совсем не склонен пойти за обществом в его главном требовании — введении в Пруссии конституционного образа правления. Когда областной ландтаг в Кенигсберге напомнил королю о конституционном обещании, данном когда-то его отцом, король ответил туманными обещаниями развивать принцип *провинциального* представительства, совершенно оставив в стороне принцип *национального* представительства. Во время коронации в Берлине король уже более определенно заявил, что никаких гарантий относительно будущего он не может дать и что отчетом в своем правлении он обязан одному Господу Богу, от Которого он получил корону. Раз вступив на путь борьбы против общественных желаний, король уже не мог остановиться. Общество не успокоилось после отказа короля ввести конституцию; появились брошюры, в которых на разные лады варьировалась мысль о необходимости конституции для Пруссии. Король ответил на это приказом отдавать смелых публицистов под суд. Но так как судьи не в достаточной степени были проникнуты идеей единения с администра-

цией и часто оправдывали авторов политических брошюр и статей, то был издан новый закон (от 29 марта 1844 г.), устанавливавший судебную и дисциплинарную ответственность должностных лиц за поступки, хотя и не противоречащие закону, но признанные их начальством неудобными. Писатели и печать стали подвергаться не только судебным, но и административным гонениям. Поэт Гервег был выслан из Пруссии, «Рейнская газета» — орган тогдашнего прогрессивного бюргерства, в которой сотрудничали К. Маркс, Макс Штирнер, Гейне и др., — была запрещена. Вновь назначенный министр народного просвещения Эйхгорн старался проводить не только в средней, но даже и в высшей школе идеи чиновничества и пиэтического мракобесия; некоторые профессора были лишены своих кафедр.

Но без уступок обойтись было нельзя. Еще в 1842 г. королем было создано нечто вроде суррогата национального представительства в виде «соединенных комиссий» (*vereinigte Ausschüsse*), выбираемых от всех областных ландтагов. «Соединенные комиссии» скоро обнаружили на деле свою полную бесцельность; они не имели ни прав, ни влияния, но к королевскому правительству находились почти в постоянной оппозиции. Не удовлетворяя общество, они в то же время раздражали и короля.

Но в скором времени обстоятельства сложились таким образом, что король был вынужден сделать еще более существенную уступку. Для Пруссии пришла пора железнодорожного строительства, и для этого потребовалось заключить государственный заем. Но еще Фридрих Вильгельм III обещал, что без одобрения об-

щепародного представительства он не будет заключать государственных займов. Фридрих Вильгельм IV обратился теперь за согласием к «соединенным комиссиям», но те отказали ему, ссылаясь на то, что судить о степени финансовой нужды они могут, лишь зная общее состояние государственного казначейства. Между тем финансовая нужда нарастала; король попробовал обойтись без согласия сословий и обратился с просьбой о займе к Ротшильду (1846 г.), но тот вполне определенно ответил, что ему необходима гарантия со стороны народного представительства. Даже и для этого короля-романтика финансовая нужда оказалась стимулом к реформам. К этому присоединился еще и неурожай, который случился в Пруссии в 1846—1847 гг. Неурожай ударил с одинаковой силой и по крестьянам, которым не хватало хлеба и картофеля для пропитания, и по городским рабочим, вынужденным переплачивать за вздорожавший хлеб, и по крупным промышленникам, спрос на предметы производства которых стал падать. Почти по всей стране начались вспышки голодных бунтов; в городах участились стачки; грабеж и воровство стали принимать эпидемический характер; многие фабрики и заводы за отсутствием сбыта должны были совершенно закрыться. Король и его правительство были совершенно бессильны справиться со всеми этими осложнениями и, наконец, решили созвать на общее собрание все провинциальные ландтаги. Указ о созыве Соединенного ландтага был подписан королем 3 февраля 1847 г., причем его подпись не была контрассигнована ни одним из министров, чтобы придать этому акту характер личной милости со стороны самого короля. Но,

в противоположность королевскому ожиданию, созыв Соединенного ландтага никого не удовлетворил. Ему были предоставлены только совещательные права; его право утверждать новые займы и налоги было ограничено довольно существенными исключениями; его председателями должны были быть назначенные королем маршалы. Он был лишен права принимать петиции и жалобы со стороны. Созыв Соединенного ландтага, продолжительность его заседаний, даже самое место их — все это всецело зависело от королевского усмотрения. Как в соединении областных ландтагов, в нем преобладало дворянское сословие. Неудивительно поэтому, что в обществе установление такой формы общенационального представительства встретило самое горячее осуждение, тем более, что всем было известно, что король считал теперь в полной мере осуществленными все конституционные обещания своего отца. Еще большее негодование вызвала тронная речь короля, которой он открыл заседание Соединенного ландтага. «Я никогда не позволю, — говорил он, — чтобы между Господом, нашим небесным Владыкой, и этой страной стал, словно второе Провидение, исписанный лист бумаги и чтобы его параграфы правили нами... Я не созвал бы вас, если бы хоть в малой степени предполагал, что вы вздумаете играть роль так называемых народных представителей». В этой речи были и нападки на печать, «позорящую немецкую верность и прусскую честь», и заявления о том, что король и дом его «хотят служить Господу». Такая речь должна была вызвать неудовольствие и в стране, и в самом ландтаге. В ответном адресе королю было вполне определенно заявлено, что созыв

Соединенного ландтага отнюдь не является исполнением обещания покойного короля и что от нового монарха ждут осуществления истинного народного представительства. Король обиделся; он рассматривал образ действий Соединенного ландтага как черную неблагодарность; он искренне считал, что им дано даже более того, что обещал его отец, но он не хотел, однако, окончательно ссориться с ландтагом, так как нуждался в утверждении им государственного займа на железнодорожные нужды. Но ландтаг сам пошел на разрыв; королевские предложения им не были утверждены, и королю не оставалось ничего другого, как распустить его уже в июне 1847 г.

Но конституционные стремления уже нельзя было уничтожить. Прошло всего несколько месяцев после роспуска Соединенного ландтага, и над всей Германией разразился гром мартовских революций. В нашу задачу не входит, конечно, ни описание самой революции, ни характеристика ее движущих сил. Для нас интересно здесь лишь отношение к ней Фридриха Вильгельма IV и его правительства. Короля революция 1848 г. могла интересовать с двух сторон: во-первых, как народное движение, покушавшееся на его самодержавные права, и, во-вторых, как новый толчок к объединению Германии, который при умелом его использовании мог поставить Пруссию во главе объединенных немецких земель. С первой точки зрения революция должна была оттолкнуть его; но, имея ввиду ее значение как объединительного средства, он мог стараться использовать ее некоторые стороны в целях утверждения прусской гегемонии. Мы увидим далее, что в глазах короля антиабсолютистский ха-

рактер революции с первых же дней ее — и чем дальше, тем более — заслонял ее объединяющую роль, и король попытался найти иные средства для объединения Германии, чем указывали деятели революции.

Когда в Пруссии началось революционное движение, король довольно быстро пошел на уступки. Движение с самого начала имело широкий размах; волновалось и бюргерство, и городской пролетариат, несколько позднее и крестьянство. Курс на государственные бумаги стал резко падать; народ огромными массами толпился на улицах Берлина; возбуждение росло с каждым днем и принимало угрожающий для монархии характер. Поэтому даже и затуманенный романтическими фантазиями разум Фридриха Вильгельма IV не мог не понять, что теперь требуются гораздо большие уступки, чем те, которые им были сделаны в феврале 1847 г. Конечно, и здесь дело не обошлось без очень больших колебаний. При первых серьезных признаках народного движения король попытался опереться на армию; он дал военные распоряжения, поставил в разных местах города войска и пушки. Свое доверие к армии он выразил такой фразой: надо показать миру, «что в Пруссии король, войско и народ все те же из рода в род». Скоро, однако, войско пришлось обратить против народа: уже 13 марта солдаты штыками разогнали собравшийся у Бранденбургских ворот и у дворца народ. В следующие дни столкновения между войсками и народом увеличились. Появились убитые и раненые. Под влиянием этих событий и все возраставших народных волнений вера Фридриха Вильгельма IV в романтическое единение короля, войска и народа стала разрушаться. Когда же из Вены пришли известия

о падении Меттерниха, он прямо заявил: «Надо спешить в Берлин (король находился тогда в Потсдаме), чтобы они мне и там также не натворили беды». Но «беда» надвигалась все очевиднее. 18 марта король принимал делегации от рейнских провинций и от городской думы Берлина, передавших ему ряд конституционных требований; под влиянием этих требований он решился, наконец, на уступки. Уже в час дня появились королевские патенты с обещаниями созвать Соединенный ландтаг и отменить цензуру; кроме того, король обещал содействовать реформе Германского союза и установлению конституционного устройства во всех немецких землях. Известны события, которые последовали за этим: в ликовавшую по случаю королевских обещаний толпу у дворца из отряда гренадер были произведены два выстрела. Возмущенная толпа бросилась строить баррикады, и всю ночь с 18 на 19 марта на улицах Берлина кипел отчаянный бой. Король сначала думал вести борьбу до конца, но к утру, когда баррикадная борьба принесла некоторые успехи народу, он решил уступить. С одной стороны, на его романтическую душу произвели потрясающее впечатление долетающие до него отголоски кровавой борьбы с народом¹; с другой — он имел перед глазами недавний пример крушения трона Луи Филиппа и боялся для себя подобной участи. Как бы то ни было, король уступил по всей линии, дал приказ вывести из Берлина войска еще до прекращения баррикадной борьбы, согласился на вооружение граждан, которым было выдано ка-

¹ До сих пор не выяснено, кто был истинным виновником этих выстрелов.

зенное оружие, обнародовал всеобщую амнистию, назначил либеральное министерство (Кампгаузена). В эти дни король не скупился на обещания. Уже гораздо более определенно, чем в своем патенте от 18 марта, он обещал содействовать объединению Германии и даже стать во главе всех объединительных движений. «Клянусь перед Богом, — восклицал он в одной из своих мартовских речей к народу, — я не хочу низвергать государей с их тронов, но хочу только защищать единство и свободу Германии немецкой верностью на основах истинно германского конституционного устройства». В воззвании «К немецкой нации» (от 21 марта) он называл себя «конституционным государем, вождем объединенного немецкого народа, новым королем свободной возрожденной нации». В прокламации от 22 марта он обещал представить на решение созываемого ландтага вопросы о прямых и всеобщих выборах, об ответственности министров, о свободах, об уничтожении патримониальных прав помещиков над крестьянами и т. п. Трудно сказать, был ли искренен король во всех своих мартовских речах и прокламациях. Возможно, что его неуравновешенный ум в это время увлекался романтической фантазией о короле, окруженном доверием и любовью народа, и в сентиментальном порыве великодушия он вполне искренне соглашался дать те письменные гарантии, в которых он прежде видел нарушение священного достоинства королевской власти. Но даже и в эту эпоху братания с народом король пошел по линии наименьшего сопротивления. Он высказал намерение удовлетворить желания наименее требовательного из всех классов тогдашней Пруссии буржуазии. Назначенное им либеральное ми-

нистерство Кампгаузена очень нерешительно принялось за реформы. Оно оставило на местах всю старую, пропитанную духом нетерпимости и самодовольства администрацию и старых судей; в только что организованное гражданское ополчение попали, главным образом, представители мелкой и средней буржуазии. Полиция стала выселять из Берлина рабочих, пришедших из других городов Германии. В угоду буржуазии, обеспокоенной поднявшимся в Берлине чисто европейским движением, оно вернуло в Берлин войска. Никаких реформ в пользу городского пролетариата либеральным министерством не было предпринято. На всей деятельности Кампгаузена лежал вполне определенный отпечаток страха перед пролетариатом; позднее «Новая рейнская газета» дала как нельзя более верную характеристику его деятельности в словах: «Он посеял реакцию буржуазную, а пожнет реакцию аристократическую и абсолютистскую».

Пророчество «Новой рейнской газеты» оправдалось довольно скоро. Известен дальнейший ход событий: Соединенный ландтаг, собравшийся уже 2 апреля, наскоро вотировал свободу печати, совести и собраний, и постановив, что на будущее время король должен признать законодательные и бюджетные права народных представителей, разошелся. Новое собрание с учредительными полномочиями должно было быть выбрано на основе всеобщего, но двухстепенного избирательного права, ибо министерство Кампгаузена признало, что народ «не дозрел» до прямых выборов. Выбранное на основе этого закона Национальное собрание состоялось 22 мая; во время выборов униженная и привыкшая к опеке сверху демократия шла на поводу у буржуазии, и состав Националь-

ного собрания оказался очень умеренным. Оно проваливало одно за другим все демократические предложения своей левой фракции; были отвергнуты предложения о том, что палата не может быть распущена ни королем, ни правительством, о провозглашении народного суверенитета, о реформе администрации и некоторые другие. Эти постановления вызвали волнения среди рабочих, которые смотрели на постановления Национального собрания все с большим недоверием. С другой стороны, и король был недоволен деятельностью Национального собрания. Со свойственной ему изменчивостью настроения он уже забыл о своих либеральных речах и заявлениях в мартовские дни и вернулся к консервативным убеждениям первых годов своего царствования. В марте ему казалось, что весь народ от него отвернулся и перекочевал в лагерь либералов; для того, чтобы поддержать свою иллюзию единения с народом, он чувствовал потребность поддерживать и в самом себе либеральные настроения. Но теперь в Национальном собрании он нашел партию, взгляды которой гораздо более соответствовали существу его мировоззрения, чем воззрения либеральной буржуазии. Эта партия состояла из крупных землевладельцев ярко выраженной консервативной окраски. Их органом была начавшая выходить с 1 июня газета «*Kreuzzeitung*», а главными вдохновителями — генерал Леопольд Герлах, его младший брат Людвиг, Бисмарк, Штольберг, Нибур и др. Сначала король остерегался сближения со слишком крайними из реакционеров, которыми считались тогда оба Герлаха и Бисмарк, и предпочитал общество сравнительно уме-

ренных консерваторов (фон Радовица и Бунзена); после отставки министерства Кампгаузена (20 июня) он назначал министрами людей без определенной политической окраски, которые, лавируя между двором и Национальным собранием, в конце концов не удовлетворяли ни короля, ни парламент и довольно скоро уходили в отставку. Но симпатии короля все более склонялись к партии «Крестовой газеты», и вместе с тем он все более решительно отворачивался от Национального собрания, тем более, что оно под влиянием непрекращавшихся волнений среди рабочих стало заметно леветь. Оно вотировало (в августе) законопроект об отмене смертной казни и о запрещении офицерам принимать участие в реакционной агитации; двумя месяцами позднее (в октябре) оно вычеркнуло из королевского титула слова «Божией милостью», постановило уничтожить дворянство и запретить употребление дворянских титулов. Король пришел в величайшее раздражение; он не утвердил ни одного из этих постановлений собрания и решился теперь на те крайние меры, на которые его уже давно толкала юнкерская партия. Вновь назначенное (2 ноября) министерство графа Бранденбурга перенесло заседание собрания в городок Бранденбург, распустило гражданское ополчение, объявило Берлин на военном положении, запретило собрания свыше 20 человек и т. п. Король не пожелал даже выслушать делегацию Национального собрания, приказал разогнать силой тех депутатов, которые не подчинились приказу короля о перемене места заседаний палаты и продолжали заседать в Берлине. Вскоре палата была совершенно распущена (5 декабря), а король

уже на следующий день *октроировал*¹ в виде акта королевской милости новую конституцию. Но Фридрих Вильгельм еще не чувствовал своего положения достаточно прочным и потому октроированная конституция оказалась довольно либеральной; в ней сохранялись и всякие свободы, и всеобщее избирательное право. Это было, однако, только одним из проявлений обычной системы отсрочек; истинные политические симпатии короля не замедлили обнаружиться в очень скором времени. Когда собравшаяся на основе нового закона палата (январь 1849 г.) оказалась довольно демократической по своему составу, король не замедлил ее распустить (27 апреля) и издал новый избирательный закон, который должен был создать послушное представительство. Этот закон устанавливал ценз имущества, возраста (30 лет) и оседлости (полгода), причем удельный вес голосов плательщиков высоких налогов намного превышал вес голосов тех, кто платил небольшие налоги (в отдельных случаях даже в 1000 раз); подача голосов была установлена двухстепенная и открытая. Такой избирательный закон должен был дать, конечно, удобное королю народное представительство; новая палата собралась в августе 1849 г. и согласилась подвергнуть дальнейшему пересмотру конституцию, из которой исчезли теперь последние либеральные остатки. Король мог быть вполне доволен; палаты, которые избирались теперь, принимали все более и более консервативный характер;

¹ Октроирование (фр. *octroi* — пожалование) — дарование, пожалование монархом каких-либо прав, привилегий. — *Прим. ред.*

на выборах 1852 г. верх одержали решительные реакционеры; на следующих выборах 1855 г. треть депутатских мест получили чиновники; оппозиция была крайне незначительна по числу и крайне умеренна по настроению. Что касается верхней палаты, в которой по конституции 1850 г. могли быть наряду с членами по назначению и выборные члены, то в 1855 г. она была расформирована, и все ее члены с этого времени стали назначаться королем.

Реакция торжествовала. Только в одном направлении она должна была сделать уступку, именно по отношению к крестьянству. Даже и для консервативных министров эпохи прусской реакции было ясно, что во второй половине XIX в. оставлять неприкосновенными пережитки крепостного права будет явным анахронизмом. Еще в самом начале революции в разных местах Пруссии (особенно сильно в Силезии) происходили крестьянские волнения; несмотря на то, что эти волнения носили неорганизованный характер и их было нетрудно подавить, министры Фридриха Вильгельма — и либеральные, и консервативные — одинаково хорошо понимали, какую опасность для государства могут представлять аграрные беспорядки, если для них будет постоянно благоприятная почва. Еще в 1848 г. правительство было занято аграрным вопросом, но тогда палата не успела рассмотреть представленных ей земельных законопроектов. Для них пришло время только в 1850 г. По законам 2 марта 1850 г. остававшиеся еще крестьянские повинности по отношению к помещикам были отменены частью без вознаграждения, частью за выкуп; вместе с тем отменялась вотчинная юстиция. Но выкуп крестьянских повинностей не был сделан обязательным и позднее даже был

издан закон (16 марта 1857 г.), что те повинности, относительно «регулирувания» которых не поступят ходатайства до 13 декабря 1858 г., остаются неупраздненными. Законы 2 марта, таким образом, не имели особенно радикального характера и создали в восточных провинциях Пруссии менее 13 тысяч новых собственников; позднее, в эпоху все усиливавшейся реакции они были еще несколько урезаны в пользу помещиков. Как бы то ни было, прусское юнкерство не могло жаловаться на эти законы; они не отнимали у них их земель и существенно интересов, потому что те повинности, которые были отменены без вознаграждения, не имели в сущности какого бы то ни было экономического значения. Король оказался более ревностным защитником помещичьих интересов, чем сами помещики: он некоторое время противился новым аграрным законам и уступил лишь после уговоров. В своих дворянских симпатиях он остался, таким образом, верен старым традициям гогенцоллернской династии.

Кроме не особенно значительной уступки крестьянству, во всем остальном последние годы царствования Фридриха Вильгельма IV возродили худшие стороны старой прусской политики: начались гонения на печать, на которую посыпались штрафы и судебные преследования. Судьи, как и в дореволюционное время, не сохранили и тени независимости и послушно налагали на подсудимых те кары, которых от них требовала администрация. Сама администрация и по нравственным качествам, и даже по своей деловитости стояла так низко, как никогда раньше. Казнокрадство, вымогательство денег у населения, покровительство заведомым преступникам, если они мог-

ли откупиться взятками от наказания, подрывали всякое доверие к властям, всякое уважение к закону. Хотя после штейно-гарденберговских реформ в администрацию и проникало бюргерство, но она не улучшилась, а ухудшилась: все старые приемы управления сохранились, а понятие крамолы, которое теперь расширилось, давало более обильные поводы для произвольных преследований и вымогательств. В это время Пруссия совершенно оскудела талантливыми и независимыми деятелями; все, кто сохранял еще хоть тень независимости, томились в тюрьмах или бежали за границу (Фрейлиграт, Лассаль, Маркс, Энгельс, Шульце-Делич и др.).

В жертву реакции и монархическим принципам были принесены теперь и идеи германского единства, и фридриховские принципы великодержавной прусской политики. Корона Барбароссы не могла не увлекать романтически настроенного Фридриха Вильгельма IV, но даже и в разгар революции, в мартовские дни, когда он делал свои патетические заявления о том, что «отныне Пруссия сливается с Германией» и выражал уверенность, «что вся Германия присоединится к нему с доверием», он представлял себе германскую империю не иначе как в виде собрания князей, добровольно отрекшихся от своего суверенитета и с вассальной преданностью предложивших ему императорскую корону. Но с самого начала революции было очевидно, что государи Германии не особенно склонны отказываться от своих суверенных прав; не только император Австрии, который считал, что у него гораздо больше прав на германскую императорскую корону, но и короли Баварии, Вюртемберга, Саксонии, а также и некоторые мелкие государи Германии не только не име-

ли никакого желания содействовать прусскому королю в его притязаниях на роль общегерманского гегемона, но даже и противодействовали ему в этом, — одни открыто, другие тайно. Искренней сторонницей прусской гегемонии в Германии была только либеральная буржуазия (более демократические слои населения относились к Пруссии с большим недоверием; радикалы, намекая на баррикадную борьбу 18 марта, звали Фридриха Вильгельма IV «картечным королем»). Но король не хотел принять короны даже из рук этой умеренной части прусского общества, боясь поставить свой императорский титул в связь с революцией, хотя бы и умеренного оттенка; его пугала «горностаева мантия на красной подкладке»¹, «корона, помазанная полною каплей демократического елея»². Поэтому, когда Франкфуртский парламент, в котором либеральная буржуазия играла преобладающую роль, в апреле 1849 г. предложил ему корону германского короля, он отказался ее принять. В ответной речи, которую он произнес делегации франкфуртского парламента, он заявил, что высоко ценит доверие представителей немецкого народа, но не может «принять решение, которое должно иметь столь важные последствия... без свободного решения коронованных глав, князей и вольных городов Германии». Несколько ранее, 13 декабря 1848 г., он писал более откровенно своему другу Бунзену: «Такая корона (т.е. предложенная народными представителями) — прежде всего не корона. Корона, которую принял бы Гогенцоллерн только

¹ Выражение Бисмарка.

² Слова поэта Уланда.

потому, что ему благоприятствуют некоторые обстоятельства, вовсе не корона... так как она является плодом, который созрел на революционной почве, а корона должна являться печатью Божией, даруемой Им тому, кто принимает ее при священном миропомазании и становится коронованным Милостью Божией. А ваша корона... принесла бы, к сожалению, величайшее бесчестие своим привкусом революции 1848 г., этой отвратительнейшей, глупейшей, сквернейшей, хотя, слава Богу, не самой злой из революций нынешнего столетия». Однако Фридрих Вильгельм не сразу отказался от мысли надеть на себя императорскую корону. Он признавал, что «корону, которую носили Оттоны, Гогенштауфены и Габсбурги, мог бы надеть на себя и Гогенцоллерн; она принесла бы ему величайшую честь своим тысячелетним блеском». Поэтому он созвал делегатов от немецких государей на конференцию для пересмотра франкфуртского проекта имперской конституции. Но здесь-то и обнаружилась отчасти холодность, отчасти враждебность государей к германскому единству под гегемонией Пруссии. Австрийский делегат, хотя и прибыл на конференцию, но тотчас же и удалился; Бавария протестовала против назначения единого главы союза; Вюртемберг также отказался принять прусский проект; его приняли, да и то скрепя сердце, из крупных государства лишь Саксония и Ганновер, а вслед за тем 28 более мелких князей Германии. Либералы франкфуртского парламента соглашались поддерживать даже и такую форму германского объединения, несмотря на явную неудовлетворительность прусского проекта с точки зрения либеральных принципов. Но из проекта Фридриха Вильгельма все-таки

ничего не вышло. Главной причиной этому было противодействие Австрии; все более выяснялось, что она не допустит объединения Германии под главенством Пруссии без вооруженной борьбы; в прусском же короле были слишком сильны легитимные чувства почтения к габсбургской династии, которая еще недавно стояла во главе Германии, и на войну с нею он ни за что не мог решиться. Путем интриг Австрии удалось отвлечь от союза с Пруссией Саксонию и Ганновер; парламент, собравшийся из представителей остальных государств, объединившихся под гегемонией Пруссии, не имел никакого авторитета ни внутри прусского союза, ни в Германии. Все более выяснялось, что силы, на которые мог опереться в своих объединительных стремлениях прусский король, были крайне ничтожны и с каждым днем все более таяли. Сами вожди либеральной буржуазии стали понимать, что, стремясь поддержать объединительные планы Фридриха Вильгельма во что бы то ни стало, они этим только ставили себя в смешное положение. Между тем Австрия, покончив с внутренней революцией, стала вести себя явно вызывающе по отношению к Пруссии. Она снова созвала старый Союзный сейм, хотя он собрался (10 мая 1850 г.) далеко не в полном составе, и потребовала, чтобы Пруссия подчинилась постановлениям этого сейма во внешних делах. Пруссия как раз в это время вела войну с Данией из-за немецких герцогств, входивших в состав датского королевства (Шлезвига и Голштинии) и поддерживала шлезвиг-голштинских повстанцев, восставших там против датского правительства; она совсем не хотела подчиняться в этом вопросе приказам из Вены. Но Австрия грозила вполне опреде-

ленно войной; с другой стороны и русский император Николай I убеждал прусского короля не ссориться с таким оплотом легитимизма и консерватизма, каким была тогда Австрия. Дело осложнялось еще и тем, что в одном из немецких государств, Кургессене, произошла революция, вызванная неожиданной отменой конституции в этом княжестве. Австрия от имени Союзного сейма требовала, чтобы для подавления революции были отправлены туда союзные войска, но Пруссия не хотела допускать их в область, лежавшую в слишком близком соседстве с ее владениями по Рейну и по Шпрее. Николай I поддержал притязания Австрии и выразил желание, чтобы Пруссия признала полномочия Союзного сейма и предоставила Австрии возможность произвести экзекуцию в Кургессене. Влияние Николая I в международных вопросах в то время было необычайно велико, и после некоторого колебания Пруссия вынуждена была уступить. 15 ноября 1850 г. организованный ею союз немецких государств («Прусская уния») был объявлен распущенным; вслед за тем на знаменитом свидании в Ольмюце (28 ноября 1850 г.), куда съехались прусский министр Мантейфель и австрийский — Шварценберг, Пруссия уступила по всем пунктам: она обещала не поддерживать шлезвиг-голштинских повстанцев (мир с Данией был заключен еще раньше), согласилась впустить войска Союзного сейма в Кургессен и демобилизовала свою армию. Вскоре после этого был восстановлен в своем старом виде и Союзный сейм.

Фридрих Вильгельм пожинал теперь плоды своей политики. Организовать немецкое единство с согласия и по воле народных представителей он отказался сам; предо-

ставить объединение Германии солидарным действиям немецких государей оказалось невозможным в силу отсутствия этой солидарности между ними и в силу противодействия Австрии; *принудить* князей Германии (главным образом, конечно, Австрию) к признанию германского единства силой меча — на это у него не хватало ни средств, ни решимости. В результате в конце его царствования Пруссия находилась почти в таком же унижении, как в эпоху наполеоновских войн; только унижение было нанесено ей теперь не на полях битв, не в столкновениях с внешними врагами, а в народном сознании, внутри самой Германии. Ее авторитет был подорван, ее будущее не вызывало ни в ком доверия. Острее всех почувствовал этот упадок национального престижа сам король. Его неуравновешенный ум не вынес тех бурных потрясений, которые ему пришлось пережить за сравнительно короткое царствование; в конце 50-х годов его здоровье стало явно ухудшаться; в 1857 г. его постигли один за другим два удара, и он впал почти в полное безумие. Его заместителем, а вслед за тем и регентом (с 7 октября 1858 г.) стал его младший брат Вильгельм. После этого больной король прожил недолго и умер в самом начале 1861 г.

С ним вместе умерла и старая Пруссия. Начавшееся вслед за тем царствование Вильгельма относится уже не столько к Пруссии, сколько к новой Германии, с созданием и развитием которой оно неразрывно связано. Вильгельм I интересен для нас не столько как прусский король, сколько как германский император; его политика с начала до конца есть политика уже не прусская, а по преимуществу германская.

Глава V

Вильгельм I и Бисмарк. Создание империи

Вильгельм I принимал власть в то время, когда для прусской политики наступило время критической проверки ее традиционных принципов. Позади него, в политике его предшественников были бюрократические привычки управления, покровительство дворянскому сословию, культ военной силы. Если порой предшественники Вильгельма и изменяли этим старым традициям, как то имело место в эпоху прусских великих реформ, во время создания таможенного союза и в революционный 1848 г., то это мало влияло на общие принципы прусской политики, и реформы, поднимавшие значение городской буржуазии, освобождавшие крестьянство и допускавшие общество к делам правления, только несколько ослабляли военно-бюрократическо-дворянский характер прусского государства, не лишая прусскую политику ее специфических свойств. Внешнее унижение, в котором находилась Пруссия в 50-х годах XIX ст., крушение честолюбивых планов Фридриха Вильгельма IV объединить под своей властью всю Германию, позор-

ное подчинение Австрии на ольмюцком свидании, — все это достаточно ясно показало, что старые опоры власти в лице бюрократии и дворянства уже изжили себя и что для поднятия международного престижа Пруссии нужно искать другие средства.

Вильгельм I не обладал ни политической прозорливостью, ни даже достаточным пониманием современной ему общественно-политической конъюнктуры, но в его характере были свойства, которые необходимы для монарха страны, стоящей на поворотном этапе своего исторического пути. В политике он был чистым реалистом и хорошими практиком, во всем следовавшим соображениям о пользе и выгоде. Его голова никогда не была богата идеями, но она была всегда ясна; ее не затуманивали ни романтические бредни Фридриха Вильгельма IV, ни мистическая фантастика и чувственные увлечения Фридриха Вильгельма II, ни погоня за внешними титулами Фридриха I; его не могли увлечь ни звучная фраза, ни красивая поза; реальный, осязаемый успех он всегда предпочитал самым ярким и увлекательным фантазиям. От своего отца Фридриха Вильгельма III, на которого он был чрезвычайно похож и внешне, он унаследовал добродетели среднего немецкого бюргера, честного, рассудительного и простого в обращении, но не наделенного ни смелой инициативой, ни критическим умом. Он любил порядок, был экономен до скупости, трудолюбив и мог без скуки и напряжения проводить целые часы за работой; скудость идей и неспособность к сомнениям даже помогали ему в работе, так как, однажды приняв какое-нибудь решение, он осуществлял его без всяких колебаний, с той упрямой твердостью, на которую вообще спо-

собны несложные натуры. Корона Барбароссы и Оттонов не увлекала его в той мере, как это было с его романтически настроенным братом, но он уже в начале своего царствования проникся убеждением, что объединение Германии под эгидой Пруссии — задача, которая продиктована непреложным ходом истории, которой нельзя избежать, не уронив национального достоинства Пруссии и даже самой Германии, — и он принял эту задачу не с радостью, а с покорностью судьбе, как тяжелую обязанность, как своего рода испытание, посланное ему Провидением. Как и многие из его предков, он был религиозен и искренне проникнут мыслью, что над династией Гогенцоллернов и всеми ее поступками почитет благословение Божие. «Неужели вы думаете, — говорил он своим приближенным после окончания франко-прусской войны, — что я мог бы принять на себя тяжелое бремя этой войны и что были бы возможны все эти успехи, если бы я не был твердо уверен, что Провидение хотело этого и что оно избрало нас в качестве своих орудий?» Тем не менее, в его натуре совсем не было мистицизма: уверенность в божественном руководстве сообщала только большую твердость его поведению, но никогда не заставляла его искать в религиозных идеях направляющих принципов для его деятельности и изменять реалистическим началам его правления; идея Провидения нужна была ему только для того, чтобы найти оправдание уже совершенным поступкам, а не затем, чтобы сообразоваться с ней в определении целей деятельности и в выборе средств для их осуществления.

В молодости он был завзятым реакционером и сохранил консервативные склонности до конца своей жизни, но над его практическим умом не имела силы

никакая идеология, в том числе и реакционная. Поэтому он всегда был доступен влиянию духа времени и способен сообразовать свои поступки с практически-ми нуждами момента, хотя бы это и противоречило его интимным симпатиям и основам его мировоззрения. В 1848 г. он был против введения конституции, и его обвиняли даже в том, что он был вдохновителем вооруженной расправы с народом 18—19 марта и сторонником борьбы против революции до конца. Но когда конституция была введена, он стал считаться с ней, как с совершившимся фактом, и оставил всякие мысли о возврате к абсолютизму. Он даже принял участие в заседаниях национального собрания в качестве депутата, выбранного от одного из избирательных округов Пруссии. Когда позднее, уже 60-летним стариком, он принял в свои руки власть, его ум еще не был настолько неподвижен, чтобы замкнуться для новых идей, и он позволил Бисмарку уговорить себя на такие меры, которые показались бы еретическими и революционными ему же самому в 40-х годах XIX в., когда он был еще вполне ортодоксальным консерватором. При этом он имел способность глубоко чувствовать все то, что относилось к славе или к унижению Пруссии. В момент ольмюцкого унижения, когда прусский министр Мантейфель должен был принять все условия Шварценберга (австрийского министра), он плакал как ребенок и с тех пор проникся самой горячей ненавистью к Австрии. Задолго до призыва Бисмарка в правительство он понял, что объединение Германии можно провести только оружием. Еще в 1850 г. он говорил: «Кто хочет управлять Германией, тот должен ее завоевать;

à la Гагерн (президент франкфуртского парламента) этого не может случиться». Враждебные чувства против Австрии были в нем настолько сильны, что в бытность свою наследным принцем он отказался явиться в Берлин во время визита туда Франца Иосифа. Позднее, когда разрыв с Австрией стал неизбежным, он, наблюдая энтузиазм ландвера¹, находил этот душевный подъем еще более возвышенным, чем настроение народа во время восстания 1813 г., «потому что он не был вызван семилетним иноземным угнетением».

Большим надеждам, которые Вильгельм возлагал на армию, соответствовала и его необыкновенная любовь к военному делу. «Он любил армию со страстью», — говорит о нем французский историк Эрнест Денис²: «Постоянно устраивал маневры, интересовался малейшими деталями организации, записывая все замеченные им недостатки, и медленно и терпеливо искал средства для их исправления». В этом отношении он представлял полную противоположность своему старшему брату, который, как известно, был вполне равнодушен к армии и отдавал свои симпатии искусствам и литературе. Вильгельм I зато был вполне свободен от всяких художественных увлечений. На этой почве даже возникло взаимное непонимание и холодность в отношениях между ним и его женой Августой, которая с молодых лет увлекалась музыкой и литературой и сво-

¹ Ландвер — ополчение; в частности, ополчение, выставленное округами в Пруссии во время борьбы с Наполеоном I. — *Прим. ред.*

² *Ernest Denis. La fondation de l'empire Allemand.*

бодно чувствовала себя среди литераторов. Вильгельм, наоборот, всегда предпочитал общество военных. Эта любовь к военному делу была традиционной в доме Гогенцоллернов, и не он, а его романтически настроенный брат был исключением в ряду прусских государей XVIII и XIX веков.

В литературе до сих пор идет спор о степени самостоятельного участия Вильгельма в той политике, которая в конце концов привела к объединению Германии. На практике этот спор сводится к вопросу об отношении Вильгельма к Бисмарку. Несмотря на все старания некоторых из германских историков доказать, что руководящая роль принадлежала Вильгельму, а Бисмарк был только искусным и послушным исполнителем предначертаний своего государя, — теперь можно считать доказанным, что и инициатива, и идеи, и способ их осуществления по большей части принадлежали Бисмарку, а роль Вильгельма в деле объединения Германии была подчиненной. Мнение Оттокара Лоренца, что Вильгельм был политиком высшей марки и что Бисмарк был даже не помощником, а помехой в объединительных стремлениях Вильгельма, не может вызвать ничего, кроме улыбки. Но было бы также крайне несправедливым видеть в Вильгельме политическое ничтожество и сравнивать его отношение к Бисмарку с отношением Людовика XIII к Ришелье, как это делали некоторые историки. Даже такой антагонист Вильгельма, как К. Маркс, и такой осторожный историк, как Онкен, признавали, что Вильгельм не только ассистировал Бисмарку во всех его действиях, но действовал и самостоятельно. И действительно,

едва ли можно оспаривать, что Вильгельм горячо переживал все то, что предпринимал и на чем настаивал Бисмарк, никогда не оставаясь только пассивным и безличным орудием в руках последнего. На приведенном примере из отношений Вильгельма к Австрии мы видим, что сама мысль об объединении Германии силой оружия появилась у Вильгельма самостоятельно и до Бисмарка. Бисмарк только выразил эту мысль в иных словах, и когда наступило время ее проведения в жизнь, осуществлял ее с большей энергией и решительностью, а также и с большим искусством, чем это мог бы сделать Вильгельм без него.

Главное, что разделяло Вильгельма и Бисмарка (конечно, помимо колоссальной разницы в способностях) — это традиционализм первого и смелая готовность к самым неожиданным поворотам в политике у второго. Несмотря на всю реалистичность мировоззрения Вильгельма, в его душе все-таки еще жил какой-то пиетет перед старыми династиями. Когда в 1863 г. Австрия, предвидя свое близкое исключение из Германского союза, попыталась заново объединить государей Германии на старых началах и созвала для этого во Франкфурт на конгресс немецких государей, то Вильгельм едва не поехал туда — только на том основании, что съезд тридцати немецких государей был в его глазах слишком импозантным собранием, чтобы его можно было игнорировать. Бисмарку стоило большого труда отговорить короля от этой поездки: он понимал, что если бы король поехал, то это было бы равносильно отказу Пруссии от объединения Германии под ее главенством. В 1866 г. он опять-таки очень неохотно и только по усиленному на-

стоянию Бисмарка согласился вступить в союз с итальянским королем, потому что видел в нем представителя революционных начал, низвергнувшего несколько законных династий в Италии.

В характере Бисмарка, наоборот, не было никакого уважения к старым традициям, и он готов был перевернуть все вверх дном, если надеялся на быстрый и решительный успех. На практике это сводилось к тому, что во взаимных отношениях короля и министра второй был всегда наступающей стороной и требовал самых энергичных мер, а первый представлял собой элемент сопротивления и всегда сдерживал чрезмерную пылкость и стремительность Бисмарка. Победа почти всегда оставалась на стороне министра, но и королю удавалось внести некоторую мягкость и умеренность в образ действий Бисмарка.

Но в мировоззрении и поведении короля и министра, конечно, было и много общего. Тем обстоятельством, что Бисмарк, несмотря на все угловатости своего характера, удержался у власти до самого конца царствования Вильгельма, он был обязан не только тому, что сумел подчинить своему уму и своей воле небогатого идеями короля, но и сходству в основных симпатиях. И тот и другой были проникнуты уважением к силе, понимаемой как накопление материальных богатств, только Бисмарк вернее знал, в чем она заключается. Феодал по убеждениям, в душе которого всегда жили самые древние предрассудки его касты, он без колебаний вступает в союз с самыми различными партиями, когда видит в них силу, и без церемоний отбрасывает своих недавних союзников и поворачивается к ним

спиной, когда находит, что от них уже ему более нечего взять. Выше феодальных влечений стоит для него идея внешней силы и материального господства, и для создания мощной во вне и обильной внутренними материальными ресурсами Германии он готов, в случае необходимости, поступиться своими личными симпатиями и вступить в соглашение — конечно, временное, — не только с буржуазией, но и демократией. Вильгельм не обладал политической гибкостью своего министра и часто неохотно шел за неожиданными поворотами его политики, но в его душе жило то же самое преклонение перед внешней силой и властью, что и в душе Бисмарка. Оба в глубине души презирали немецкую интеллигенцию и видели в ней оторванную от народа кучку людей с большими претензиями, со смутными понятиями, с сумбурным политическим мировоззрением. Реалистическое настроение обоих заставляло их пренебрежительно относиться ко всякого рода идеологам и главные надежды возлагать на «кровь и железо». У Бисмарка, помимо интеллигенции, был еще и другой враг, которого он презирал с одинаковой силой во все периоды своей политической деятельности: это бюрократия. Начиная с первых своих неудачных служебных опытов в середине 30-х годов XIX в. и до конца своей жизни Бисмарк не верил в способности немецкого чиновничества и не любил того духа кропотливости, аккуратности и чиновничества, соединенного с полным незнанием жизни, который господствовал в его среде. В речи, которую он произнес уже после своей отставки перед представителями центрального комитета сельских хозяев, он

называет чиновничество «трутнями, которые управляют нами, но ничего не производят, кроме законов». В продолжении этой речи он возмущается тем, что у министров есть всегда гарантированное жалованье независимо от того, хорошо или дурно живется управляемой ими стране. Чтобы стать хорошим правителем, министр, по его мнению, должен быть лично заинтересован в результатах своего правления. «Вот если бы размер жалованья, — восклицает он, — колебался бы вверх и вниз вместе с благосостоянием государства и управляемых, то министр был бы внимательнее и настойчивее»¹. Таким образом, в глазах Бисмарка чиновники были в той же мере беспочвенной, лишенной истинного понимания кровных народных интересов кучкой людей, как и интеллигенция. Политика, которая была основана на преклонении перед реальной силой, не могла опираться на этих людей, стоящих вдали от жизни, и потому-то Бисмарк в поисках поддержки для своей политики только среди чиновников никогда не искал для себя опоры. Это было уже крупным отклонением от прежней прусской политики, от приемов Фридриха Вильгельма I, Фридриха II и их преемников, с огромным усердием насаждавших в Пруссии бюрократизм и никогда не хотевших внимательно присмотреться к тем силам, которые назревали внутри самого народа.

Если принять во внимание внутреннее положение Германии и в частности Пруссии в начале второй половины XIX в., то станет вполне ясно, какой обществен-

¹ См. *Гернер*. Die Arbeiterfrage.

ной силе в то время принадлежало в Германии первое место и на кого в силу этого должна была опереться проводимая Бисмарком и поддерживаемая Вильгельмом реалистическая политика. Этой силой была буржуазия. Время после революции 1848 г. было для Германии периодом необычайно быстрого накопления капиталов. В истории Германии это время отчасти напоминает царствование Луи Филиппа во французской истории. «Вся страна, — говорит г. Лихтенберг в своей книге «L'Allemagne moderne», — утомленная, политической борьбой и бесплодностью политической агитации, с удвоенным рвением бросается на приобретение материального благосостояния и богатства. Дух предпринимательства и интерес к спекуляциям уже не ограничиваются, как это было в начале века, небольшой частью общества. Они захватывают глубокие слои нации и окончательно завладевают деловым миром. Современная капиталистическая Германия возникает в течение двадцати лет, отделяющих кризис 1848—1849 гг. от франко-прусской войны». Другой французский историк Германии Денис утверждает, что после 1848 г. Германия за короткий срок пережила в своей общественной жизни и в умственных и моральных привычках более существенную перемену, чем за предшествовавшие десять веков. В это время усиленно начинается разрабатываться каменноугольный бассейн Силезии, основываются мануфактурные фабрики, возникают заводы, за одно десятилетие увеличивается больше чем вдвое производство свекловичного сахара и железа. Буржуазия, которая до этого времени не имела почти никакого значения в политических вопросах, теперь

начинает сознавать свою силу и с большей энергией, чем прежде, настаивает на объединении Германии. Отсутствие единства особенно ощущалось ею именно в этот период оживления торгово-промышленной жизни Германии. Правда, таможенный союз, растроенный Австрией в 1850 г., возродился уже к 1853 г., вобрав в себя еще новых членов (Ганновер, Брауншвейг, Ольденбург, Мекленбург, ганзейские города). Но он только уничтожил внутренние таможенные пошлины, не устранив ряда других препятствий к успешному развитию торговли и промышленности. Ему не удалось установить единства мер и весов, однообразной монетной системы, единого тарифа на железных дорогах. Конечно, оставалось в силе различие законов, регулирующих деловые отношения коммерческого мира, продолжали по-прежнему действовать полицейские ограничения и административное усмотрение, разнообразившиеся сообразно с местными обычаями. Поэтому либеральная буржуазия не могла удовлетвориться одним таможенным союзом и продолжала действовать в пользу более действенного объединения Германии. В 1859 г. ее представителями (во главе с Беннигсенем) был основан «Национальный союз», который поставил своей целью содействовать «идее объединенной Германии с учреждениями, сильными по отношению к иноземцам и свободными внутри страны». Программа союза явно благоприятствовала Пруссии, потому что в ней было сказано, что главенство в объединенной Германии должно принадлежать самому большому чисто немецкому государству, каковым являлась, конечно, Пруссия, а не Австрия с ее разнородным племенным составом. «Национальный союз»

был наиболее прямым выразителем интересов немецкой капиталистической буржуазии, как это доказало его поведение в эпоху конфликта, — поведение, столь отличное от образа действий в то время партии прогрессистов, которая также примыкала к буржуазии, но не выражала ее интересов в столь чистом виде, как «Национальный союз».

Бисмарк начал свою политическую карьеру в качестве довольно рьяного противника буржуазии. И членом Соединенного ландтага 1847 г., примыкавшим по своим взглядам к реакционно-феодальной «Kreuzzeitung», и депутатом палаты 1849 г., собравшейся на основе новой октроированной конституции, он громил прусский индустриализм, отстаивал цеховую организацию промышленности и клеймил представителей движимого капитала как людей, только «стригущих купоны». Его симпатии лежали всецело на стороне аграриев, которые в революционный период прусской истории вполне естественно казались ему главной опорой трона. Но когда в 1862 г. он был призван к власти и поставлен во главе министерства, он, тем не менее, направил прусскую государственную жизнь по пути, благоприятному для развития буржуазии. Правда, первые годы его пребывания у власти ознаменовались отчаянной борьбой «с партией прогрессистов, которая образовалась в конце 1861 г. и, как мы уже говорили, примыкала к либеральной буржуазии. Борьба эта, как известно, возникла из-за желанья правительства короля Вильгельма усилить численный состав армии и из-за его требований новых кредитов на военные нужды. Требование военной реформы выставил военный министр

фон Роон, завзятый реакционер. Палата, главным образом, по настояниям прогрессистов, отклонила предложенный им военный законопроект (1862 г.). Бисмарк, приглашенный на пост министра-президента по совету Роона, не нашел, однако, необходимым уступить и стал собирать неутвержденные палатой налоги. Началось четырехлетнее управление без бюджета, получившее в прусской истории название эпохи конфликта. В это время Бисмарк был едва ли не самым непопулярным человеком во всей Германии, палата возбуждала даже вопрос о предании его суду за нарушение конституции, но он не обращал на это никакого внимания и продолжал управлять страной без бюджета, вопреки протестам палаты, которой за весь четырехлетний период конфликта продолжали руководить прогрессисты. Связь прогрессистов с либеральной буржуазией для Бисмарка была, конечно, вполне ясна, и он со своей стороны не щадил в этот период своей деятельности немецкой буржуазии и даже завязывал отношения с ее врагами, т. е. с вождями пролетариата. Именно к этому времени относятся знаменитые свидания Бисмарка с Лассалем, причем каждый из них надеялся использовать другого для своих целей: Бисмарк — для приобретения поддержки среди рабочих, а Лассаль — для склонения Бисмарка к идее всеобщего избирательного права и к организации государственной помощи производительным ассоциациям. Бисмарк также вел игру в это время и с другими вождями рабочих, а именно с представителями «Интернационала», и предлагал Марксу писать корреспонденции в «Прусский правительственный вестник» (1865 г.)

и Либкнехту — место редактора «Norddeutsche Allgemeine Zeitung». В случаях конфликта между фабрикантами и рабочими он вступался за интересы последних, как это было в случае с силезскими ткачами из округа Вальденбурга, которые приехали в Берлин жаловаться на фабрикантов и которым Бисмарк организовал аудиенцию у короля, давшего им, по совету Бисмарка, денежную субсидию в 12 тысяч талеров на устройство производительной ассоциации.

Но, несмотря на все относящиеся к этому времени выпады Бисмарка против буржуазии, его конфликт с ней мог быть только временным. Она была в то время силой, и такого поклонника силы, каким был Бисмарк во все времена своей политической деятельности, не могло не смущать то, что он был с ней в раздоре. Его ободряло лишь то обстоятельство, что партия прогрессистов, несмотря на свою несомненную связь с буржуазией, не была плотью от плоти и костью от кости нового немецкого делового мира, ее представители в то время были в массе своей интеллигентами, людьми отвлеченных принципов, не впутанными лично в деловые расчеты коммерческого мира. Бисмарк, со своей специфической точки зрения практика-реалиста, имел основание третировать их, как беспочвенных идеологов, и в этой позиции его не могло не укреплять то обстоятельство, что Национальный союз, в котором было больше духа практицизма и коммерческой деловитости, совсем не поддерживал прогрессистов в их борьбе против Бисмарка и относился сочувственно к агрессивному поведению Бисмарка во время войны с Данией из-за Шлезвига и Голштинии. Для настоящей деловой бур-

жуазии энергичная внешняя политика, которую вел Бисмарк, могла быть только выгодна, потому что она вела и к объединению Германии, и к новым территориальным захватам. Бисмарк мог не сомневаться, что в конце концов деловой дух восторжествует в немецкой буржуазии над преклонением перед принципами и доктринами и что буржуазия только возблагодарит его за его политику. В действительности, в эпоху торжества немецкого национал-либерализма, как мы знаем, так и случилось.

С другой стороны, Бисмарка ободряло и то, что его торговая политика с самого начала соответствовала требованиям партии прогрессистов, и деловой мир был в этом вполне согласен с прогрессистами. Немецкая буржуазия стояла тогда целиком на точке зрения введения свободной торговли и отвергала всякое вмешательство правительства в экономическую жизнь. Идейные руководители буржуазии, заседавшие в палате депутатов среди членов прогрессивной партии, связывали обыкновенно идею экономической свободы с идеей свободы политической; им казалось, что, отстаивая принципы чистого манчестерства, они тем самым осуществляют и те либеральные лозунги, под знаменем которых они боролись в 1848 г. (среди членов партии прогрессистов было довольно много деятелей 1848 г.). Несмотря на то, что экономическая наука нанесла к тому времени уже довольно чувствительные удары принципу невмешательства, прогрессисты находили несокрушимый, как им казалось, аргумент в пользу манчестерства в ссылке на огромные экономические успехи Англии, достигнутые ею при режиме полной свободы в экономической области.

Над деловой буржуазией либеральная идеология сама по себе, конечно, не могла иметь большой силы, но прусские индустриалы, работая по преимуществу на вывоз, находили для себя более выгодным открыть для своих товаров иностранные рынки низкими таможенными ставками, чем закрыть немецкий рынок протекционистским тарифом для иностранного ввоза. Верно ли они понимали свои интересы, защищая режим свободной торговли, — это является спорным до сих пор, но, во всяком случае, идеи манчестерства были тогда очень популярны в деловых кругах Пруссии, и Бисмарку это было известно. Еще за полтора месяца до его назначения на пост первого министра Пруссия подписала (2 августа 1862 г.) таможенный договор с Францией, удовлетворявший требованиям экономического либерализма и устанавливавший довольно низкие таможенные ставки, причем было объявлено, что таможенный союз будет возобновлен только с теми государствами, которые признают договор с Францией. Большинство крупных государств Германии, по большей части отсталых в промышленном отношении (Вюртемберг, Ганновер, Бавария, оба Гессена и Нассау), не были согласны идти в этом отношении за Пруссией, и только одна Саксония смело стала на ее сторону. Конечно, и Австрия всеми силами старалась воспрепятствовать возобновлению таможенного союза. Но Бисмарк не посмотрел на все эти препятствия и после своего назначения упорно продолжал проводить линию экономического либерализма в своей политике. Он сломил сопротивление настроенных в пользу высоких тарифов государств угрозой исключения их из таможенного союза, и они должны были уступить, потому что таможенное

объединение с Пруссией — государством, которое держало в то время в своих руках морские пути и, кроме того, снабжало экономически отсталые германские территории продуктами своей промышленности, — было для них необходимо, затрагивало их жизненные интересы. Австрия, конечно, осталась по-прежнему изолированной. Бисмарк охотно шел навстречу политике экономического либерализма потому, что в то время теория экономического либерализма, господствовавшая среди буржуазии, совпадала с интересами прусских аграриев: Германия в то время еще не была ввозным рынком для русского, американского и аргентинского хлеба, как позднее, и прусские юнкера, не подвергаясь конкуренции иноземного хлебного ввоза, сами вывозили из своих имений хлеб. Поэтому система низких таможенных ставок была для них только выгодна: она предупреждала излишнее скопление хлеба внутри германских государств, не вызывая в то же время прилива в них иноземного хлеба.

Если принять во внимание этот здравый смысл Бисмарка, который заставлял его прислушиваться к мнениям влиятельных общественных кругов, то надо внести некоторые коррективы в пресловутое мнение о его преклонении перед политикой «крови и железа». Решительность внешней политики, которая привела его уже в первые годы правления к вооруженному столкновению с Данией и Австрией, была отчасти попыткой победоносными войнами примирить с собою общественное мнение страны. Он глубоко чувствовал неудобства управления вопреки конституции, без общественной поддержки и, несмотря на все свои гневные выпады против палаты, в течение всей эпохи конфликта искал

какого-нибудь компромисса, на почве которого можно было бы заключить мир с палатой. Еще менее решительно был настроен сам король. Сам Бисмарк не верил в твердость короля и в январе 1864 г. писал Роону, что король «в конце концов решил уступить демократии. Если не случится чуда, наша партия проиграна, и на нашу долю останутся лишь оскорбления современников и потомства».

Но было бы, конечно, очень большим преувеличением думать, что в сторону агрессивной внешней политики Бисмарка толкали только поиски примирения с палатой. Искание общественной поддержки было только одной стороной его деятельности. Другая ее сторона питалась традиционной верой прусской администрации и самой династии в силу меча и преклонением перед приемами вооруженного воздействия. «Не речами и постановлениями большинства будут решаться великие вопросы современности, — это мнение было огромной ошибкой 1848 и 1849 гг., — а железом и кровью», — эта часто цитируемая фраза Бисмарка, произнесенная им 30 сентября 1862 г. в бюджетной комиссии палаты, выражает собою не всю совокупность его политических приемов, направленных к объединению Германии, как это нередко доказывается, а только часть их, но часть очень характерную. Бисмарк только одной половиной своего политического существа примыкал к новой конституционной Европе и поэтому должен был искать поддержки общественных сил и считаться с общественными настроениями, но с другой стороны в нем сидел прусский юнкер, властный и категоричный в своих решениях, любивший рубить саблей запутанные узлы политических отно-

шений. До сих пор Австрия была главной помехой на пути к германскому объединению под главенством Пруссии, следовательно, Австрию надо устранить, а для этого ее необходимо разбить. На этом Бисмарк стоял твердо. Он, однако, обладал достаточной политической дальновзоркостью для того, чтобы понимать, насколько непрочно только военное торжество над соперником, не сопровождающееся одновременно унижением его в глазах общественного мнения. Для этого он никогда не упускал случая подчеркнуть политическую и общественную отсталость Австрии в сравнении с Пруссией и уже с первых лет своего пребывания у власти любил напоминать, что только Пруссия может дать объединившейся Германии демократические, отвечающие общественным настроениям учреждения. Так, еще в 1863 г., в разгар конфликта, представляя своему королю записку о необходимости отклонить австрийский проект будущей германской конституции, который предлагал помимо союзного совета установить еще парламент из трехсот депутатов, разделенных на две палаты и избираемых ландтагами отдельных государств, — Бисмарк прежде всего указывал на его недемократический характер и утверждал, что только «истинное, основанное на прямом участии всей нации народное представительство» может освободить страну от «династических и партикуляристических¹ интриг». Из этого видно, что политика Бисмарка, даже в разгар его борьбы с прусским народным представителем

¹ Партикуляризм — движение к приобретению или удержанию политической, административной или культурной автономии других частей государства. — *Прим. ред.*

ством, не была построена на чистом культе «крови и железа» и не вполне была чужда тех самых идей, которые вдохновляли и деятелей 1848—1849 гг.

Саму свою политику «крови и железа» он начал с защиты популярной в обществе идеи национальной автономии. В начале 1864 г. он объявляет войну Дании с целью изгнать *датское* правление из *немецких* герцогств — Шлезвига и Голштинии. «Здесь, — говорил он, — мы имеем дело с таким вопросом, по поводу которого можно во всякое время начать войну, как это только позволит политическое положение Европы». Война начиналась во имя освобождения из-под датского ига немецких провинций, но в душе Бисмарк при этом руководствовался, конечно, далеко не принципом национальной независимости, а стремлением к территориальному приращению: приобретение Шлезвига с его выходами к Балтийскому и Северному морям, с его превосходной гаванью Килем слишком соответствовало традициям прусской политики, ее тяге к морям, для того чтобы он мог упустить этот случай. Позднее он говорил с полной откровенностью: «Я всегда думал, что присоединение Шлезвига к Пруссии составляет лучшее из всех решений вопроса». Но на этом пути ему было суждено столкнуться с Австрией. Война против Дании велась в союзе с Австрией, но, уже затеяв войну, Бисмарк предвидел, что дело кончится столкновением с Австрией из-за дележа завоеванных земель. Впоследствии соратник Бисмарка, Мольтке, так писал о настроениях в правительственных кругах, которыми руководил Бисмарк: «Война 1866 года не была вызвана необходимостью защищать наше под-

вергающееся угрозе существование: это был конфликт, признанный необходимым в кабинете, давно задуманный и постепенно подготавливавшийся». К этому конфликту Бисмарк давно готовился; для него он ценой разрыва с палатой усиливал военные силы Пруссии. Но и здесь он, помимо надежды на прусские войска, заботился о том, чтобы во время столкновения Пруссия выступила в качестве прогрессивной, а Австрия в качестве реакционной силы, цепляющейся за отжившие политические формы. К общественному мнению тогдашней Германии, в котором главную роль играла либеральная буржуазия, он был равнодушен и в предстоящем конфликте с Австрией возлагал свои надежды не на одну только силу оружия. Конфликт разыгрался довольно быстро. Сначала герцогства были отданы (по Венскому договору 30 октября 1864 г.) в совместное управление Пруссии и Австрии; через год, ввиду возникших несогласий между совладельцами, их разделили, причем Австрия получила Голштинию, а Пруссия — Шлезвиг (ганзейская конвенция 14 августа 1865 г.). Но и здесь они не поладили между собой ввиду того, что Бисмарк по давнишней привычке прусских администраторов сразу и слишком резко принялся за искоренение в Шлезвиге всякого духа местного патриотизма, а Австрия — тоже в силу давних австрийских традиций ввела в своей провинции довольно мягкие порядки. На этой почве между Австрией и Пруссией возникли очень серьезные трения. Бисмарк не находил нужным особенно считаться с настроением присоединенных земель, несмотря на национальный лозунг, во имя которого якобы была начата война с

Данией. Он знал, что общественное мнение Германии быстро простит ему его слишком решительную политику опрусачивания. Но зато по отношению к этому всегерманскому общественному мнению он сразу сделал две существенных уступки: во-первых, завязал переговоры с итальянским королем Виктором Эммануилом, несмотря на то, что Австрия и другие немецкие государства видели в савойском доме революционную династию, добивавшуюся единства Италии путем свержения нескольких законных династий. Сам прусский король не хотел иметь ничего общего с итальянскими королем, и Бисмарку стоило больших усилий преодолеть отвращение Вильгельма к революционному происхождению власти савойского дома. Конечно, союз с Италией был нужен Бисмарку не только затем, чтобы привлечь к себе расположение немецких либералов: на первом плане для него здесь стояли соображения военной помощи, которую Италия могла оказать Пруссии в предстоящей войне против Австрии; но Бисмарк не упускал из виду и того, что союз с Италией привлекает на его сторону либеральные круги Германии и что, заключая его, он одновременно убивает двух зайцев. Другая диверсия Бисмарка в сторону либеральной буржуазии заключалась в том, что, когда окончательно выяснилась невозможность мирного разрешения конфликта с Австрией из-за управления Шлезвигом и Голштинией, он неожиданно предложил созвать общегерманский парламент путем прямых выборов и всеобщего голосования всей немецкой «нации», который должен был заняться вопросом о переустройстве Германии, — конечно, на основе

пруссских предложений. Уже второй раз Бисмарк пу-
скал против Австрии это оружие, и оно должно было и
теперь сослужить ему хорошую службу. Образ дей-
ствий Бисмарка оттенялся тем ярче, что Австрия толь-
ко что перед этим предлагала передать шлезвиг-гол-
штинский вопрос на разрешение Союзного сейма —
учреждения, которое до этого времени служило толь-
ко помехой всяким попыткам объединения и реформ
в Германии и уже давно заслужило презрительную
кличку «собрания мумий». Предложение Бисмарка
произвело тем более сильное впечатление, что этим
он открыто давал понять, что идея германского един-
ства им не забыта и что он готов ее снова поднять
при любом удобном случае. В Германии выступление
Бисмарка именно так и было понято. «Теперь дело
шло, — писал об этом выступлении Мольтке, — уже
не о завоевании новой территории, а о господстве над
Германией». Мольтке писал «о господстве над Гер-
манией» потому, что для всех становилось все более
ясным, что германское объединение может произой-
ти только в форме прусской гегемонии, но речь шла
здесь именно о германском единстве. Так понимали
дело немецкие либералы еще в эпоху франкфурт-
ского парламента. Бисмарк, поднимая теперь старое
знамя немецкого единства, хотел, чтобы война с Ав-
стрией велась под прежними, популярными в обще-
стве лозунгами. Мы видим, что и здесь Бисмарк воз-
лагал свои надежды не на одну «кровь и железо», а
заботился о привлечении на свою сторону тех обще-
ственных кругов, за которыми он в данную минуту при-
знавал силу.

Но расчет Бисмарка был более на будущее, чем на настоящее. В 1866 г., накануне войны с Австрией, общественное мнение Германии не сложилось окончательно и в общем было неблагоприятно для политики Бисмарка. Он слишком запугал общество своей решительной, не останавливающейся перед открытым нарушением конституции политикой; кроме того, цели войны не представлялись в достаточной мере ясными, и неповоротливые умы немецких бюргеров не могли в то время еще достаточно осмыслить, какое значение в истории германского объединения займет предстоящая война с Австрией. Именно в этой неясности целей войны и упрекал Бисмарка в своем манифесте «Национальный союз».

Но Бисмарк верно рассчитывал на оправдание своих действий *post factum*, и расчет оправдался. Известен исход австро-прусской войны: несмотря на то, что на сторону Австрии стали Ганновер, Кургессен, Нассау, Саксония и Южная Германия (Бавария, Баден, Вюртемберг), Пруссия без большого труда, опираясь на союз с Италией, разбила своих противников. Ганноверская армия капитулировала через две недели после начала военных действий; Саксония была занята без боя, и вслед за этим наступила очередь Австрии. Прусское ружье Дрейзе оказалось неизмеримо выше вооружения австрийского пехотинца, прусские генералы, во главе которых стоял Мольтке, дальновидностью и способностью к самостоятельным действиям намного превосходили австрийских; смелое и решительное наступление пруссаков сразу перепутало все планы австрийского штаба, построенные на сообра-

жениях осторожного ведения кампании; австрийская система действий сомкнутыми рядами повела к страшным опустошениям в рядах австрийской армии, между тем как пруссаки на открытых местах предпочитали рассыпаться цепью и вообще обнаружили умение считаться с условиями почвы и местности. При таких условиях разгром австрийской армии был необычайно стремительным: Австрия объявила войну 17 июня; через две недели после этого 3 июля австрийцы были наголову разбиты при Содовой, а еще через две недели прусская армия стояла уже под стенами Вены. Еще раньше другой прусской армией были разбиты войска южногерманских государств. Победа пруссаков была полная, но Бисмарк не находил ни выгодным для Пруссии, ни даже возможным чрезмерно унижать Австрию. Его задачей было только уничтожение того противодействия, которое он неизменно встречал в лице Австрии на пути к объединению Германии под главенством Пруссии. При крайне опасном международном положении Пруссии, граничившей с запада и востока с двумя сильными державами, Россией и Францией, готовыми при первом удобном случае занять враждебную по отношению к ней позицию, наживать для своего отечества нового непримиримого врага в лице Австрии Бисмарк отнюдь не хотел. Поэтому он настаивал перед королем Вильгельмом, чтобы Пруссия отказалась и от триумфального вступления в Вену, что осталось бы навсегда тяжелым воспоминанием для австрийцев, и, главное, от территориальных уступок в пользу Пруссии. В первом случае король уступил сравнительно легко, но по вопросу об отказе от террито-

риальных приращений Бисмарку пришлось употребить много красноречия и энергии, чтобы убедить короля и его окружение. В конце концов король уступил и здесь своему более дальновидному министру, и Австрия в результате войны потеряла только одну венецианскую область, отданную ей Италии (кроме, конечно, своих прав на Шлезвиг и Голштинию; эти герцогства были переданы в единоличное владение Пруссии). Зато Пруссия постаралась вознаградить себя за счет второстепенных государств Германии. Теперь, наконец, настал удобный случай для уничтожения чересполосности прусских земель, и Пруссия воспользовалась им в полной мере. К ней были целиком присоединены Ганновер, Кургессен, Нассау, город Франкфурт-на-Майне и некоторые более мелкие территории (небольшие области в Баварии и в Гессен Дармштадте). Вместе с Шлезвигом и Голштинией это составляло около 1300 квадратных миль и 4300 тысяч населения (до этих присоединений в Пруссии было около 20 миллионов населения).

Победа была одержана, и Вильгельм I уже думал воспользоваться внешними успехами своего оружия для реакционного поворота во внутренней политике. Несмотря на весь его практический ум, его симпатии всегда были на стороне консерваторов, и он думал, что теперь, после двух победоносных войн, общество не будет противодействовать усилению королевской власти. Он не думал возвращаться к чистому монархизму, но ему казалось, что теперь возможно изменить конституцию в сторону увеличения прав короны. Феодално-юнкерская партия поддерживала его в этом, и от нее к нему даже была отправлена делегация с просьбой пересмотреть конститу-

цию. Но Бисмарк оказался гораздо дальновиднее и короля, и своих прежних политических друзей, он знал, что повернуть на путь реакции после победоносных войн нетрудно; но ему ясно было и то, что реакционная политика — плохое средство для достижения германского единства и что объединить Германию можно было только при поддержке общества. Поэтому удаchi внешней политики он хотел употребить иначе, чем король, а именно — воспользоваться ими не для усиления королевской власти, а для примирения с обществом. Он видел, что теперь прусское общество охотно простит ему его прежнюю авторитарическую политику, приняв во внимание, к каким блестящим результатам она привела. Поэтому он стал убеждать короля, чтобы тот обратился к парламенту с просьбой сложить с министерства ответственность за расходование денег, собранных со страны без разрешения палаты. Король после долгих возражений уступил и здесь, так как Бисмарк уже оказал на него неограниченное влияние. В заседании палаты Вильгельм произнес речь, в которой признал, что «государственные расходы за последние годы не имеют того законного основания, которого требует ст. 99 конституции». Правда, король не выражал раскаяния в безбюджетном управлении страной и, ссылаясь на жизненные интересы страны, заявлял, что в случае повторения прежних обстоятельств он вынужден был бы поступить так же; но было уже большой уступкой конституционному режиму то, что король просил для своего правительства индемнитета¹ за расходо-

¹ Индемнитет — возмещение ущерба, компенсация. — *Прим. ред.*

вание неутвержденных палатой налогов и сам первый протягивал народным представителям руку примирения, выражая надежду, что «последние события будут содействовать необходимому соглашению» и что теперь «будет навсегда прекращен конфликт, продолжавшийся до сих пор».

Палата охотно приняла протянутую ей руку примирения. Еще до начала парламентской сессии, в которой король произнес свою знаменитую речь, произошли новые выборы, на которых прогрессисты потерпели поражение. Это было показателем настроения страны и, главным образом, конечно, буржуазии, которая теперь начинала понимать, какие перспективы для нее сулит энергичная политика Бисмарка. Далее многие из тех депутатов, которые прошли в палату под флагом прогрессистов, уже в самой палате изменили свои взгляды. Заявив, что в вопросах внутренней политики они по-прежнему остаются на почве лояльной, но бдительной оппозиции, эти депутаты решили, однако, поддерживать внешнюю политику правительства Бисмарка. Таково было происхождение национал-либеральной партии, которая с этого времени наряду с Бисмарком берет на себя роль повивальной бабки германского единства и освящает именем либерализма политику националистических стремлений. К ней примкнули либералы из вновь присоединенных областей, и один из них — вождь ганноверской либеральной оппозиции Беннигсен — даже стал лидером этой партии. Кроме того, в ее состав вошли и представители левого центра из прежнего состава прусской палаты. Эта партия в скором времени стала настоящей опорой Бисмарка, и ей не при-

шлось, как мы увидим ниже, становиться в оппозицию к правительству. Националистические стремления и объединительный энтузиазм уже очень скоро перевесили в ней либеральный дух, и либеральные лозунги у этих «людей с двумя душами» скоро стали декорацией, которой они лишь окружали свои выступления в торжественных случаях. Они быстро сдали свои либеральные позиции во всех существенных вопросах, зато превосходно усвоили себе деловой дух немецкой буржуазии и быстро поняли ее главные интересы. Если немецких прогрессистов 50-х и начала 60-х годов XIX в. политическая идеология с ее либеральными лозунгами часто заставляла забывать о реальных интересах буржуазии, то у национал-либералов всегда на первом плане стояли коммерческие тенденции делового мира, и в угоду им они готовы были принести в жертву всякую идеологию. Это и сближало их с Бисмарком, который тоже не считался ни с какой идеологией и верил только в силу и реальные интересы. Это вообще должно было сделать из них опору реалистического царствования Вильгельма, что очень скоро и случилось.

Заручившись поддержкой прусской палаты, Бисмарк твердыми шагами идет к своей главной цели — германскому единству. Время для окончательного объединения всей Германии в одно государство еще не пришло. Для этого нужно было пройти еще через войну с Францией, ибо по основным условиям мирного договора, выработанным в Париже Наполеоном и прусским посланником Гольцем, южногерманские государства должны были составить отдельный союз. Франция, ко-

торая уже теперь, после блестящих побед прусского оружия, начинала утрачивать свою гегемонию в Западной Европе, отнюдь не хотела допускать дальнейшего возрастания прусского могущества. Сейчас же после австро-прусской войны начинать новую войну Бисмарк еще не чувствовал себя готовым, и потому он принялся пока за частичное объединение Германии.

Во исполнение прежних обещаний Бисмарка в феврале 1867 г. на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права был созван Учредительный рейхстаг Северо-Германского союза, который и принял с незначительными изменениями предложенную ему Бисмарком конституцию. Предлагая рейхстагу свою конституцию, Бисмарк не хотел отказываться от двух вещей. — от решительного преобладания Пруссии над другими государствами, входившими в состав союза, и от столь же решительного преобладания власти президента Северо-Германского союза, которым должен был стать, конечно, прусский король, над выбранным на основе всеобщей подачи голосов рейхстагом.

Первого достигнуть было нетрудно: в тогдашней Пруссии было 24 миллиона населения, а во всех остальных 21 государствах, входивших в состав Северо-Германского союза, было только 6 миллионов; но и эти 6 миллионов не имели оснований жалеть об утрате ими независимости. Войско, международные отношения, таможи, косвенные налоги, железные дороги, почтово-телеграфное ведомство и монетное дело, санитарная организация — все это признано было необходимым передать в руки союзных учреждений, и благодаря этому страна должна была получить и гораздо более сильную, чем преж-

де, охрану извне, и единые железнодорожные тарифы, и однообразные монеты и вес, и единое торговое законодательство, не говоря уже об установленном раньше таможенном единстве. Конечно, больше всего от этого выигрывали торгово-промышленные классы, и Бисмарк слишком верил в силу коммерческих интересов для того, чтобы не знать, каким прочным цементом в виде деловых расчетов он соединял создаваемое им германское единство.

Другой целью Бисмарка было установить преобладание авторитарной власти президента союза над собранием народных представителей. Поддержка общественного мнения была для Бисмарка всегда только средством для создания германского единства, и притом таким средством, на которое он шел скрепя сердце, которое противоречило его личным симпатиям феодала и от которого он надеялся с течением времени отделаться. Поэтому, вводя всеобщее избирательное право в создаваемом им Северо-Германском союзе, он считал возможным воспользоваться всеми средствами, которые, создавая для исполнительной власти видимость общественной поддержки, в то же время развязывали бы ей руки для самостоятельной и независимой деятельности. Главным из этих средств была обычная для Бисмарка политика разъединения различных общественных классов. Демократами Бисмарк хотел пользоваться против буржуазии, а обоими этими классами — против реакционеров и консерваторов. В то, что народная масса сама по себе может приобрести большое влияние в политике благодаря всеобщему избирательному праву, он решительно не ве-

рил; для него был в глубокой степени убедителен пример Наполеона, умевшего очень искусно пользоваться демократическими лозунгами в целях авторитарной политики. В письме к графу Бернstorфу (прусскому послу в Лондоне) он писал: «В стране с монархическими традициями и лояльными чувствами всеобщее избирательное право, устраняя влияние либеральных буржуазных классов, будет приводить и к выборам в монархическом духе... В Пруссии $\frac{9}{10}$ народа верны королю и лишь благодаря искусственному механизму выборов лишены возможности проявить свое мнение». На всякий случай он, однако, настоял на безвозмездности депутатского звания, что должно было оттолкнуть от него людей неимущих, и пытался даже ввести и открытое голосование, в чем, однако, встретил настолько сильный отпор со стороны Учредительного рейхстага, что предпочел уступить. Как бы то ни было, всеобщим избирательным правом он надеялся воспользоваться против буржуазии, если последняя попытается вести самостоятельную политику, как это было в эпоху конфликта. Что же касается консерваторов, союз с которыми для Бисмарка в эпоху его объединительных стремлений был решительно неудобен, то он не сомневался, что при всеобщем избирательном праве они не смогут приобрести преобладающего значения в рейхстаге. Обезопасив себя, таким образом, всеобщим избирательным правом от возможной оппозиции со стороны самого влиятельного, как он думал, общественного класса, Бисмарк боялся давать, однако, и рейхстагу в целом слишком много прав. Исполнительная власть была освобождена от

ответственности перед рейхстагом; законы, вотиرو-
ванные им, требовали еще утверждения со стороны
Союзного совета (собрания представителей от прави-
тельств отдельных немецких государств) и президента
Союза; за рейхстагом оставалось право законодатель-
ной инициативы, право запросов и право отклонения
бюджета и законов. С такими правами он, конечно, не
мог получить руководящего значения; главная роль в
Союзе отошла к исполнительной власти, единствен-
ным органом которой был союзный канцлер, и этим
канцлером, естественно, стал сам Бисмарк. Бисмарк
не хотел создавать должностей других союзных мини-
стров, кроме должности имперского канцлера, пото-
му что иначе ему пришлось бы считаться с мнениями
товарищей по министерству, чего он совсем не желал.

Фактически хозяином Северо-Германского союза стал
Бисмарк. Парализуя слишком самостоятельные действия
рейхстага властью Союзного Совета и президента, при-
бегая к авторитету народного представительства в тех
случаях, когда надо было убедить короля, пользуясь, кро-
ме того, огромным личным влиянием на Вильгельма I и
не имея дела ни с какими товарищами по власти, он вел
свою собственную политику, довершая создание герман-
ского единства. Но теперь эта политика находила уже
горячее одобрение в рейхстаге. Рейхстаг сам пошел на-
встречу ему. Преобладающее значение в нем получила
национал-либеральная партия, и Бисмарк вполне сошел-
ся с ней в высокой оценке технической культуры и эконо-
мической мощи. Только для Бисмарка развитие техни-
ческих средств и экономических сил нужно было лишь
как орудие для дальнейшего роста военных сил и для

подъема международного значения Германии, и он никогда не отказывался от мысли оттолкнуть от себя поддержку либеральной буржуазии, когда его конечная цель внешнего возвеличения Пруссии и Германии будет достигнута и когда ему представится во всех отношениях безопасная возможность вернуться в родное ему по духу лоно феодально-консервативных кругов.

Пока же Бисмарк торопился закрепить свой союз с национал-либералами и смело выкинул знамя полной экономической свободы. Были уничтожены повсюду цеховые организации, монополии и всякого рода ограничительные регламенты; пали также и ограничения относительно высоты процента. Денежное обращение было упрощено и установлен явочный порядок для образования акционерных обществ. Усердно изыскивались новые торговые пути (прорытие Сен-Готардского тоннеля) и оборудовывались новые гавани. Сохранившиеся еще речные пошлины по Эльбе и Рейну были уничтожены. Чтобы обеспечить вновь возникавшие фабрики нужным количеством рабочих, была установлена свобода передвижения и повсеместного жительства, причем был установлен крайне дешевый железнодорожный тариф для пассажиров четвертого класса; паспортная система уничтожалась. Все это делалось крайне быстро, с какой-то лихорадочной поспешностью, как будто бы рейхстаг и канцлер спешили поскорее наверстать прежде даром потраченное время. Результаты не заставили себя ждать, и уже в этот короткий промежуток существования Северо-Германского союза обнаружился значительный рост прусской текстильной, красивой, добывающей и орудийной промышленности.

Зато во всем том, что не касалось торгово-промышленного процветания Германии, ни Бисмарк, ни рейхстаг не торопились. Никаких серьезных внутренних реформ произведено не было: дворянство по-прежнему оставалось хозяином на местах, чиновничество по-прежнему во все вмешивалось и своей придирчивостью вызывало жалобы населения; тяжесть финансового обложения еще больше увеличилась, так как войны и великодержавная политика, на путь которой становился Северо-Германский союз, требовали больших расходов. К демократии, с которой Бисмарк заигрывал в эпоху конфликта, он теперь все определеннее поворачивался спиной, так как все более укреплялась прочность его союза с национал-либералами и он не имел уже нужды в поддержке демократических масс для борьбы с буржуазной оппозицией, которую он прежде считал возможной.

Заручившись поддержкой буржуазии, Бисмарк твердыми шагами пошел к своей главной цели — завершению германского единства.

Путь к окончательному объединению Германии лежал через войну с Францией — в этом Бисмарк был твердо убежден. Наполеон III считал раздробление прежней Германии на три части: Северо-Германский союз, южные государства и Австрию — делом своих рук и был совершенно нерасположен отказываться от этого блестящего, как он думал, дипломатического успеха своей политики. Разбитая на три осколка Германия была ему не страшна, но всякая попытка к воссоединению хотя бы двух ее частей должна была встретить в его лице отчаянного врага. Однако на пути к германскому един-

ству стояла не только одна Франция. Сами южногерманские государства отнюдь не были проникнуты общегерманским патриотизмом. Правда, они заключили с Пруссией наступательный и оборонительный союз, кроме того, для разрешения таможенных вопросов депутаты от южных государств допускались в Северо-Германский рейхстаг: получался, таким образом, общегерманский орган для разрешения вопросов таможенного законодательства — своего рода таможенный парламент, который, по мысли Бисмарка, должен был стать переходной ступенью к созданию общегерманского парламента вообще. Но скоро выяснилось, что сами южногерманские государства отнюдь не хотят сливаться с Пруссией. Партикуляристов юга пугала прусская власть, и они вовсе не хотели расставаться со своей независимостью; либералы не могли простить Бисмарку его безбюджетного управления Пруссией в эпоху конфликта; католическое население юга, особенно крестьяне, находившиеся под влиянием духовенства, склонны были видеть в протестантах севера еретиков; кроме того, на юге боялись усиления налогового бремени после включения в общегерманский союз, что действительно уже и случилось с северными государствами. Поэтому депутаты южных государств, входившие в состав рейхстага для обсуждения таможенных вопросов, оказались в большинстве довольно решительными противниками общегерманского единства: они совсем не хотели обращать таможенный парламент в общегерманский рейхстаг и заводили там разговоры на политические темы, чего упорно, но безуспешно добивался Бисмарк. Однако Бисмарк не принадлежал к тем лю-

дям, которые опускают руки от неудач. На выручку к нему и здесь должна была прийти война с Францией. Он знал, каким крепким цементом может быть война, если ее вести под национальным флагом, — а какая война могла быть для германских государств национальнее войны с Францией, вековым врагом Германии? Если Бисмарк чувствовал себя неподготовленным к ней в 1866 г., то четыре года спустя, когда закончилась реорганизация германской армии, а Франция по-прежнему была плохо подготовлена к войне, обстоятельства изменились к лучшему. Как предусмотрительный политик, Бисмарк позаботился не только о войне, но и о дипломатической подготовке войны, и сделал это с редким искусством: Россию, которая с благодарностью еще вспоминала нейтралитет Пруссии во время крымской кампании, он подкупил возможностью восстановить ее черноморский флот, и Александр II не только обещал свое полное невмешательство в предстоящую прусско-французскую войну, но даже согласился пригрозить Австрии захватом Галиции, если бы та, помня недавнюю обиду и крушение своих великогерманских планов, вздумала воспользоваться случаем и объявила бы Пруссии войну. Кроме того, он обезопасил себя со стороны Италии, признав право Виктора Эммануила на Папскую область: сочувствие свержению папы во имя довершения итальянского единства делало Бисмарка чуть ли не революционером, но он уже не в первый раз приносил идеи легитимизма и реакционную идеологию в жертву соображениям практической выгоды. Виктор Эммануил должен был перейти на его сторону, потому что не кто иной, как Наполеон III до сих пор мешал его планам захвата Рима.

Бисмарку нужно было найти только повод для войны. Как известно, он представился в виде вопроса из-за кандидатуры принца Леопольда Гогенцоллерна на испанский престол, против которой решительно выступил Наполеон III. Вильгельм не хотел идти на войну и держался в общем примирительно в этом вопросе, но и Бисмарк, и Наполеон старались всячески раздуть этот вопрос и, в конце концов, усилиями обоих незначительный в общем дипломатический вопрос был раздут в *casus belli*. Война началась, и здесь Бисмарк в полной мере обнаружил свое несравненное умение воздействовать на общественное мнение. Позиция Германии была им представлена как строго оборонительная; Германия, по уверениям официальной прессы, только защищала свое достоинство и ту долю единства, которая была осуществлена в виде Северо-Германского союза. В последней своей части аргумент Бисмарка был в высокой степени убедителен. В Северной Германии все понимали, что если победит Франция, то с таким трудом добытое двумя войнами частичное объединение Германии разлетится как дым и Германия будет обречена на свое прежнее раздробленное прозябание. Теперь уже не одна буржуазия, но и все остальные классы северонемецкого общества, от пролетариата до юнкерства, готовы были стать под национальный стяг для борьбы с врагом, готовящимся повернуть назад колесо германской истории. Но не только Северо-Германский союз, а, к полной неожиданности для Наполеона, и южные государства прониклись теперь чувством самого горячего общенемецкого патриотизма. Во всех южнонемецких государствах война была вотирована или единогласно,

или огромным большинством голосов. Ввиду войны с Францией для них теперь вместо опасности прусской гегемонии выростала гораздо более существенная опасность французского владычества. Бисмарк обнаружил очень большое умение играть на национальных струнах немецкого народа и стал теперь настоящим национальным вдохновителем немцев.

Война, которая прошла под национальным флагом защиты от иноземных посяганий, закончилась быстрее, чем предполагали Бисмарк и его соратники. Ход и исход ее слишком известны, чтобы на ней стоило останавливаться. Для нас важно здесь определить, остался ли Бисмарк в последний момент германского объединения верен тому пути, которым он шел раньше. Мы видели уже, что «железо и кровь» играли далеко не исключительную роль во всей его предшествовавшей политике и что он всегда искал поддержки общественного мнения, признавая, однако, действительную общественную силу лишь в лице буржуазии, причем в те моменты, когда этой поддержки у него не было, он чувствовал себя очень беспокойно. Но в 1870—1871 гг. положение Бисмарка было иное, чем в 1866 г. Тогда объединение Германии еще не было завершено; теперь Бисмарк закладывал (как он, по крайней мере, думал) последний камень германского единства. Тогда позади него стояли годы открытой борьбы с народным представительством, теперь в ближайшем прошлом была блестящая внешняя политика и все увеличивавшаяся популярность, приводившая канцлера к репутации национального героя. Тогда частичное объединение совершалось после войны с правительствами тех самых государств, кото-

рые вошли в состав Северо-Германского союза; теперь еще до окончательного разгрома Франции, а именно в декабре 1870 г. (напомним, что Париж капитулировал 24 января 1871 г.) сами правительства южнонемецких государств по инициативе баварского короля Людвига II выразили согласие дать Вильгельму I титул германского императора (но не «императора Германии», ибо это выражало бы притязание на господство над всей территорией Германии). Все это вместе взятое с одной стороны, создавало для Бисмарка более прочную позицию, сообщало ему большую уверенность в своих силах, но, с другой стороны, побуждало и к большей мягкости по отношению к тем правительствам, которые добровольно соглашались стать под гегемонию прусского короля. Бисмарк поэтому в значительной степени ограничил строгость подчинения южногерманских государств общеимперским интересам; но уступки, которые он сделал в их пользу, были чисто династическими; это был поклон в сторону южнонемецких государей, а не в сторону южнонемецких народов. В то время, как северогерманские государства отдавали в пользу Союза не только таможенные доходы, но и доходы с предметов потребления, с почты и телеграфа, южнонемецкие земли сохранили косвенные налоги с некоторых предметов очень широкого распространения (пиво и спирт) в свою пользу (Бавария, Вюртемберг, Баден), удержали в своих руках почту и телеграф, конечно, с доходами от них (Бавария, Вюртемберг) и далее свободу от подчинения некоторым общеимперским законам (Бавария). Это увеличивало казенные доходы южных государств, но мешало единству налоговой системы, вносило некоторую

путаницу в почтово-телеграфные сношения, а главное, значительно ослабляло имперские доходы. Буржуазия, с которой Бисмарк до сих пор особенно считался, хоть и ссорился с ней, менее всего могла быть ему за это признательна; здесь-то и сказалась та уверенность в себе, то сознание прочности своего положения, которыми Бисмарк был тогда всецело проникнут и которые позволили ему в угоду династическим интересам южных государей пренебречь интересами национальными.

Но пока это было еще сравнительно незначительное отклонение в сторону от национальных интересов. Зато во всем остальном конституция новой германской империи явилась почти повторением конституции Северо-Германского союза, с заменой лишь титула для прусского короля. По-прежнему исполнительная власть в лице имперского канцлера сохраняла перевес над властью законодательной. По-прежнему Пруссия имела решительное преобладание в общеимперских вопросах над всеми остальными немецкими государствами. Фактически получалось такое положение, при котором не Германия поглощала в себе Пруссию, а Пруссия растворяла в себе Германию.

Вильгельм I в день провозглашения германской империи, 18 января 1871 г., писал своей жене: «Не сумею тебе описать, в каком настроении я провел эти последние дни, — отчасти ввиду тяжелой ответственности, которую мне приходится на себя взять, а отчасти и прежде всего ввиду того горя, которое я испытываю при мысли о том, что мой титул прусского короля отодвигается на задний план». Но это была совершенно напрасная боязнь; титул прусского короля передал короне гер-

манского императора все свои главные оттенки, и прусский характер управления с его преклонением перед материальными богатствами культуры, армией и финансами, с его чиновничьей безответственностью охватил постепенно и германскую империю. Только общественная опора власти теперь обнаружила тенденцию к перемещению — правда, с частыми колебаниями и уклонениями на старые пути — из феодально-дворянских кругов на круги торгово-промышленные, причем эти круги по мере того, как укреплялось их положение, все более теряли свои старые либеральные лозунги и проникались консервативно-авторитарными и милитаристскими настроениями (в этом последнем отношении, как мы видели, немецкая буржуазия сдала свои позиции уже в 1866 г.).

Союз Бисмарка с буржуазией был особенно ярок после 1870 г. В первые годы империи — политика германского правительства является прямым продолжением политики Северо-Германского союза. Только покровительство буржуазии принимает гораздо более ярко выраженный характер. Из пятимиллиардной контрибуции, которую Германия получила от Франции, значительная доля пошла на субсидии промышленникам и новым акционерным обществам. Правительственная помощь совпала с расцветом буржуазии, и в Германии как грибы стали расти разного рода капиталистические предприятия. Это было повторением промышленной горячки 50-х и 60-х годов, только в гораздо более грандиозных размерах. Обществом овладела страсть к легкой наживе, своего рода спекуляционная лихорадка, и Бисмарк не находил нужным мешать этому. А пока, опираясь на

свой союз с национал-либералами, он завязывал все более прочные узы немецкого единства. То, что в конституции Северо-Германского союза было провозглашено только в качестве принципов — и имело пока только частичное осуществление, теперь стало облекаться в форму отдельных законодательных актов и получило немедленное практическое применение. В 1873 г. во всей Германии была установлена единая монета и введено золотое обращение. Крупные государства Германии отказались от права иметь своих дипломатических представителей за границей (1871 — 1872 гг.). В 1871 г. было введено общее почтовое право. В 1875 г. был создан общий Имперский банк. Затем объединению подверглось и судопроизводство, а в конце 70-х годов XIX в. появились суды, действовавшие на основе общеимперских законов. Параллельно с этим шла политика сплочения и объединения армии: в 1872 г. во всей Германии был введен общий военно-уголовный кодекс; в 1874 г. прусский закон о воинской повинности был распространен на всю Германию. Конечно, Бисмарк не забывал и об усилении армии и периодически требовал от рейхстага и новых континентов, и новых ассигнований на военные нужды.

Зато во всем том, что не касалось объединения, коммерческого расцвета и внешнего усиления Германии, Бисмарк не проявлял ни энергии, ни торопливости. К 70-м годам XIX в. относятся всего две реформы Бисмарка, носившие характер борьбы против феодально-консервативных пережитков. Во-первых, это была административная реформа округов (1872 г.), дополненная указами 1875 г. и 1876 г. об административных су-

дах и о надзоре за органами местного самоуправления. Реформа 1872 г. касалась только пяти восточных прусских провинций, где по-прежнему помещикам принадлежала административная, юридическая и полицейская власть над крестьянским населением (на западе этого уже давно не было). Теперь патримониальную власть помещиков должны были заменить назначенные королем чиновники и избранные представители местного населения; именно на низшей ступени — участке (Amtsbezirk) во главе стоял назначенный правительством участковый начальник (Amtsvorsteher), которому помогали избранные от общин старшины (шульцы). Следующей ступенью были уезды (Kreis'ы) под управлением назначенного ландрата, стоящего во главе уездного комитета из шести членов, выбранных окружными собраниями (Kreistag'и); еще выше стояли провинции, управляемые провинциальным директором (Landsdirektor) и провинциальным комитетом, избираемым провинциальным собранием, которое в свою очередь составлялось из делегатов от окружных собраний и муниципальных городских советов. Влияние местного дворянства на провинциальную администрацию этим законом не было вполне уничтожено. В окружных собраниях (Kreistag'ах), которые выбирались на основе прусского трехклассового закона, землевладельцы играли еще очень значительную роль, а между тем эти крейстаги были основным элементом провинциального управления. Тем не менее, реформа 1872 г. значительно урезала права дворянства на местах и потому вызвала со стороны юнкеров самую яростную оппозицию. Особенно сильное сопротивление было оказано

прусской палатой господ; королю, чтобы сломить это сопротивление, пришлось прибегнуть к экстраординарной мере: назначению новых 25 членов верхней палаты. Это было сделано Вильгельмом, конечно, по настоянию Бисмарка, и партия «Крестовой газеты» теперь зачислила канцлера в ряды ревностных противников юнкерских идеалов, — несмотря на то, что и после 1872 г., как показал опыт, поместное дворянство еще продолжало господствовать в области местного управления.

Второй либеральной реформой Бисмарка в 70-х годах XIX в. был его закон о печати. Бисмарк не был сторонником свободы печати, но национал-либералы в союзе с прогрессистами вынуждали его скорее реформировать устаревшее положение о печати, и так как и центр был на стороне реформы, то Бисмарк, после некоторых отсрочек, представил в палату 1874 г. проект закона, устанавливающего судебную ответственность по литературным делам и явочный порядок для периодических изданий.

Зато по самым существенным вопросам внутренней политики Бисмарк не хотел делать никаких либеральных уступок. В числе программных требований национал-либералов стояло требование ответственности министров и вознаграждения депутатов, но Бисмарк здесь твердо стоял на своем и ни за что не хотел признать, что он и его помощники могут отвечать за свои действия перед кем-либо, кроме короля; и национал-либералы не особенно настаивали на принципе парламентского управления, так как политика Бисмарка их теперь вполне удовлетворяла. Особенно полным было в это время

согласие Бисмарка с торгово-промышленными кругами по вопросам экономической политики. Правой рукой Бисмарка во всех экономических вопросах был тогда известный манчестерец Дельбрюк. Бисмарк был в это время вполне согласен с ним, что главным залогом благосостояния нации является предоставление полной свободы капиталистическому хозяйству. Конечно, в этот период совершенно прекратились прежние заигрывания Бисмарка с рабочими и их вождями. В официозе правительства, «Provincial-Correspondenz», теперь помещаются открытые нападки и на лассалианцев, и на социал-демократов, причем обе партии упрекают в том, что они «забрасывают рабочее население обещаниями государственной помощи, которая вообще не может осуществиться, и попытки осуществления которой с самого начала терпят крах». От всякой связи с государственным социализмом Бисмарк теперь решительно отрекается. В одной записке 1872 г., которая была составлена Дельбрюком, но под которой подписался Бисмарк, стоят такие слова: «Конечно, ослепленные рабочие и их вожаки предъявляют далеко идущие требования о заботе и помощи со стороны государства. Они взывают к вмешательству власти, чтобы провести их требования о сокращении рабочего дня и увеличении заработной платы; они хотят обеспечить себе... участие в прибылях того предприятия, где они заняты; наконец, они требуют, чтобы государство давало свои средства или открывало свой кредит для основания предприятий, прибыль с которых шла бы рабочим. Такие требования государство должно принципиально отклонить, как выходящие за границы его пол-

номочий и задач. Каждому сведущему и образованному человеку известна истина, что государство может только стеснять частную промышленную деятельность и глубоко расстроить все хозяйственные отношения, если пожелает со своими средствами и кредитом вмешиваться в промышленную область или выступать с регулированием цен и заработных плат». Правда, эта категоричность настроения скоро покидает Бисмарка, и он уже в восьмилетний период своего либерального канцлерства колеблется, не следует ли государственным властям ввиду успехов социалистического движения принять некоторые активные экономические меры — отчасти в виде удовлетворения некоторых требований рабочих, отчасти в виде полицейских репрессий против социалистов, но пока эти колебания еще оставались в стадии официальных и официозных записок, писем и проектов, не приводя ни к каким положительным мерам и не нарушая союза Бисмарка с либеральной буржуазией.

К восьмилетнему периоду либерального канцлерства Бисмарка относится и наделавшая много шума его борьба с католиками, которую Вирхов назвал «борьбой за культуру» (*Kulturkampf*). В нашу задачу не входит изложение внешнего хода этой борьбы, слишком известной и еще живущей в памяти многих из наших современников. Мы лишь хотим отметить, с какими из старых элементов гогенцоллерновской политики она находилась в согласии и какими новыми фактами германской истории она была вызвана. Равнодушие к вопросам вероисповедания было одной из характерных черт прусской политики, но мир с католиками и до Бисмарка не раз нарушался в течение прусской истории. Еще в 20-х годах XIX в.

католическое духовенство рейнских провинций отказалось подчиниться обычаю, получившему право гражданства в остальной Пруссии, по которому при смешанных браках сыновья должны следовать религии отца, а дочери — религии матери. В 30-х годах также были случаи столкновения между светской и духовной властью. Во всех этих случаях наступающей стороной было католическое духовенство, а прусское правительство занимало позицию активной обороны. При Бисмарке в наступление перешли одновременно обе стороны. Бисмарк, как и большинство предшествовавших ему прусских политиков, был весьма равнодушен к религии, но он был проникнут безграничным преклонением перед властью и потому не мог допустить никаких помех на пути победного шествия государственной колесницы. Культ государства был одной из старых гогенцоллерновских традиций; к возвеличению государства, его внешней мощи и внутренней прочности были, в сущности, направлены все усилия наиболее энергичных прусских монархов и их министров. Но как раз по отношению к католической церкви прусское и другие германские правительства делали очень крупные уступки. В католицизме даже прусское, протестантское правительство видело один из устоев порядка и прощало ему то, что не простило бы другим общественным элементам — слишком большую самостоятельность и даже некоторую заносчивость в поведении. Почти во всех случаях столкновений между государством и церковью уступало государство. В 50-х и 60-х годах католики получили очень важные права и преимущества в Германии; народное образование находилось в значительной

степени в руках католического духовенства даже и в протестантских государствах. Бисмарк нашел нужным положить всему этому конец.

Католицизм был для него опасной силой по двум причинам. Во-первых, с возрождением единой Германии должен был снова возродиться старый антогонизм между папством и империей. Конечно, церковно-политическая ситуация в XIX в. была очень непохожа на отношения между папской и императорской властью в XI—XIII веках; но теперь папство, лишенное светской власти, приобрело новый авторитет в народном сознании, облекшись в терновый венец отречения от мирских благ; мистические настроения, которые доминировали в первой половине XIX в., подняли его авторитет среди средних слоев общества и немецкой интеллигенции; оно только что провозгласило (1870 г.) принцип непогрешимости римского первосвященника и совсем не думало отказываться от влияния на светские дела и от господства над светской властью.

Бисмарк угадывал чутьем, что и лишенный светской власти католицизм займет агрессивную позицию по отношению к империи. «Католическое духовенство, — писал он позднее в своих «Воспоминаниях», — если оно хочет в полной мере выполнить свое теоретическое признание, должно поверх церковной сферы представлять притязание на участие в светских функциях государства, должно стремиться стать под церковными формами политическим институтом и переносить на своих сотрудников свое собственное убеждение, что свобода церкви заключается в ее господстве, что всюду, где она господствует, она вправе жаловаться на диок-

летиановское гонение». Возродившаяся империя должна была прежде всего подвергнуться нападению папской власти, потому что во главе ее стояло протестантское государство с ясно выраженным светским направлением политики, и это — светское направление, несмотря на все уступки, которые до сих пор делались католикам, должно было дать себя знать с особенной силой теперь, когда новой империи приходилось вступить на широкий путь промышленного развития и империалистического господства.

Во-вторых, католики для Бисмарка были силой, опасной для германского единства. С присоединением южных государств их оказалось более трети всего населения Германии: они группировались компактными массами на юге и в Польше, и Бисмарк не без основания боялся, что католицизм может стать одним из элементов партикуляризма и даже сепаратизма. Последнее относилось к польским провинциям Пруссии, которая в силу приемов прусской политики смотрела на свое слияние с Пруссией, как на тяжкое иноземное иго. И Бисмарк, принимаясь за *Kulturkampf*, прежде всего имел ввиду борьбу против сепаратистских стремлений поляков: в «Воспоминаниях» он прямо говорит, что «польщизна» (*Polenthum*) была для него лейтмотивом культуркампа. Боялся он также и партикуляризма южан и с опасением смотрел на ту часть программы католической партии, которая особенно настаивала на сохранении федеративного строя империи.

Но католики все-таки начали борьбу первыми. В рейхстаге они образовали довольно сильную партию центра (63 депутата) во главе с Виндгорстом и потребовали от

правительства, чтобы оно выступило на защиту светской власти папы; когда им было отказано в этом, католические епископы обрушились с репрессиями на тех из священников и профессоров богословия, которые не соглашались с принципом папской непогрешимости; в польских провинциях католическое духовенство проявляло усиленную деятельность в порученных ему надзору школах. Бисмарк поднял брошенную ему перчатку. Против агрессивных действий католиков посыпались репрессивные законы. Рейхстаг принял закон о наказаниях тюремным заключением церковных проповедников за речи, способные нарушить общественное спокойствие (1871 г.); вслед за тем в прусском ландрате министром культов Фалькомом был проведен закон, устанавливавший надзор правительства за преподаванием в школах (1872 г.). В том же году рейхстаг запретил доступ на германскую территорию ордену иезуитов и родственных ему орденов и конгрегации. В следующем году были приняты знаменитые майские законы, устанавливающие обязательный образовательный стаж в *германских* учебных заведениях для кандидатов на церковные должности, ограничивавшие карательные права духовной власти над паствой и духовными служителями и облегчавшие выход из любого вероисповедания. Вслед за тем (1874 г.) в Пруссии был установлен гражданский брак, закон о котором в 1875 г. был распространен на всю империю, и проведен целый ряд других законов, ограничивавших имущественные и юридические права духовенства.

Борьба разгоралась. Епископы и священники не хотели признавать майских и им подобных законов, папа поддерживал их в этом. На непокорных налагались

штрафы и судебные приговоры, каравшие тюремным заключением. Пришлось прибегнуть к полицейским мерам воздействия, а именно к ссылке и высылке непокорных. Католики и не думали сдаваться. Партия центра в рейхстаге усилилась с 63 до 91 депутата. Консерваторы, для которых политика Бисмарка была нарушением добрых старых нравов и поруганием церкви, смотрели теперь на своего бывшего союзника, как на явного врага; прогрессисты, которые вначале поддерживали Бисмарка, видя в нем борца против церковного мракобесия, скоро, когда канцлер вступил на путь чисто полицейской борьбы с католиками, отвернулись от него; для них все более выяснялось, что борьба Бисмарка против католиков была борьбой за престиж государственной власти, а не за религиозную свободу: даже и национал-либералы, которые вполне искренне сочувствовали Бисмарку во все время культуркампфа, по мере того, как выяснялось, что Бисмарк не может продолжать борьбы без их поддержки, стали вспоминать о забытых лозунгах своей программы, и их вождь Беннигсен условием своего вступления в прусский кабинет поставил, помимо продолжения фритредерской политики, и осуществление требований парламентаризма.

Для Бисмарка это было уже слишком. Союз с либералами продиктован был для него исторической необходимостью, но давно уже смущал эту юнкерскую душу. Его искренне огорчало все большее отдаление от деревенских друзей из круга восточно-прусских помещиков. И теперь (с начала 1878 г.) Бисмарк стал думать о том, нельзя ли снова вернуться в родное лоно консерватизма. Для этого нужно было совершить совершенно неожиданный

скачок: нужно было признать друзьями своих недавних врагов и друзей — врагами. Бисмарка это не смущало; он был слишком смел и слишком уверен в себе, чтобы останавливаться перед решительными поворотами в политике, если находил их своевременными. А с 1878 г. не только обстоятельства стали благоприятно складываться для нового поворота в политике, но для него являлась как бы новая государственная необходимость в виде запросов со стороны финансового ведомства.

Национал-либералы продолжали держаться за фритредерство, но теперь выяснилось, что при господствовавшей в Германии финансовой системе фритредерство не удовлетворяет требованиям государственного казначейства. Финансовые средства Германии складывались из матрикулярных взносов от отдельных германских государств и из таможенных налогов и налогов на предметы потребления. Но существование первых ставило общегерманское правительство в унижительную зависимость от отдельных государств и даже давало ход патрикуляристическим настроениям; а вторые были слишком недостаточны ввиду все усиливавшихся расходов на армию и флот. До конца 70-х годов недостаток в финансовых средствах покрывался из пятимиллиардной французской контрибуции; теперь этот источник начал иссякать. И вот Бисмарк задумал подвести прочный базис под имперские финансы. План, который возник в это время в его голове, был очень прост: нужно было поднять косвенные налоги, главным образом, таможенные, и из таможенных поступлений создать постоянный и прочный источник имперских доходов, освобождающий германское правительство от унижитель-

ной необходимости «стучаться в двери отдельных государств». И здесь, таким образом, соображения о финансовой мощи Германии доминировали в голове Бисмарка, и его план изменения экономической политики носил по преимуществу фискальный характер. Но Бисмарк не принадлежал к числу людей, которые бросаются в новую политику очертя голову, не будучи уверены, что на новом пути найдут для себя достаточную поддержку во влиятельных общественных кругах. Такую поддержку он должен был теперь найти и среди части немецких промышленников, изменивших прежним либерально-экономическим лозунгам, и среди землевладельческих кругов, также переходивших теперь на сторону протекционизма. Как прекрасный сельский хозяин и недюжинный экономист, Бисмарк не мог не заметить, что состояние промышленности и сельского хозяйства было теперь совсем не то, что 10—15 лет тому назад. В области промышленности эпоха грюндерства, начавшаяся после 1870 г., завершилась целым рядом грандиозных кризисов, и многие фабриканты стали разоряться вследствие перепроизводства. Поэтому-то целый ряд немецких промышленников теперь ничего не имел против перехода к протекционистским тарифам, сокращавшим ввоз в Германию иностранных товаров, конкурирующих с германскими. Сокращением иностранного ввоза они надеялись поднять спрос на местные произведения. Нужно оговориться, конечно, что далеко не вся промышленная буржуазия перешла в лагерь протекционистов; существовал целый ряд производств, не затронутых кризисом, и представители этих производств не имели никаких оснований изменять своим либераль-

ным лозунгам в области экономической политики. Но как бы то ни было, среди буржуазии, до сих пор единодушной в своих экономических взглядах, начинался раскол, и Бисмарк не преминул им воспользоваться в целях своей фискальной политики. Еще более решительный и крутой перелом произошел теперь среди сельских хозяев. Пока восточно-пруссские юнкера сами вывозили свой хлеб из Германии, фритредерство было для них выгодно; но вскоре после объединения Германии в ее аграрной истории произошел полный переворот; удешевление провоза вызвало наплыв иноземного хлеба из стран с лучшей почвой и более дешевым трудом, чем в Германии. Привозной из Аргентины, Соединенных Штатов Америки и России хлеб стоил дешевле, чем германский, и немецкие землевладельцы стали жаловаться на плохой сбыт своего товара. Высокие пошлины на привозной хлеб должны были прийти им на выручку, и естественно, что юнкера встретили поворот в экономических взглядах Бисмарка с нескрываемым восторгом. Высказываясь за высокие таможенные ставки на привозной хлеб, Бисмарк убивал этим одновременно двух зайцев: повышал доходы казны и привлекал на свою сторону консервативные землевладельческие круги. Наоборот, с национал-либералами он должен был порвать. Национал-либералы голосовали против предложенных Бисмарком пошлин на железо и хлеб, но, несмотря на это, в мае и июне 1879 г. эти налоги были приняты рейхстагом. Бисмарк стремился, кроме того, еще ввести табачную и винную монополии и выкупить в казну все железные дороги. Но табачная и винная монополии были отвергнуты рейхстагом, и ему удалось

провести только налоги на табак, кофе и керосин; также и выкуп в казну железных дорог получил только частичное осуществление, и за все время канцлерства Бисмарка ему удалось «огосударствить» всего 30 тысяч километров железных дорог. Зато пошлины на хлеб Бисмарк неуклонно увеличивал и довел их уже к 1887 г. до 5 марок с двойного центнера (вместо 1 марки в 1799 г.). В 80-х же годах им были введены пошлины на виноградную лозу, на солод, на продукты помола и стручковые плоды. Сельские хозяева могли быть теперь вполне довольны.

Принятием покровительственных пошлин на хлеб Бисмарк прокладывал один из мостков в лагерь консерваторов. Вслед за тем не замедлили протянуться и другие мостки. Разорвав с экономическим либерализмом, Бисмарк не побоялся разорвать с либерализмом и в политике. Для этого разрыва, даже и помимо его общей склонности к консерватизму, у него было достаточно причин. Во-первых, все более выяснялась мощь католической церкви; епископы и священники оказывали отчаянное сопротивление майским законам и шли в тюрьмы, не поступаясь ни на йоту своими старыми правами и привилегиями. Десятки епископских кафедр оставались незамещенными, тысячи приходов оказались без священников. Большинство рейхстага и прусской палаты депутатов теперь уже не сочувствовали культуркампу. Под влиянием всего этого Бисмарк не прочь был пойти на мировую с католиками. Он отдал приказ судам, администрации и полиции прекратить преследования католического духовенства. Ненавистный католикам министр культов Фальк получил отставку и был заменен консер-

ватором до мозга костей Путкаммером. Вслед за тем были отменены особенно ненавистные для католиков законы, и духовные лица постепенно стали возвращаться на свои места. Ликвидация культуркампфа продолжалась в течение целого ряда лет, вплоть до 1887 г. В этом году сам папа Лев XIII признал, что тяжелой и ожесточенной борьбе между церковью и государством положен конец. Бисмарк уступил не по всем пунктам; уцелел государственный надзор за школами, гражданский брак, закон о запрещении доступа иезуитов в империю и некоторые другие, сравнительно второстепенные ограничения церковных прав. Бисмарк продолжал настаивать, что самые существенные права остались отнятыми у церкви, но для всех было ясно, что канцлер во многих отношениях капитулировал перед папой. Государственный экзамен для кандидатов на духовные должности был отменен, церковный суд упразднен, многие монашеские ордены снова расширили свою деятельность, иностранцы получили право занимать духовные должности в Германии и т. п. Хотя клерикалы и заявляли, что они далеко не удовлетворены сделанными правительством уступками, однако в рейхстаге католический центр (получив на выборах 1881 г. 110 голосов) стал теперь опорой правительства, и его лидер Виндгорст стал пользоваться необычайным влиянием в парламенте и правительственных кругах.

Ликвидацией культуркампфа Бисмарк оттолкнул от себя либералов и сблизился с консерваторами. Вторым его шагом по этому же пути явилась борьба с социалистами. К концу 70-х годов социализм в Германии вырос в довольно внушительную силу, и Бисмарк был этим не

на шутку напуган. Пока социал-демократы были не опасны, Бисмарк вел с ними игру и даже пользовался ими для борьбы против тех, в ком видел в то время действительную опасность. Но уже в 70-х годах он своим чутьем практического политика понял, какую угрозу любезным его сердцу началам таит в себе социализм и стал подвергаться преследованиям социалистов, не делая различий ни лассальянцев, ни марксистов. Пока он дружил с либералами и был во вражде с консерваторами, у него не было возможности вести особенно энергичную борьбу против социалистов. Разрыв с национал-либералами в 1878 г. развязал ему руки, и теперь он мог дать волю своим настроениям прусского юнкера. Два покушения на жизнь императора значительно облегчили Бисмарку его дело. Бисмарк постарался использовать эти покушения для того, чтобы запугать общество призраком социалистической опасности, и со свойственным ему искусством достиг цели. На выборах 1878 г. число голосов, поданных за прогрессистов, национал-либералов и социал-демократов, значительно сократилось и эти голоса были отданы теперь правым. В новом рейхстаге правые обладали внушительным количеством голосов (115) и вместе с центром (94 голоса) представляли уже очень значительную силу. Бисмарк немедленно учел это обстоятельство и внес в рейхстаг драконовский законопроект против социалистов. Национал-либералы, которые также были напуганы покушениями на императора, голосовали за законопроект, и он был принят 19 октября 1878 г. По этому закону союзы и собрания, «преследующие социал-демократические и коммунистические цели», подлежали запрещению; пра-

вительству предоставлялось право объявлять в местностях, в которых «общественная безопасность особенно подвергается угрозе», малое осадное положение; социалистические газеты и типографии закрывались. Теперь на социалистов посыпались тяжелые кары. В Берлине, позднее в Гамбурге и Лейпциге было введено малое осадное положение. Вожди социал-демократической партии подверглись высылке или тюремному заключению, почти все социалистические газеты были закрыты; тысячами уничтожались издания с социалистическим оттенком, сотнями закрывались союзы и собрания. Открытая деятельность социалистической партии после этого прекратилась, социал-демократические газеты стали издаваться за границей. Но социал-демократическое движение не было задавлено, и число голосов, подаваемых на выборах в рейхстаге за социал-демократов, продолжало расти (за исключением выборов 1881 г.).

Бисмарк и не надеялся задавить социалистическое движение в Германии одними только полицейскими мерами. Он не был похож на шаблонных бюрократов и понимал, что немецкий социализм имеет слишком глубокие корни, чтобы задавить его одними репрессиями. На выручку пришла школа катедер-социалистов, которые в противоположность манчестерцам доказывали, что государство в своих собственных интересах должно вмешаться в борьбу между трудом и капиталом в защиту первого и законодательным путем гарантировать интересы рабочих. Во главе этой школы стояли крупнейшие политико-экономисты Германии (Шмоллер, Вагнер, Шефле, Brentano, Гельд и др.), и Бисмарк

оказался их понятливым учеником. В объяснительной записке, которая была приложена к законопроекту страхования от несчастных случаев (1881 г.), говорилось, что цель разумной политики должна заключаться в том, чтобы «внушить неимущим классам... тот взгляд, что государство — учреждение не только необходимое, но и творящее добро» и что положительная задача государства заключается в «укреплении благосостояния всех его членов, и особенно слабых и нуждающихся в помощи». В тронной речи, которую Бисмарк сочинил для Вильгельма в том же 1881 г., было также определенно заявлено, что «исцеления общественных зол следует домогаться не одним подавлением крайностей социал-демократии, но также и путем положительного содействия благосостоянию рабочих». Такие заявления обязывали к очень многому. Но когда дело дошло до практического осуществления заявленных принципов, то обычная энергия покинула Бисмарка и он не пошел дальше нескольких робких и незначительных начинаний. Причина этого заключалась в том, что Бисмарк вступил на путь социальной политики не добровольно, а под давлением обстоятельств, из боязни роста социал-демократического движения. Он больше всего думал о том, как бы ограничиться минимальными уступками, которые вызвали бы у рабочих благодарность по отношению к государству, не избавляя их в то же время от условий приниженого существования, не внушая им преувеличенных понятий об их силе и достоинстве и не поднимая их правового самосознания. Настоящая демократия никогда не могла вызвать в душе Бисмарка искренних симпатий, и если он протягивал им теперь одну руку помо-

щи, то рабочие не могли забыть, что в другой его руке лежал камень в виде исключительных мер против социал-демократов. При таких условиях его политика защиты труда не могла ни вызвать доверия в среде рабочих, ни принести значительных результатов в смысле улучшения их экономического благосостояния. У него и мысли не являлось гарантировать пролетариату отсутствие безработицы, несмотря на то, что в годы кризисов безработица являлась одним из самых тяжелых зол для пролетариата; он упорно не хотел согласиться на обязательное установление праздничного отдыха для рабочих. «Запрещение работы по воскресеньям, — заявлял он, — и в субботу после обеда... на практике натолкнется на столь многие препятствия и повлечет за собою столь существенное вмешательство в свободу каждого отдельного лица, что может а priori считаться невыполнимым». Он противился также установлению десятичасового рабочего дня и запрещению ночных работ для женщин и детей; он не был согласен также и с необходимостью обязательного посещения школы детьми и подростками, занятыми в производстве. Даже и институт обязательной фабричной инспекции вызывал его неодобрение. «Я считаю заблуждением думать, — писал он, — что затруднения между работодателями и рабочими можно разрешить созданием нового класса чиновников, который носит в себе все зародыши бюрократических злоупотреблений». Он, конечно, всеми силами противился превращению рабочего вопроса из вопроса о желудке (Magenfrage) в вопрос о культуре (Kulturfrage). Меры, которые могли бы поднять культурный уровень рабочих, он считал выходящими за пре-

дела рабочего вопроса. «Борьба работодателей и рабочих, — писал он, — вращается, главным образом, вокруг высоты участия каждой стороны в доходе и размере труда, которого можно требовать от рабочего...»

Еще до того, как Бисмарк вступил в новую эру своего социально-политического мировоззрения, в 1877 г. социал-демократы представили в рейхстаг довольно широкий законопроект об улучшении участи рабочих (десятичасовой рабочий день, учреждение примирительных камер и промышленных судов, установление обязательной фабричной инспекции, свободы профессиональных организаций); в следующем году под влиянием этих требований была запрещена *truck-system*, усилена ответственность за нарушение контракта и принято в принципе обязательное введение фабричной инспекции, что на практике свелось к назначению всего 30 правительственных инспекторов. Бисмарк скрепя сердце соглашался и на это; он предпочитал ограничить дело помощи рабочим введением обязательного страхования на случай болезни, увечья, старости и неспособности к труду¹. В институте обязательного страхования подчеркивалась забота государства о рабочих и в то же время помощь давалась в таком виде, что от нее никак нельзя было ожидать подъема культурного сознания рабочих. Поэтому мысль об обязательном страховании рабочих вполне удовлетворяла Бисмарка, и на проведении ее в жизнь он сосредоточил все свои усилия. Для облегчения задачи Бисмарк создал в 1880 г. для Пруссии особый народно-

¹ Мысли о страховании на случай безработицы, как слишком социалистической, Бисмарк тщательно избегал.

хозяйственный совет (Volkswirtschaftsrat). Он должен был играть роль советника правительства в хозяйственных делах. В нем было 75 членов, 45 из которых выбирались различными экономическими учреждениями, а 30 назначались министром (из этих 30, как особенно настаивал Бисмарк, 15 должны были обязательно принадлежать к ремесленникам или рабочим). Бисмарк хотел, кроме прусского совета по хозяйственным делам, создать такой же совет для всей империи, но рейхстаг отказался дать на это нужные кредиты, заподозрив Бисмарка в желании создать «побочный парламент» (Nebenparlament). Прусский народно-хозяйственный совет тоже был в скором времени распущен, но ему все-таки удалось выработать законопроект о страховании рабочих, который был затем внесен в рейхстаг (1881 г.). Рейхстаг принял этот законопроект с такими изменениями (была отвергнута идея государственной субсидии при выдаче страховых премий), что Бисмарк предпочел взять весь законопроект обратно. Он был принят по частям в следующих рейхстагах: закон о страховании на случай болезни в 1883 г., на случай увечья в 1884 г., на случай старости и неспособности к труду в 1889 г. Законами от 1885—1887 гг. страхование было распространено на некоторые частные категории рабочих и служащих, которые в первоначальных законах не предусматривались (на служащих на путях сообщения, на земледельческих, лесных и строительных рабочих, на моряков и судоходных рабочих). Принцип государственной субсидии был теперь сохранен; остальные суммы, необходимые для уплаты страховой премии, складывались из взносов от рабочих и предпринимателей. Во время прений с целью прочнее

закрепить свой союз с католиками Бисмарк неустанно подчеркивал, что проводимые им меры являются актами христианской благотворительности, «практическим христианством» и даже рекомендовал членам рейхстага «почитать Библию», чтобы оттуда почерпнуть аргументы в пользу социального законодательства. На социал-демократов такие заявления Бисмарка производили, конечно, глубоко отрицательное впечатление, и они встретили проекты Бисмарка жестокой критикой, рассматривая их как своего рода ловушку, в которую канцлер хотел заманить рабочий класс. То, в чем они видели право рабочих, Бисмарк преподносил как благодеяние со стороны государства. С такой точкой зрения они согласиться не могли. Поэтому с изданием новых законов социал-демократическая агитация несколько не ослабела и социализм пускал все более глубокие корни среди германского пролетариата.

Чтобы покончить с политикой Бисмарка в царствование Вильгельма I, нам надо дать еще общую характеристику его международной политики. После войны 1870 г. Германия стояла на вершине военной славы, но Бисмарк был слишком осторожным политиком для того, чтобы почить на лаврах. После победоносных войн Бисмарк, несмотря на все свои заигрывания с Россией и Италией, несмотря на всю свою умеренность по отношению к Австрии, боялся, как бы против Германии не возникла могущественная коалиция, похожая на времена Семилетней войны. От этой опасности ее нужно было застраховать. Прежде всего он направил свои дипломатические усилия в сторону Австрии, поманив ее возможностью компенсаций на Балканском полуострове

за утрату влияния в Германии. Но он отнюдь не хотел в то же время и ссориться с Россией. Его идеалом было устроить дело так, чтобы Россия и Австрия полюбовно обосновались на Балканском полуострове, где он находил достаточно места для обеих. Поэтому к соглашению Германии с Австрией он стремился привлечь и Россию. Александр II ничего не имел против этого, так как боялся, как бы одностороннее соглашение Германии с Австрией не нанесло ущерба русским интересам на Балканах; к тому же от Германии Россия еще не терпела пока для себя никакой неприятности. Дальновидная политика Пруссии по отношению к России во время крымской войны и в 1870 г. и умеренность по отношению к Австрии в 1866 г. теперь принесли свои плоды, и результатом ее было соглашение трех императоров (*Dreikaiserverhältniss*). В Берлин в сентябре 1872 г. съехались Вильгельм I, Франц Иосиф и Александр II и обязались не предпринимать ничего важного на Балканах без соглашения друг с другом, поддерживать *status quo* в Европе и совместно бороться против социалистической опасности. Это было как бы возобновлением Священного союза с характерным для него подчинением внутренней и внешней политики международному контролю, с пристрастием к *status quo* во вне и с реакционными замашками внутри. Если бы этот союз оказался прочным, то Бисмарк мог бы не беспокоиться за будущее Германии. Но Бисмарку было мало того, что Германия являлась одним из членов этого тройственного соглашения. Он хотел играть в нем главную роль и стремился подчинить своей политике двух остальных членов соглашения. Началось с того, что Бисмарк совер-

шенно неожиданно для своих новых друзей стал готовиться к новой войне с Францией. Он думал, что кровопускание 1870—1871 гг. надолго обессилило Францию, а между тем Франция обнаружила удивительную жизнеспособность и стала оправляться гораздо быстрее, чем это было в интересах Германии. Бисмарк, всегда боявшийся реванша, забил в военные литавры, а когда во Франции в 1875 г. был принят закон, увеличивавший численность армии, прямо стал грозить Франции войной. Он намеревался устроить для Франции новое кровопускание, которое обессилило бы ее уже на десятилетия. Но этого не могли допустить ни Англия, ни Россия, для которых чрезмерное усиление Германии не могло не быть опасным. Особенно энергично в деле сохранения мира старался русский царь, который в мае 1875 г. лично приезжал в Берлин. Он уговорил Вильгельма, которому уже начинала надоедать воинственная политика Бисмарка, не затевать новой войны. Но Бисмарк не чувствовал себя удовлетворенным. Заступничество Александра за Францию поставило перед ним новую опасность — франко-русского сближения; и он теперь приложил все свои усилия к тому, чтобы ослабить влияние России на международные дела Европы и по возможности ее изолировать. Случай представился ему во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Эта война доказала невозможность полюбовного соглашения России и Австрии в балканских делах. Известно, что еще до Сан-Стефанского договора Австрия начала военные приготовления и не на шутку готовилась к войне с Россией. Бисмарку предстояло теперь выбирать между Россией и Австрией, и он не колебался в своем выборе.

В течение всей русско-турецкой войны он вел искусную игру и держал Александра II в убеждении, что его нейтралитет носит дружественный по отношению к России характер. Но на берлинском конгрессе, о созыве которого он усиленно хлопотал и на котором играл исключительную по своему влиянию роль, он раскрыл свои карты и поддержал не Россию, а Австрию. Во время конгресса русский уполномоченный граф Шувалов прямо предлагал Бисмарку союз России, но Бисмарк предпочел не ссориться с Австрией; он не поддержал Россию и во время ее ссоры с Англией из-за границы Болгарии, и Россия, не видя ниоткуда поддержки, должна была сдать свои сан-стефанские позиции. Благодаря Бисмарку, Австрия получила право оккупировать Боснию и Герцеговину и потому уже совершенно забыла про 1866 г. и прониклась чувством благодарности к Германии. Отсюда был уже один шаг до заключения оборонительного союза между Германией и Австро-Венгрией, который и был заключен в октябре 1879 г. Он был направлен главным образом против России, потому что в нем прежде всего было установлено, что если на одну из договаривающихся сторон нападет Россия, то другая должна помочь ей всеми своими военными силами. В случае же нападения других государств требовалось соблюдение только дружественного нейтралитета. Этот союз был всецело делом рук Бисмарка, потому что сам Вильгельм был в дружеских отношениях с Александром II, приходившимся ему родным племянником, и ни за что не хотел подписывать враждебного России договора. Чтобы побудить его к этому, Бисмарку пришлось угрожать даже отставкой всех министров, и только после

этой угрозы старый император уступил. Бисмарк, однако, и после заключения оборонительного союза с Австрией не терял надежды сохранить дружественные отношения с Россией. В 1887 г. он устроил нечто вроде возобновления союза трех императоров. По договору, заключенному между Вильгельмом I, Францем Иосифом и Александром III в этом году в Скерневицах, три императора обязывались соблюдать по отношению друг к другу дружественный нейтралитет, если кто-либо из них подвергнется чьему-либо нападению. У России в то время были натянутые отношения с Англией из-за дел в Передней Азии и на Кавказе, и потому она охотно пошла на заключение такого договора, который гарантировал ей невмешательство постоянно враждебной ей Австро-Венгрии в возможную войну с Англией. Незадолго до этого, в 1882 г., Бисмарку удалось достигнуть еще одного дипломатического успеха: к двойственному союзу Австро-Венгрии и Германии была присоединена еще и Италия, которой Бисмарк обещал гарантии ее территориальной целостности в обмен за союз. Тройственный союз стал теперь крупнейшей силой во всем мире, и Бисмарку, казалось, теперь уже нечего было бояться за безопасность Германии. Даже ненависть Франции ему удалось значительно ослабить, развязав ей руки на захват Туниса (1881 г.). Так искусными дипломатическими ходами Бисмарк добывал гарантии прочности и европейского могущества новосозданной империи. На дипломатическом поле у него не было соперников, и он мог теперь торжествовать полную победу.

Но одного только европейского могущества Бисмарку было мало. Он намеревался превратить Германию в ми-

ровую державу и на склоне своих лет, в последние годы царствования Вильгельма, стал неустанно работать в сфере укрепления власти Германии на морях и океанах. До восьмидесятых годов у Германии не было колоний, и Бисмарк раньше относился довольно равнодушно к вопросу о приобретении колоний. «У меня нет колониальных стремлений», — говорил он еще в 70-х годах. Но он всегда был чуток ко всему, связанному с коммерческим процветанием Германии. Даже в годы, когда он разорвал с национал-либералами и вернулся к аграрным симпатиям своей молодости, он не мог не заметить, какую огромную экономическую роль играют колонии в промышленном развитии страны конца XIX в. Когда в начале 80-х годов одна гамбургская фирма, разрабатывавшая природные богатства самоанских островов и уже близкая к банкротству, обратилась к Бисмарку с просьбой о субсидии, он занялся изучением колониального вопроса и уже очень скоро пришел к выводу, что Германия должна стать на колониальный путь. Он думал, однако, что государство не должно само завоевывать колонии, а только помогать тем смелым людям, по существу авантюристам, которые заведут торговые фактории во внеевропейских странах или займутся там полезными промыслами. Колониальное могущество Германии должно было, по его мнению, начаться с частного предпринимательства, а роль государства должна была ограничиться лишь предоставлением льготы и поддержки тем, кто на свой страх и риск поедет за моря с целью заняться там промышленной или торговой деятельностью. Скоро, однако, Бисмарк сделал шаг и дальше: он признал возможным объявить суверенитет Гер-

мании над теми землями, где немецкие негоцианты стали на твердую почву. Отсюда было недалеко и до того, чтобы объявлять немецкими колониями и те земли, где немецкие купцы и промышленники еще не укрепились, но где они только *могли* в близком будущем развить широкую коммерческую деятельность. Началось дело с того, что в 1884 г. по просьбе бременского купца Людерица Германия провозгласила свой суверенитет над южно-африканской бухтой Ангра-Пекеной. Затем в той же Юго-Западной Африке также по предложению частных лиц (гамбургских купцов Вермана, Тормелена и Янтцена) германский флаг был водружен в Того и Камеруне (1884 г.). Через год в Восточной Африке были заняты (опять по инициативе частного лица — Петерса) обширные земли к югу от экватора (Уками, Узагора, Нгуру, Узегуа). В то же время Бисмарк обратил свое внимание и на Океанию. В 1884 г. там была занята часть Новой Гвинеи и Новобританского Архипелага. В следующем году были заняты Маршалльские и Каролинские острова. Таким образом, в очень короткий срок Германия превратилась в колониальную державу. Ее колонии во много раз превышали теперь территорию Германии (так, в одной Африке у Германии оказалось в четыре раза больше земель, чем в европейской ее метрополии). Пока все эти земли считались под германским верховенством, но находились в управлении частных торговых компаний, которые имели охранные грамоты от немецкого правительства. В них не посылались ни имперские войска, ни правительственные губернаторы. Превращение этих земель в имперские колонии в полном смысле этого слова (*Kronkolonien*) произойдет уже после смерти Вильгельма I.

В конце царствования Вильгельма I Германия стояла на вершине могущества, и старый император умер (1888 г.) в глубокой старости, на 91 году жизни, чувствуя, что под здание созданной его министром Империи подведен прочный фундамент.

Глава VI

Фридрих III

Старый император Вильгельм I был необычайно популярен в Германии. В его царствование совершился самый значительный и самый славный переворот из всех, какие когда-либо знала германская история: из союза маленьких и слабых государств Германия превратилась в могущественную империю, укрепленную прочными союзами во вне и широко расправлявшую крылья на почве промышленного предпринимательства. Но, несмотря на всю популярность девяностолетнего императора, едва ли будет преувеличением сказать, что страна встретила вздохом облегчения конец этого чрезмерно долгого царствования. Последние годы правления Бисмарка были слишком ярко окрашены в черный цвет реакции; дружба с остэ debateскими аграриями, гонения на социал-демократов, преследования печати — все это ясно показывало, что стареющий канцлер все определеннее возвращался к феодальным симпатиям своей молодости и все более утрачивал приобретенную в зрелые лета способность подстраиваться под условия времени и интересы наиболее влиятельных обществен-

ных групп. Его тяжелая рука все сильнее тянула Германию назад, к феодальному прошлому, не останавливаясь даже перед покушениями на им же самим созданные учреждения вплоть до всеобщего избирательного права и представительного образа правления. Еще в 1881 г. Бисмарк говорил князю Гогенлоэ: «Немцы не умеют обращаться с той чересчур тонкой игрушкой, которую я им дал. Они ее портят. Если это будет продолжаться, союзным правительствам придется вновь вернуться к старому союзному сейму, сохранив таможенный союз и военную конвенцию, но упразднив рейхстаг». Несмотря на весь пиетет, который внушало к себе тогда имя Бисмарка, ни расцветающая буржуазия, ни укрепляющаяся демократия не могли примириться со все усиливавшимся реакционным направлением германской внутренней политики. Смерть старого императора открывала надежды на перемену курса. Эти надежды имели тем большее основание, что наследник престола Фридрих был известен не как поклонник юнкерских идеалов. Он принадлежал к тому поколению немцев, на раннюю юность которых наложила неизгладимую печать революция 1848 г. и деятельность франкфуртского парламента (он родился в 1831 г.); позднее, уже в зрелые годы, он сошелся с партией свободомыслящих, и последних стали даже звать «партией кронпринца». Его жена Виктория, дочь английской королевы Виктории, была воспитана в духе английских парламентских традиций и имела довольно сильное влияние на своего мужа, который тоже слыл поклонником парламентаризма. Среди немецкого образованного общества кронпринц был необычайно популярен; известно, что он окружал

себя литераторами и учеными; молва наделила его даже и славой полководца, и действительно, у него были недюжинные военные дарования, которые обнаружались в битвах при Кениггреце, Верте и Седане. От общества не было тайной и то, что у кронпринца были дурные отношения с Бисмарком и что канцлер сумел даже внушить и старому императору недоверие к сыну. Кронпринца держали в стороне от политики и, хотя он носил важные звания генерал-инспектора южных армий и президента государственного совета, он не только не мог влиять на общее направление политики, но даже не был в курсе правительственных действий.

Однако надеждам общества, что юнкерскому режиму дряхлевшего канцлера будет положен конец со вступлением на престол Фридриха III, не суждено было сбыться. Новое царствование было необычайно кратковременным и продолжалось только три месяца (9 марта — 15 июня 1888 г.). Император вступил на престол уже больной неизлечимой болезнью (раком гортани); это был живой труп, обреченный на скорую и неизбежную смерть, и естественно, что в те недолгие предсмертные недели, которые он провел на престоле, у него не было энергии для того, чтобы решительно изменить режим Бисмарка и свалить великого канцлера, державшегося за власть стареющей, но еще крепкой рукой. Свое либеральное настроение он успел проявить только в том, что сместил реакционного прусского министра внутренних дел Путткамера и наградил орденами некоторых депутатов из партии свободомыслящих (Вирхова, Беннигсена, Форкенбека). Зато в двух других мерах, предпринятых в его недолгое царствование, видна

была рука Бисмарка. Это было удлинение срока депутатских полномочий (как в рейхстаге, так и в прусском ландтаге) с трех до пяти лет, что ослабляло зависимость депутатов от избирателей, и принятие мер строгости против поездок французов в Эльзас, в котором Бисмарк по-прежнему видел крайне неблагонадежную провинцию.

Глава VII

Вильгельм II. Личность

Через 99 дней после своего вступления на престол Фридрих III скончался, и императором стал его сын Вильгельм II. Новый император родился 27 января 1859 г. Отец и мать пытались воспитать его в духе уважения к английским парламентским традициям, но когда он вышел из раннего детства, то, вероятно, по настоянию деда и Бисмарка, его воспитание перешло в руки теологов и военных генералов. Его главным воспитателем стал тайный советник Гинцпетер, теолог, проникнутый мистическими взглядами на происхождение королевской власти; его помощником по военной части был генерал Штольберг, который еще более развил заложенное уже самой природой в характере молодого принца увлечение военным делом. Большое влияние на него в детстве и юности имел и придворный проповедник Штеккер, мистик до мозга костей и проповедник «христианского социализма». Но самое главное влияние на развитие мальчика Вильгельма оказывала сама жизнь. Если его отец воспитывался и рос под воздействием того оппо-

зиционного духа, который все глубже и глубже проникал в немецкое общество в неудачное царствование Фридриха Вильгельма IV, то на детские и юношеские годы принца Вильгельма наложил неизгладимую печать звон победного оружия, который сопровождал рождение молодой германской империи. Он видел только ореол славы и все увеличивавшейся народной популярности, которыми было окутано начало царствования его деда, и под влиянием этого в его душе рождалось убеждение, что Германии свыше предопределена великая миссия среди других народов и что ее ждет лучезарное будущее. Поэтому уже в то время мысли его начинали приобретать оттенок крайнего национализма, который позднее стал одной из характернейших черт всего его мировоззрения. Несмотря на этот специфический момент в воспитании молодого принца, его чисто научное образование нельзя назвать плохим. Отец хлопотал, чтобы его сын прошел обычную для всех немецких юношей школу. Пятнадцати лет его отдали в Кассельский лицей (средняя школа), и молодой принц, живя со своим наставником Гинцпетером в соседнем с городом замке, аккуратно ездил каждый день на уроки и скромно занимал свою ученическую парту в классной комнате. Позднее, вспоминая в письме к одному из своих школьных товарищей то строго классическое образование, которое получали ученики Кассельского лицея, Вильгельм отзывался о нем далеко неодобрительно. «Гомер, — писал он в этом письме, — божественный поэт, которого я люблю до безумия. Демосфен, речи которого должны воодушевлять весь мир, — как они нам преподносились? С чувством энтузиазма перед геройством, перед

сражениями, перед описаниями природы? Упаси Боже! Каждый клочок фразы расчленялся, вскрывался скальпелем грамматиков и фанатичных филологов до тех пор, пока, ко всеобщему удовольствию, не обнаруживался скелет слова и не являлась возможность показать, на сколько ладов может комбинироваться ап или ері или какая-нибудь иная подобная чертовщина. Тут есть от чего заплакать!» Классическое воспитание, полученное Вильгельмом в Касселе, оскорбляло прежде всего его националистические чувства. «Этот метод, — пишет он дальше, — ведет к тому, что наша молодежь... знает наизусть имена генералов, места сражений и расположение войск в пунических войнах или войск Митридата, — и ничего не знает из Семилетней войны, не говоря уже о войнах позднейших, например 1866 или 1870 годов, которые еще не собрались обработать для учебника». Этому нерасположению школьному классицизму, вероятно, надо приписать то, что способный и живой мальчик, наделенный хорошей памятью и всеми качествами для правильных и усердных занятий, не блистал особенными успехами и, несмотря на свое высокое положение, был выпущен из лицея только десятым (1877 г.) со свидетельством в дипломе: «удовлетворительно». Лицей во всяком случае привил молодому принцу привычки к регулярному и упорному труду и дал ему недурное образование классического типа. Восемнадцати лет от роду Вильгельм поступил в Боннский университет и там провел два года в прилежных занятиях. Он изучал римское право, историю философии, экспериментальную физику, историю девятнадцатого века, историю немецкого народного права, политическую экономию, ис-

торию искусства, немецкой литературы, уголовное, финансовое, народное, гражданское и административное прусское право, историю реформации и химию. Этот перечень показывает, что гуманитарные науки интересовали Вильгельма тогда гораздо более, чем науки технические и естественные. Позднее, но еще в молодые годы он, однако, значительно пополнил свое образование и к зрелому возрасту был уже довольно широко образованным человеком, нередко удивляя специалистов своими разнообразными и даже детальными знаниями в самых различных областях науки. Окончив университет, принц Вильгельм предался с большим увлечением военной службе; двадцати двух лет от роду он женился на дочери шлезвиггольштинского герцога Августе-Виктории и ко времени смерти деда и отца был отцом четырех детей.

Ко времени вступления на престол характер молодого императора успел уже вполне определиться. Это был человек необычайно живой, склонный к постоянной и напряженной деятельности и отнюдь не способный проникнуться английским идеалом царствующего, но не управляющего монарха. Он был постоянно в движении, вечно ездил и путешествовал, много раз посещал все столицы Европы (кроме Парижа), плавал по Средиземному морю, бывал в Константинополе и Палестине, не говоря уже о городах его собственной империи, которым он наносил многократные визиты по поводу всякого рода исторических годовщин. Всюду он обнаруживал большую склонность к самостоятельности и любил выражать свои мысли не только по поводу явлений общественной и политической жизни, но и по

поводу вопросов искусства, религии, литературы и педагогики. Появится ли какое-нибудь новое громкое произведение литературы, нашумит ли какая-нибудь научная книга или возникнет новое направление в области искусства — и император спешит выразить в письме к ученому другу или еще чаще в публичной речи свое отношение ко всем этим явлениям. Многосторонность интересов императора и крайняя импульсивность его натуры приводили к тому, что все, занимающее в данный момент общественное внимание, все, о чем говорили в широкой публике, волновало и затрагивало его самого, как его личное дело, и он чувствовал органическую потребность излить обуревавшие его мысли и настроения на бумаге или выразить их открыто перед всем обществом на словах. Часто министры хватались за голову от страха, когда коронованный оратор, ни с кем не посоветовавшись, увлекаемый своими настроениями, делал публичные заявления, в корне несогласные с конституционным строем германской империи или несовместимые с уважением к соседним великим державам. Не раз ответственными представителям власти приходилось отчитываться перед рейхстагом за слова безответственного главы государства или вступать по поводу их в щекотливые и неприятные объяснения с дипломатическими представителями иностранных государств.

В личности и мировоззрении Вильгельма II была довольно странная смесь черт и особенностей, сближавших его, с одной стороны, с королем-романтиком Фридрихом Вильгельмом IV, а с другой — с такой реалистической натурой, какой был Вильгельм I. Как и

Фридрих Вильгельм IV, он чувствовал неискоренимую потребность подводить под все свои действия идеологическую основу; без идеологии и теоретических оправданий, выливавшихся почти всегда в форму шумной и феерической фразеологии, он не мог жить. Для всех его поступков ему всегда нужна была высшая санкция, нужно было сознание, что его действия согласны с мировым порядком и основными принципами бытия. Это придавало с самого начала всему его мировоззрению метафизический и мистический характер. Политика, согласованная только с условиями времени и требованиями случайно сложившихся отношений, для него была пустой и вздорной; нити правительственных действий он стремился протянуть до высших и последних точек зрения и свое поведение в качестве монарха согласовать с волей высших сил и с требованиями божественного закона. Эта мистическая концепция власти свелась на практике к защите чисто средневековых идей, к возрождению романтической фантастики Фридриха Вильгельма IV. Сущность политического мировоззрения Вильгельма II заключается в том, что Бог для достижения своих высших целей избрал германский народ и через него творит свою волю на земле; руководителем же германского народа предназначено быть роду Гогенцоллернов; никто не в праве вырвать у них из рук этой высокой миссии, не нарушая заветов самого Бога, и сами они не имеют права никому отдать своей державной власти, — иначе они вступят в конфликт с божественной волей и ее высшими предначертаниями. Так как германский народ есть народ Божий, то для спасения человечества необходимо его верховенство и в сфере мо-

ральной, и в сфере материальной. В речах Вильгельма постоянно проглядывает мысль, что только немецкому народу присущи те добродетели, которые должны просветить мир. Другие народы развращаются и падают все ниже и ниже; в немецком же народе все более и более укрепляются нравственность, религиозность, благородство чувств, возвышенность мысли, самоотверженность, любовь к отечеству, верность королю, энергия и любовь к работе. В речи, произнесенной 2 сентября 1908 г. в Мюнстере, он говорит: «...Наш народ станет той гранитной скалой, на которой Господу Богу угодно будет закончить свое дело просвещения мира. Тогда-то исполнится слово поэта, который сказал, что мир излечится силой немецкого духа». Эти слова относятся к великому *будущему* Германии. А вот характеристика исторической миссии германского народа в прошлом (из речи на банкете городской думы в Аахене 19 июня 1902 г.): «Можно ли не подумать о Провидении, когда бросаешь взоры в историю веков, пережитых нашим отечеством... Скипетр римских цезарей перешел в руки их преемников, здание империи, разоренное и подгнившее, пошатнулось; только появление германцев с их чистым сердцем и с радостью победы могло дать истории мира новое течение, которое она сохранила и до наших дней». Продолжая дальше ту же речь, император говорит: «Наш язык отвоевывает все большие области далеко за пределами моря; наша наука и наши открытия устремляют свой полет в безграничную даль; нет ничего в области современной науки, что не было бы написано на нашем языке, и нет такой мысли, которая не была бы сначала высказана нами, чтобы быть потом перенятой уже дру-

гими нациями». Как избранному народу, германцам свыше предначертано блюсти на земле мировой порядок и в качестве высшего стража добра удерживать народы от братоубийственных столкновений. «Готовый, вооруженный заново немецкий народ, — говорит император 11 сентября 1893 г. в Карлсруэ, — стоит на страже, как некогда бог Геймдал, охраняя мир на земле у врат храма Мира, и не только в Европе, но и на всей земле. Пусть же немецкий народ не погрешит в этой высокой, цивилизаторской миссии, посланной ему Богом и уже намеченной моим дедом». О поддержании мира на земле, как о провиденциальной задаче германской нации Вильгельм говорил довольно часто, — и в первые, и в последующие годы своего царствования, — и говорил, очевидно, вполне искренне. Но под миром он понимал только такой мир, который основан на верховенстве германского народа. Пусть народы признают право Германии разрешать их распри в качестве высшего судьи; пусть они преклонятся перед ее решениями, и тогда мир на земле не будет нарушен. Но она смело поднимет свой меч против тех, кто явится нарушителем и ее прав высшего арбитра, и тех порядков, которые она признает за освященные божественным законом. «Прусский король в состоянии поддержать мир, — говорил Вильгельм в 1890 г. в Кенигсберге, — и я знаю, что тот, кто захочет его нарушить, получит урок, который сто лет спустя будет помнить». И так как Германия, блюдя мировой порядок, сама же свыше уполномочена разрешать, в чем этот порядок заключается, то ее право обнажать меч, в сущности, ничем не ограничено...

Говоря о божественной миссии германского народа, Вильгельм, однако, всегда имел ввиду одно ограничение: Германия остается избранным Божиим народом только до тех пор, пока она следует за данными ей Провидением руководителями и вдохновителями — Гогенцоллернами. К славе, к победам, к великому будущему Германии могут вести только одни Гогенцоллерны, и благо ей, если она останется послушной их священному руководству. Вильгельм воскрешал чисто средневековое представление о правах монарха и защищал его теми самыми аргументами, какими это делали когда-то Фридрих Барбаросса и его преемники. В речи, произнесенной на банкете бранденбургского ландтага 5 марта 1890 г., он говорит: «...Я вижу в стране и в народе, который мне вверен, талант, данный мне Богом; долг мой повелевает мне его умножить, как сказано в Библии, и когда-нибудь мне придется дать за него ответ. Я думаю, что пока он со мной, я сумею его вести таким путем, чтобы он возрос, и возрос немало... Тех, кто захочет мне помочь в этом деле, я приветствую от всего сердца; тех же, кто захочет мне помешать в моей работе, я раздавлю». В своих многочисленных речах Вильгельм на разные лады разъяснял ту мысль, что род Гогенцоллернов правит Божьей милостью и ни перед кем, кроме Бога, за свои действия не отвечает. 24 февраля 1894 г. на банкете бранденбургского ландтага он заявляет: «...Если мои предки, и в особенности тот, о котором мы больше всего любили вспоминать, как о величайшем бранденбуржце, великий курфюрст, были способны выполнить так много важного на благо своей страны, то это было возможно отчасти благодаря вза-

имному доверию государя и его народа, но больше всего благодаря тому, что дом Гогенцоллернов обладает чувством долга — чувством, исходящим из сознания, что Бог поставил их на тот пост, который они занимают, и что одному только Богу да еще своей совести они обязаны отчетом в том, что делают для блага страны». Но, может быть, это заявление Вильгельма о королевской власти «Божьей милостью» относится только к прошлому? Может быть, положение изменилось с тех пор, как в Пруссии появился ландтаг, а в Германии — рейхстаг? На этот счет речи императора не оставляли никаких сомнений. В речи о Вильгельме I осенью 1897 г. при освящении памятника ему в Кобленце он говорит: *«Для всех нас и больше всего для нас, государей, он взрастил и довел до ослепительно блестящего состояния ту драгоценность, которую мы должны почитать и считать священной, это королевская власть Божьей милостью, власть со всеми ее тягостными обязанностями, с трудами, которые не имеют конца, с ее страшной ответственностью перед одним лишь Творцом, от которой ничто не может его освободить, ни один человек, никакое министерство, никакой рейхстаг, никакой народ»*. Император неоднократно заявлял, что, чувствуя себя орудием в руках Бога и черпая силы и уверенность из этого сознания, он, невзирая на все препятствия и противодействия, будет идти по тому пути, который предугазан ему свыше. Вот что он говорил 6 марта 1890 г. в Билефельде: «Дело в том, что каждый государь из дома Гогенцоллернов глубоко сознает, что он всего лишь уполномоченный здесь на земле, что он обязан дать отчет в своей работе Высшему

Царю и Господину и обязан с неизменной верностью выполнять дело, которое ему назначено свыше... Вот откуда та непоколебимая воля, с которой они проводят то, что ими однажды предпринято». Такого рода цитаты из речей Вильгельма, подтверждающие то, что император в его глазах посланник Неба, призванный творить его волю и отвечающий за свои действия только перед Богом, можно было бы при желании приводить до бесконечности.

Чем же в таком случае была в глазах императора конституция германской империи, которой он присягал при своем вступлении на престол, относительно которой он в своей первой тронной речи (27 июня 1888 г.) заявил: «Я держусь того мнения, что наша конституция устанавливает справедливое и полезное разделение в участии различных общественных сил в жизни государства, и вот отчего еще, а не только в силу моей присяги, я буду с ней считаться и защищать ее». Последние слова императора находятся в неразрешимом противоречии с тем представлением его о власти Божьей милостью, которого он неустанно придерживался в течение всего своего царствования, и им нельзя придавать особенно серьезного значения: они были произнесены в момент присяги перед лицом обеих палат (рейхстага и ландтага в сборе), и молодой император, увлеченный торжественностью парламентской обстановки, мог уже в силу одной впечатлительности своей природы сделать заявление, которое плохо согласовывалось с его мировоззрением. Дальнейшие его речи и поведение не оставляют сомнений в характере его отношений к рейхстагу и ландтагу: он видит в них чисто человеческие уч-

реждения, создавшиеся благодаря случайностям истории. Может быть, они и нужны как временное орудие, способствовавшее созданию германского могущества, но во всяком случае они не имеют в своей природе ничего абсолютного, на них не почиет благодать Божья, и их существование можно оправдать только соображениями временной и условной, а не вечной и абсолютной правды. Поэтому их права и значение ни в коем случае нельзя сопоставлять с правами и значением такого божественного установления, каким является власть королей прусских и императоров германских. Между властью государя и парламента в глазах Вильгельма то же различие, что между метафизическим миром вечных, неизменных сущностей и случайным, обманчивым миром явлений. Для обоих миров должна быть и разная оценка, и разная мерка: действия одной судятся по высшим и неизменным, часто даже и недоступным для человеческого понимания законом, а действия второй — преследуют только временные и случайные цели и должны быть обсуждаемы только с таких временных и случайных точек зрения. В случае конфликта между этими двумя точками зрения — вечными и временными — последние должны, безусловно, отступить перед первыми, и Вильгельм не раз заявлял, что в тех случаях, когда он чувствует, что его действиями руководят высшие соображения, он не уступит и не остановится перед самыми энергичными действиями, которые должны будут привести к осуществлению его *«непоколебимой воли»*. Дошел ли он, однако, до прямых нарушений конституции? Судьба избавила Вильгельма от таких критических положений, и нарушать конституцию ему не при-

шлось. Но едва ли на это у него хватило бы энергии. При всей категоричности его заявлений, при всей уверенности в своих силах настоящей воли у него никогда не было, и на бисмарковскую решительность (в эпоху конфликта) он, по-видимому, был не способен. Как у большинства слишком много говорящих людей, его энергия часто почти целиком уходила на красноречие и словесные заявления, и перед стойким и решительным сопротивлением он пасовал. В этом отношении он недалеко ушел от своего деда.

Таким образом, государственно-правовая концепция Вильгельма была проникнута чисто средневековым архаизмом. В некоторых отношениях он шел даже дальше средневековья и погружался в чисто первобытные чувства и настроения. Склонность императора к возрождению патриархальных мотивов признавал даже и профессор Лампрехт, написавший к 25-летию юбилею царствования его хвалебную характеристику¹. Он указывал на то, что император хотел бы видеть германский народ таким же, каким он был во времена Тацита — крепким, сильным, но, главное, еще не подвергшимся развращающему действию культуры. Для Лампрехта и, можно думать, что вместе с ним и для большинства образованных немцев, — симпатии Вильгельма к архаическим порядкам отнюдь не являлись признаком его культурной отсталости. Наоборот, он говорит, что «именно высокие дарования современности, которые предрасположены и привыкли смотреть вдаль, часто

¹ Karl Lamprecht. Der Kaiser, Versuch einer Charakteristik, 1913.

обнаруживают в своей натуре первобытные мотивы, не порывая, однако, благодаря этому связей с современностью». Архаические склонности Вильгельма, по мнению, Лампрехта делали его особенно близким к простому народу. «В современной жизни нашего народа, — говорит он, — еще продолжают жить могучие духовные остатки тех времен, когда германцы впервые поили своих косматых коней в Рейне; монарх, который вместе со многими другими обнаруживает такого же рода черты, должен быть в состоянии легко подойти к чувствам именно низших народных слоев». С последним утверждением ученого немецкого историка едва ли можно согласиться, ибо как раз среди немецкой демократии патриархальные замашки императора всегда встречали неизменный и наиболее сильный отпор. Но как бы то ни было, стремления императора к возрождению отношений самой седой старины, лежащей дальше от нас, чем средневековье, не отрицали и люди, настроенные к нему очень благожелательно.

К числу патриархальных идей Вильгельма II относится прежде всего его представление о короле, как об отце своих подданных. По манере выражений императора иногда можно было подумать, что он забывал о своем положении главы многомиллионного народа со сложными интересами, предъявляющего сложные запросы к правительственной власти; ему как бы казалось, что он — вождь небольшого родового союза, все члены которого ему лично известны, все потребности которого он сам может удовлетворить. «Я отлично знаю, — заявляет он 15 мая 1890 г. в Кенигсберге, — чего вам недостает, и я направляю свои действия, сообразуясь с

этим». Четыре года спустя он говорил: «Моя дверь всегда открыта для моих подданных, и я их выслушаю охотно», — как будто стоило только уведомить короля-отца о невзгодах, постигших его детей, и он бы мановением руки сразу всех успокоил и все уладил. Поэтому ему казались совершенно излишними всякого рода политические партии, а деятельность политических агитаторов он считал откровенно вредной. Политическую оппозицию он приравнивал к неповиновению и видел в ней пагубный дух непокорности. Еще в 1891 г., когда в Германии поднялся шум по поводу удаления Бисмарка, он говорил бранденбуржцам: «Мне кажется, что некоторые лица не совсем ясно представляют себе путь, по которому я иду и который я избрал, чтобы вести вас, а также и весь мой народ к моей цели и к всеобщему благополучию... Я очень хорошо знаю, что в данное время кое-кто пытается напугать общественное мнение. Дух неповиновения заполз в страну: скрытый под блестящим и обманчивым покровом, он старается ввести в заблуждение мой народ и людей, мне преданных».

Больше всего боялся Вильгельм II развращающего действия современной культуры. Нужно культивировать в себе старинные добродетели и чуждаться модернистских течений — и в области религии, и в области искусства, и в области литературы. Эту мысль император часто повторял на разные лады. Хороший немец должен быть простым, послушным, выносливым и немудрящим человеком. Его главным чтением должна быть Библия, но он не должен вдаваться в богословские тонкости и конфессиональные споры. Религия должна пониматься «не в строго догматическом церковном смыс-

ле, а в более широком значении, практически применимом к жизни»¹; она должна воспитывать в людях нравственные добродетели, любовь к отечеству и верность королю; что же касается догматов, то к ним Вильгельм был глубоко равнодушен, и в этом отношении сохранял терпимый дух своих предков; но религиозность должна быть неотъемлемой чертой хорошего немца, и в этом отношении Вильгельм не делал никаких уступок. Искусство и литература также должны воспитывать в людях старинные добродетели и быть «школой идеализма», как любил говорить Вильгельм. Ни импрессионизма, ни реализма он не выносил, к Гауптману питал чуть ли не личную вражду, зато преклонялся перед Бегасом, Менцелем и Вильденбрухом. Император чувствовал особенное влечение к скульптуре, но только потому, что «скульптура еще не тронута этими так называемыми современными течениями; она еще чиста и прекрасна»². Также патриархальны взгляды Вильгельма и на задачи школы, которой он предлагал «насаждать религиозное чувство и христианское рвение» и «развивать в воспитанниках чувство героизма и исторического величия». Это, конечно, помимо борьбы с тлетворным влиянием социализма, которую Вильгельм также вменял в непрременную обязанность школе. Для довершения характеристики этих патриархальных симпатий императора добавил его взгляд на роль женщины, для интересов которой он рекомендовал три исключительных области: церковь, кухню и детей (три К: Kirche, Küche und Kinder).

¹ Из речи Вильгельма в Мюнстере (1908).

² Из речи художникам Аллеи Победы.

Но было бы глубокой ошибкой делать из всего этого заключение, что император всецело жил в мире мистических идей, средневековых и патриархальных идиллий и был слеп и глух к требованиям современной ему жизни. Наоборот, реальный смысл, умение согласовать свои действия с реалистическими запросами жизни и преклонение перед реальными силами были присущи ему в не меньшей мере, чем его деду. Он не даром проникся великим преклонением перед Вильгельмом, чтит его гораздо выше, чем своего отца, и вопреки очевидному стремился укрепить за ним в потомстве титул «Великого». Много раз в своих речах он, обходя память отца, заявлял, что будет следовать в своей политике по стопам деда, и в этом преклонении несомненно помимо общности консервативных симпатий обоих императоров, помимо внешнего блеска царствования Вильгельма I очень важную роль сыграла и реалистичность мировоззрения старого императора, нашедшая себе сочувственный отклик в душе внука. Вильгельм II был слишком живым, подвижным и наблюдательным человеком для того, чтобы замкнуться в сфере отвлеченной идеологии, как это делал Фридрих Вильгельм IV, и отгородить себя китайской стеной архаических идей от запросов и потребностей действительной жизни. Потребность в идеологическом оправдании его действий в его душе была очень сильна, но едва ли будет ошибкой сказать, что даже самые отвлеченные и мистические из его идей служили ему лишь оправданием и теоретическим прикрытием для вполне определенных направлений его практической политики. Идея божественного посланничества дома Гогенцоллернов служила на практике оправданием для властных за-

машек непарламентарного управления, идея провиденциального назначения германского народа прикрывала националистическую нетерпимость и презрительное отношение к народам негерманской расы, а идеализация тацитовских германцев на деле оказывалась синонимичной идеям политического и общественного консерватизма, допустимого в хронологических рамках конца XIX и начала XX веков. В этом отношении можно смело сказать, что не идеология владела Вильгельмом II, а он своей идеологией, приспособливая ее отвлеченные принципы к потребностям личного, националистического и консервативного режима. В этом отношении он стоял между Фридрихом Вильгельмом IV и Вильгельмом I. Фридрих Вильгельм IV был рабом своей идеологии; она заводила его в такие заоблачные выси, из которых не было пути на землю к деятельности практического политика; Вильгельм I, наоборот, был до такой степени реалистичен, что не нуждался ни в какой идеологии и чувствовал себя прекрасно и без подведения общих оснований под свою политическую деятельность; Вильгельм II был одновременно и практическим политиком с понятием реального и отвлеченным идеологом, причем идеологическими принципами он пользовался для того, чтобы оправдать свое поведение в качестве практического политика, а практическая деятельность и уроки ближайшего прошлого являлись для него опытным материалом, на основе которого в его душе выстраивалась система отвлеченных принципов и идей.

В чем же заключалась реалистичность природы Вильгельма II? Можно сказать, что в этом отношении он настоящий последователь своего деда и Бисмарка и с ран-

них лет усвоил уважение к тем же реальным силам, перед которыми преклонялись и они; различие только в том, что их образ действий, вытекавший из потребностей случая и времени, он постарался возвести в систему и снабдил его мистическими и метафизическими комментариями. Их кумиром была армия, и Вильгельм II не изменил этому кумиру: В самый первый день своего вступления на престол — 15 июня 1888 г. — он, прежде обращения к народу с манифестом, издал воззвание к армии: «В дни печали и траура волею Бога я становлюсь во главе армии. С сердцем полным тоски я обращаюсь с моим первым словом к моей армии... В армии абсолютная, непоколебимая верность монарху передается наследственно, от отца к сыну, из рода в род... Я и армия — мы рождены друг для друга и останемся впредь нераздельно связаны, все равно, пошлет ли нам Господь войну или мир». Об армии же Вильгельм вспоминает и в самые тяжелые периоды своей жизни. Когда на императора посыпались нападки по поводу удаления Бисмарка, он прежде всего обратился за поддержкой к армии. 18 апреля 1891 г. он произнес такую речь новым воинским частям совершенно в бисмарковском духе: «Единство германской империи сковано армией и ее солдатами, а не парламентским большинством и его решениями. Моя надежда покоится на армии. Мы переживаем тяжелые времена, в ближайшем будущем нас ожидают, быть может, еще худшие, но при мысли о них я вспоминаю слова, которые дед мой сказал офицерам Кобленца: вот люди, на которых я могу положиться. Это моя вера и моя надежда».

Полгода спустя, напуганный ростом социалистического движения, он бросает в обращении к молодым рекрутам слова, которые вызывают открытый ропот по всей

Германии: «Более чем когда-либо недовольство и недоверие поднимают голову; может случиться, — от чего храни нас, Боже! — что вам придется стрелять в собственных родных, в братьев. Проявите же тогда свою верность, жертвуя родной кровью». Вильгельм вообще любит противопоставлять армию, как главный оплот монархизма и порядка, другим колеблющимся и неустойчивым элементам германской нации. Особенно характерны его слова, с которыми он обратился к гвардейцам в день десятилетнего юбилея своего царствования: «В тяжелых заботах и условиях я принял корону: всюду во мне сомневались, всюду обо мне судили дурно; в одном только месте в меня верили и имели ко мне доверие, и это было в армии. Опираясь на нее,веряясь нашему старому Богу, я взял на себя бремя правления, зная твердо, что в армии — главная сила моей страны, главный оплот прусского трона, на который я призван волей Божьей». Свою любовь к армии Вильгельм переносил и на воинское дело. И до своего вступления на престол, и после он с увлечением изучал военную историю, любил присутствовать на маневрах и военных парадах, любил обедать в офицерских собраниях и бывать среди генералов. Он не чуждался ученых, писателей и художников и собирал не раз в своем дворце избранное по уму и талантам общество; свои близкие отношения с верхами немецкой (конечно, лояльной) интеллигенции он даже любил афишировать и подчеркивать; но хорошо, просто и свободно он чувствовал себя только среди военных; офицеры — это люди его круга и его настроения; без их общества он едва ли мог бы жить, между тем как литераторы и ученые яв-

лялись для него только украшением двора, без которого вполне можно и обойтись.

Реалистичность Вильгельма сказывалась и в том, какое огромное значение он придавал торгово-промышленному развитию Германии. Феодал до мозга костей, юнкер по образу мыслей и привычкам, он тем не менее, подобно Бисмарку, умел приносить свои личные симпатии в жертву тому, в чем он видел залог будущего величия и мощи германского народа. Вильгельм не раз говорил, что дворянство — сословие особенно близкое его сердцу, и выражал ему доверие почти в той же степени, как и армии¹, но когда оно требовало от него таких мер, которые повредили бы великому торгово-промышленному будущему Германии, император вступал с ним в решительную борьбу. Так, когда дворяне воспротивились сооружению Кильского канала, то Вильгельм заявил, что он без раздумья раздавит сопротивляющихся. Он хорошо знал, что своим консервативным и патриархальным настроениям он найдет отклик лишь в дворянских кругах, — и тем не менее, без сомнений и колебаний, вел внешнюю политику Германии по тому пути, который должен был привести в будущем к расцвету торгово-промышленных кругов — землевладельческих. Забота о рынках, поиски железнодорожных концессий на востоке, покровительство

¹ Из речи к сельским хозяевам 6 сентября 1894 г.: «Как плющ обвивает дупло старого дуба, украшая его своей листвой и прикрывая, когда буря потрясает его вершину, так и прусское дворянство связано с моим делом; пусть оно, пусть немецкое дворянство станет славным примером для всех слоев нашего народа, еще колеблющихся...»

банковским компаниям, развитие торговых портов — демонстративная дружба с королями германской промышленности — вся эта работа финансового предпринимателя и коммивояжера в крупном масштабе занимала, в сущности, главное и первенствующее место во всех планах, действиях и мыслях императора. Пресловутые империализм и маринизм вильгельмовской политики объясняются, конечно, не только жаждой славы и мирового могущества, но и более прозаическими соображениями о необходимости обеспечить свободное развитие немецкой торговли и промышленности. И здесь мистическая идея о провинциальном назначении германского народа «просветить мир силой немецкого духа» сходится с вполне реальным направлением в области практической политики. Было бы утомительно и слишком однообразно приводить из речей Вильгельма подкрепления тому, что мировое могущество нужно было Германии в его глазах для ее экономического процветания и что его требовали не одни только божественные предначертания, но и коммерческие и индустриальные выгоды Германии; такого рода заявления составляют лейтмотив едва ли не половины всех его речей, произнесенных в разных городах и по разным поводам.

Таковы двойственные — мистические и в одно и то же время реалистические идеи и наклонности германского императора. Посмотрим теперь, какое применение они получили в его царствовании и в какие коллизии с общественными настроениями и условиями времени им приходилось вступать.

Глава VIII

Вильгельм II. Царствование

Все царствование Вильгельма I прошло под флагом Бисмарка. Старый император почти всецело отдал себя в руки своего министра и, несмотря на довольно часто возникавшие между ними несогласия, всегда уступал ему в серьезных вопросах. При Вильгельме II так быть не могло. Новый император был слишком проникнут идеей ответственности перед Богом за свое управление и слишком энергичен и порывист для того, чтобы уступить кормило власти кому бы то ни было. Позднее Бисмарк говорил про него, что «его величество очень деятельный человек, чувствует в себе избыток сил и потому сам хочет быть своим канцлером». Поэтому Вильгельму II нужны были покладистые, послушные министры, которые бы признавали над собой его руководство. Для такой роли Бисмарк, конечно, не годился. Он уже вполне вошел в свою роль создателя империи, окруженного ореолом славы и могущества, и настолько привык по-своему решать главные вопросы внутренней и внешней политики, что иного порядка не мог себе и представить. На первых

порах, пока он не разобрался в характере молодого императора, он именно со стороны Вильгельма II менее всего ожидал встретить сопротивление. Ему было известно, что Вильгельм был до своего вступления на престол исполнен величайшего преклонения перед ним, что он видел в нем национальную гордость и ставил его имя наряду с величайшими именами в истории; в глазах же самого Бисмарка Вильгельм был просто увлекающимся и порывистым мальчиком, которого нетрудно будет держать в узде, и нужно было время для того, чтобы старый канцлер смог разглядеть его лучше.

Поводы для столкновений между канцлером и императором не замедлили представиться. Вступая на престол, Вильгельм был полон самых широких планов. Ему казалось, что рост и могущество быстро развивающейся империи требуют от него самой кипучей деятельности, и он готовился к мерам самого широкого характера. На первых порах его увлекающейся натурой всецело овладела мысль о необходимости начать эру социального законодательства. Эта мысль была, в сущности, лишь дальнейшим развитием его патриархального мировоззрения: если император — отец своих подданных, то он должен одинаково заботиться об интересах всех сословий и защищать слабых от притеснений сильных. Ему казалось, что именно на этом пути легче всего нанести удар социал-демократической партии, ибо, думал он, рабочие скорее пойдут за своим императором, ставшим на путь социальных реформ, чем за социал-демократическими вождями. Скоро представился и случай, давший императору возможность выразить его социально-политическое настроение на деле. В мае 1889 г. в Рурском округе воз-

никла грандиозная забастовка углекопов. В ней приняли участие около 100 тыс. человек, и они выставили довольно широкие требования — 8-часовой рабочий день, увеличение заработной платы и т. п. В середине месяца брожение рабочих перекинулось на Силезию, Саксонию и область Саара; кое-где даже произошли кровавые столкновения. Император решил вмешаться в это дело лично и дал поочередно аудиенцию представителям и от рабочих, и от предпринимателей. Делегация от рабочих была принята первой (14 мая). Император горячо рекомендовал рабочим «воздерживаться от всякого сближения с социалистами», заявляя, что если он заметит, что «их движение тяготеет к социализму», то примет «строжайшие меры для подавления этого движения». «Но если, — прибавил он, — горнорабочие будут спокойны, то они могут рассчитывать на мое покровительство». Через два дня после этого он принял делегацию от предпринимателей и, подчеркнув, что рабочие произвели на него благоприятное впечатление, сказал между прочим: «Вполне естественно и свойственно каждому человеку искать возможно лучших жизненных условий. Рабочие читают газеты. Они знают, в каком соотношении стоит их заработная плата к прибыли компаний. Понятно, что они желают участвовать в той или иной мере в этой прибыли. Вот почему я просил бы вас, господа, посерьезнее отнестись к положению и стараться на будущее время, по возможности, избегать таких осложнений... Я считаю своим монаршим долгом прийти на помощь в случае разногласия как хозяевам, так и рабочим, при условии, что каждый со своей стороны будет заботиться об общем интересе, поддерживая между собой согласие и не

допуская таких кризисов, как тот, который мы переживаем в данное время».

Бисмарк совсем не был расположен идти навстречу этим настроениям императора. Даже в разгаре своей социально-политической деятельности, как мы видели, он не шел дальше признания принципа государственной благотворительности по отношению к рабочим; социальное законодательство при этом было для него лишь средством для борьбы против социал-демократической партии; теперь же, в конце 80-х годов, увидев, что проведенные им в пользу рабочих законы несколько не ослабили социал-демократического движения, он разочаровался и в них и все больше приходил к убеждению, что с социалистами можно бороться лишь силой. Широковещательные заявления императора, по его мнению, могли только возбудить неосновательные надежды в рабочем классе и еще больше раздуть социалистическое движение; нужно не поощрять рабочих, а усугубить меры полицейского воздействия на них. Закон против социалистов, принятый в 1878 г., имел не постоянный, а временный характер; в 1890 г. истек срок его действия; Бисмарк стал теперь хлопотать о том, чтобы этот временный закон превратить в постоянный. Вильгельм II, увлеченный своими мечтами о дружбе монарха с рабочими, не сочувствовал этим агрессивным намерениям стареющего канцлера и лишь скрепя сердце дал согласие на внесение соответствующего законопроекта в рейхстаг. В рейхстаге обстоятельства складывались также не особенно благоприятно для осуществления намерений канцлера. Национал-либералы и даже часть консерваторов (так называемая имперская партия, представлявшая собою отколовше-

еся левое крыло консервативной партии) соглашались голосовать за возобновление исключительных законов против социалистов лишь с некоторыми условиями, да и то очень неохотно; вся левая фракция рейхстага (социал-демократы и свободомыслящие), а также и большая часть центра встретила проект Бисмарка с открытой враждебностью. Оставались одни правые консерваторы (немецкие консерваторы), которые были готовы идти за Бисмарком на путь самой крайней реакции, но они составляли незначительное меньшинство. Условия, которые ставили национал-либералы и имперская партия, заключались в том, чтобы у администрации было отнято право высылки социалистических агитаторов, и они в этом смысле внесли поправку к правительственному законопроекту о придании исключительным мерам против социалистов постоянного характера. Консерваторы все время хотели узнать, как отнесется к поправке национал-либералов Бисмарк и признает ли он ее для себя приемлемой, но Бисмарк держался двусмысленно и не давал определенного ответа. Он вел довольно тонкую игру, заключавшуюся в том, чтобы, не раскрывая своих карт перед обществом, побудить консерваторов голосовать против всего закона с национал-либеральной поправкой, отвергнуть его с их помощью, распустить рейхстаг и затем постараться в новом рейхстаге провести его без всяких поправок в правительственной редакции. Если же это оказалось бы невозможным и рейхстаг снова отверг бы правительственный законопроект, то Бисмарк был готов на целый ряд мер в духе крайней реакции. По некоторым его частным заявлениям в это время ясно, что он имел ввиду не более не менее как изменение избира-

тельного закона и уничтожение всеобщего избирательного права. Если бы это вызвало восстание, то и в этом, по мнению Бисмарка, не было бы большой беды, ибо к услугам правительства была преданная армия.

Сначала все пошло так, как ожидал Бисмарк. Консерваторы голосовали против исключительного закона с национал-либеральной поправкой, а так как вместе с ними голосовали социал-демократы, свободомыслящие и большая часть центра, то закон был отвергнут (25 января 1890 г.) большинством — 167 голосов против 98. Но в дальнейшем дело пошло совсем не так, как ожидал Бисмарк. Император, и раньше не особенно сочувствовавший исключительным мерам против социалистов, отказался идти за Бисмарком. Вместо программы «энергичного выступления» (*energische Einschreiten*), которую защищал Бисмарк, он выставил программу довольно широкого социального законодательства.

Для этой задачи Вильгельму нужны были иные министры, чем дряхлеющий канцлер, и уже в самом конце 1890 г. Бисмарк оказался вынужденным отказаться от заведования прусским министерством торговли и промышленности и портфель этого министерства был передан Берлепшу, искреннему стороннику социального законодательства. В самом рейхстаге император искал для себя поддержки, и потому старый рейхстаг был распущен и на 20 февраля 1890 г. назначены новые выборы. Чтобы объяснить избирателям, какого рода работа будет предложена новым депутатам, император опубликовал 4 февраля два рескрипта — один на имя канцлера, другой — на имя нового министра торговли и промышленности Берлепша. В первом из них Вильгельм указывал на необходимость улуч-

шить положение рабочих, поскольку это совместимо с потребностью сохранить за немецкой промышленностью способность к конкуренции на мировом рынке; ввиду этого канцлеру поручалось позаботиться о созыве международной конференции, которая бы занялась обсуждением положения рабочих. Во втором рескрипте, более обширном, император писал, что «одна из задач государственной власти заключается в том, чтобы регулировать время, продолжительность и род работы таким образом, чтобы среди рабочих поддерживались здоровье, заповеди нравственности и обеспечивались хозяйственные потребности рабочих и их права на равенство перед законом. Для обеспечения мира между рабочими и предпринимателями нужно наметить законом определенные формы, при посредстве которых рабочие через своих представителей, обладающих их доверием, будут принимать участие в регулировании общих дел и будут защищать свои интересы при переговорах с работодателями и органами моего правительства». Широкая область государственного вмешательства в быт рабочих, заботы государства о правовом положении рабочих, признание за рабочими права на профессиональное представительство — все это слишком очевидно выходило за рамки того принципа государственной благотворительности по отношению к рабочим, который признавал канцлер в период своих социально-политических увлечений. Поэтому-то в глазах старого канцлера вся шумиха, поднятая императором вокруг рабочего вопроса, была сплошной ошибкой, и он не стеснялся выражать к ней свое отрицательное отношение. На заседании прусского государственного совета, который обсуждал программу рабочего законодательства, он хранил мол-

чание и избегал вмешиваться в прения. Вне же своих официальных обязанностей он был менее воздержан и говорил даже представителями прессы («Kölnische Zeitung»), что в рабочем вопросе император находится «на наклонной плоскости» и что это его не доведет до добра. Со своей стороны император не скрывал нерасположения к канцлеру, и уже в середине февраля 1890 г. тайно от Бисмарка подыскивал ему преемника. Нерасположение императора не укрылось от Бисмарка, и еще 18 февраля он говорил представителю той же «Kölnische Zeitung», что он потерял доверие императора; императору нужны послушные министры из офицеров, и для этой роли он, Бисмарк, уже не годится. Речь идет, говорил канцлер, уже не только о рабочем вопросе, а вообще об отношении императора к своим советникам; император слушает уже не своих ответственных министров, а членов придворной камарильи, и он, канцлер, слишком стар для того, чтобы заниматься борьбой с придворными интригами (Reibungen). Здесь, по-видимому, Бисмарк имел ввиду старого воспитателя императора Гинцпетера и придворного проповедника Штекера, который одно время имел некоторое влияние на Вильгельма.

К концу февраля положение еще больше обострилось. Стали известны результаты выборов в рейхстаг, и из них выяснилось, что политика старого канцлера не находит себе никакого одобрения в стране и что наладить его совместную работу с новым рейхстагом будет еще труднее, чем со старым. Все старые друзья Бисмарка проиграли, все его враги выиграли; социал-демократы получили 35 мест в рейхстаге вместо прежних 11; свободомыслящие — 66 вместо 32; состав обеих консерватив-

ных партий фракций упал со 121 депутата до 93; национал-либеральная партия, которая держалась дружелюбно к Бисмарку в последние годы его канцлерства¹, сократилась более чем вдвое (с 99 голосов до 42). Это был приговор той политике Бисмарка, которой он придерживался, начиная с 1878 г. Не только император, но и вся страна отказывалась идти за своим старым вождем; к уколам сверху, с которыми Бисмарк еще надеялся справиться, присоединялся еще удар снизу. Править дальше в прежнем духе можно было теперь только путем государственного переворота. Бисмарк, по-видимому, еще не чувствовал себя настолько ослабленным годами, чтобы не броситься в новую горячую борьбу с народом, который, по его убеждению, пошел неверным путем. Он попытался убедить Вильгельма, который также отнюдь не был доволен чрезмерным полевением рейхстага, попробовать еще раз-два распустить рейхстаг; если бы это не привело к желаемым результатам, то Бисмарк предлагал отменить всеобщее избирательное право и выработать новую конституцию на собрании князей и вольных городов Германской империи; он, по-видимому, приходил к мысли, что теперь, когда военное и таможенное единство Германии достигнуто, можно было бы и совсем обойтись без рейхстага. Вильгельм не захотел, однако, пойти по этому пути за Бисмарком, хотя, по-видимому, некоторое время и колебался. В недопустимости нарушения конституции его убедил его дядя, либеральный

¹ С 1887 г. Бисмарк опирался на «картель» из обеих консервативных партий и национал-либералов; этот картель до выборов 1890 г. составлял в рейхстаге большинство.

великий герцог Баденский: возникнет народное восстание, говорил герцог, и «тебя прозовут картечным государем; тебе придется по щиколотку ходить в крови твоих подданных».

К этим несогласиям в области общей политики скоро прибавились и другие поводы для столкновений между императором и канцлером. Бисмарк без ведома Вильгельма пригласил к себе вождя центра Виндгорста; поддержка центра ввиду ослабления консервативных партий была для него теперь особенно необходима, и он попытался договориться с Виндгорстом, на каких условиях центр согласится его поддерживать. Договор, по-видимому, состоялся, и Виндгорст ушел от Бисмарка в убеждении, что канцлер согласился удовлетворить его требования¹. Но император был очень недоволен тем, что канцлер ведет без его ведома переговоры с парламентскими вождями и горячо его в этом упрекал. Бисмарк с полным правом возражал, что, не имея возможности без всяких помех создавать нужные для правительства комбинации в парламенте, он не может нести и ответственности за свои действия в качестве главы правительства.

Недоволен был император и тем, что Бисмарк не осведомлял его о фактах, имеющих отношение к внешней политике. Канцлер получил донесение от германского консула в Киеве, что Россия сосредоточивает войска на австрийской границе, но не придавал этому большого значения, потому что не верил в возможность войны между

¹ Требование Виндгорста заключалось в том, чтобы правительство отказалось от высылки иноземных и ссылки местных иезуитов.

Россией и Австрией. Император, который считал военное дело и все то, что с ним так или иначе связано, своей исключительной областью, был этим крайне раздражен. Наконец, последним толчком, разорвавшим уже слабые нити, связывавшие императора и канцлера, явилось нежелание Бисмарка уступить в вопросе о праве отдельных министров делать самостоятельные доклады императору без ведома канцлера. Еще Фридрих Вильгельм IV издал в 1852 г. указ, подчинявший отношения между министрами и королем контролю министра-президента, и Бисмарк крепко держался за свое право такого контроля; оно было необходимым условием конституционного требования единства управления, хотя Бисмарка в данном случае интересовала не столько верность конституционным началам, сколько возможность удовлетворять властным импульсам своей натуры. Но и в характере Вильгельма было не меньше властности, чем в характере канцлера, и он заявил последнему о своем намерении отменить указ 1852 г. Бисмарк решительно отказался. Тогда император, уже давно добивавшийся отставки Бисмарка, послал ему требование — или отменить указ 1852 г. или подать в отставку. Это было 17 марта 1890 г., а 20 марта Бисмарк, уступая ясно выраженной воле императора, уже подал императору свое огромное, написанное на двадцати страницах прошение об отставке.

За всеми частными и второстепенными причинами, приведшими к разрыву между императором и канцлером, нетрудно заметить одну общую и главную: и Вильгельм, и Бисмарк — оба хотели вести самостоятельную политику и не умели уступать. Бисмарк привык к постоянной уступчивости Вильгельма I и думал, что также будет и при вну-

ке. Когда же он увидел, что внук богаче идеями и настойчивее в их проведении, чем дед, то не захотел и не смог себя переделать. Он ушел с достоинством, не отступив от своих главных требований. Последние пять лет своей жизни он не скрывал своего нерасположения к молодому императору и никогда не употреблял титула герцога Лауэнбургского, которым Вильгельм наградил его при отставке, хотя сам Вильгельм не раз выражал ему свое внимание и глубокую почитательность и всеми мерами старался подсластить пилюлю вынужденной отставки.

Заместителем Бисмарка стал военный человек генерал Георг Лео фон Каприви. Большую часть своей жизни он прослужил в армии, затем некоторое время был начальником адмиралтейства и незадолго до своего назначения канцлером снова вернулся в армию командиром корпуса. В его натуре не было ярких боевых качеств Бисмарка, но он не был лишен способностей и дарований. Он умел быстро ориентироваться в положении, легко усваивал мысли и друзей, и оппонентов и обладал недюжинным даром красноречия. Его заметил еще Вильгельм I и намечал в преемники Бисмарку, — конечно, после смерти последнего. Вильгельм II также хорошо знал его и вел с ним переговоры еще в самом начале 1890 г., предчувствуя, что ему придется расстаться с Бисмарком. Между ними произошел тогда очень характерный разговор. Каприви сказал, что он согласится на отправление ответственной должности канцлера, только уступая настойчивой воле императора, ибо совсем не чувствует себя готовым к ней. Вильгельм очень живо ответил ему на это: «Да Вам и надобности нет в этом, потому что я сам буду делать Вам указания». Подобная фраза была бы совер-

шенно немыслима ни в устах Вильгельма I, ни в устах такого конституционалиста английского типа, каким был отец Вильгельма II.

Одним из главных достоинств нового канцлера было его умение схватывать потребности времени и приспосабливаться к политической конъюнктуре. Бисмарк в последние годы своего канцлерства слишком упрямо вел линию крайней реакции и этим стал неудобен для далеко переросших его юнкерские идеалы широких общественных кругов. Каприви оказался гораздо более гибким человеком и отступил как раз в тех пунктах, на которых Бисмарк держался наиболее твердо и непримиримо. Исключительный закон против социалистов, отвергнутый в январе 1890 г., совсем не вносился в следующую сессию рейхстага, и так как срок ему истекал в сентябре того же года, то он отпал окончательно и больше не возобновлялся. Для социалистов началось снова время нормальной жизни. Были предприняты и некоторые меры по охране труда рабочих, и Каприви нисколько не мешал Берлепшу работать в этом направлении. Еще до окончательной отставки Бисмарка 15 марта 1890 г. в Берлине собралась международная конференция по рабочему вопросу. На нее съехались представители почти всех европейских государств, и были намечены принципы будущего социального законодательства. А вслед затем были внесены в германский рейхстаг и приняты законопроекты, которые должны были стать первым шагом к осуществлению принципов, высказанных в февральских рескриптах императора и намеченных на международной конференции. Уже по закону 29 июля 1890 г. были учреждены промышленные суды (*Gewerbgerichte*) для

разбора споров между предпринимателями и рабочими, состоящие поровну из представителей обеих сторон. Затем было ограничено число рабочих часов для женщин (11 часов), ограничена или запрещена воскресная и праздничная работа, запрещена женская работа в ночное время, запрещен труд детей моложе 13 лет, а также и тех детей, которые обязаны посещать школы. Позднее были выработаны законы относительно фабричной инспекции, увеличено число ее членов, и ее контролю были подчинены многие очень существенные стороны фабричной жизни.

Другим уклонением влево от бисмарковской политики был отказ от системы аграрного протекционизма. Аграрии, защищенные в 80-х годах от конкуренции иностранного хлеба, прекрасно себя чувствовали при Бисмарке и все более и более поднимали цены на свой хлеб. С течением времени их аппетиты еще более разыгрались, и в начале 90-х годов их вождь граф Каниц, вдохновитель юнкерского «союза сельских хозяев», внес в рейхстаг полуфантастический проект передачи всей торговли привозным хлебом в руки правительства, которое и должно было заботиться о назначении минимальной цены на хлеб, — конечно, в интересах землевладельцев. Каприви выступил горячим противником этих хищнических стремлений юнкеров, и ему удалось добиться значительного снижения таможенных ставок на ввозной хлеб. Точно так же были значительно снижены пошлины и на другие ввозные товары, в благодарность за что Германия получила возможность вывозить свои товары за границу со сравнительно невысоким таможенным обложением. Были заключены торговые договоры с Австро-Венгрией, Италией, Швейцарией, Бель-

гией, Румынией, Сербией, Испанией и, наконец, с Россией. С последней это было труднее всего и удалось только после упорной таможенной войны.

Произошел некоторый поворот и в международной политике. Бисмарк стремился сохранить дружбу с Россией и довольно удачно лавировал между Венским и Петербургским дворами, хотя, конечно, его дружба с Австрией в то время значительно превышала дружбу с Россией. При Каприви отношения с Россией ухудшились. Новый канцлер еще прочнее, чем Бисмарк, держался за союз с Австрией и не находил нужным раздражать Вену постоянными уверениями в дружбе с Петербургом. Нужно было сделать более определенный выбор из двух друзей, и на этот счет у Каприви не было колебаний. Когда окончился срок договора 1887 г., по которому три императора — германский, австрийский и русский — обязывались соблюдать нейтралитет по отношению друг к другу, если бы на них напала какая-либо держава, то Германия отказалась его возобновить. В России это поняли так, что если бы ей представилась необходимость воевать с Австрией или Англией, то Германия стала бы на сторону ее врагов. К этому присоединилось еще и ослабление гнета против поляков; им сделаны были очень незначительные уступки, самой существенной из которых было назначение поляка Стаблевского гнезненским архиепископом (до сих пор на это место назначали только немцев). Уступки были невелики, но в России увидели в этом желание расположить в свою пользу поляков на случай войны с Россией, и это заставило ее еще с большей подозрительностью относиться к Германии. Боязнь Германии и была одной из причин, побудивших Рос-

сию как раз в это время, в канцлерство Каприви, заключить тесный союз с Францией.

Отдалившись от России, Каприви в то же время стремился к сближению с Англией. Сам Вильгельм в это время находил нужным дружить с Англией, очевидно, из боязни войны с восточной соседкой Германии — Россией. В своих речах этого времени он любил вспоминать о былом братстве английского и немецкого оружия на поле сражения при Ватерлоо. А в одной речи он прямо заявил, что и в будущем немцам на суше, а англичанам на море предстоит защищать мир в Европе. Против кого? Не могло быть сомнений, что возможной нарушительницей мира император считал одну Россию, правительство которой, по его мнению, было преисполнено панславистскими мечтаниями о господстве на Балканском полуострове. Каприви всеми силами старался со своей стороны поддерживать дружелюбное отношение императора к Англии. Он был ярким противником колониального расширения Германии и находил страсть к колониям пагубной для нее. Даже Бисмарк, по его мнению, становился на очень опасный путь, покровительствуя колониальным захватам частных торговых компаний. В самом начале царствования Вильгельма II колониальные владения Германии в Африке значительно расширились и под протекторат Германии попали новые земли (владения за Занзибарским берегом и территории Уганды). Но это расширение германских владений в Африке грозило поссорить Германию с Англией, уже давно прочно укрепившейся в Африке. Каприви решил повести дело так, чтобы у Англии не было никаких поводов для недовольства. 1 июля 1890 г. с Англией был заключен договор, по которому Германия уступала ей зна-

чительную часть своих африканских владений — Уганду, султанат Виту, Сомали и остров Занзибар. В то же время была урегулирована и германо-британская граница в Юго-Западной Англии (между германским Того и английской областью Золотого берега). Уступленные земли были значительны по своей протяженности, но слабо заселены, и их утрата не наносила удара по интересам Германии. Государственная власть выиграла зато в другом отношении: раньше захваченные в Африке земли находились только под охраной германского правительства, но в непосредственном владении у германских торговых компаний. Теперь туда были посланы правительственные губернаторы, и управление этими землями перешло в руки германского правительства. Из областей, состоящих под покровительством Германии (Schutzgebiete), они превратились в настоящие имперские колонии (Kronkolonien). Несмотря на урезку в пользу Англии, новые имперские колонии занимали территорию почти в миллион квадратных километров и были населены 7 миллионами жителей; в сравнении с уступленными в пользу Англии землями они были гораздо населеннее и имели гораздо большее хозяйственное значение. Германия получила и другое удовлетворение: в Северном море ей был уступлен остров Гельголанд, оккупированный Англией еще в наполеоновское время. В военное время этот остров становился базой для флота, и потому обладание им имело большое стратегическое значение.

Разрыв с консервативной Россией и сближение с парламентарной Англией в глазах немецкого общества имели то же значение, что и социальное законодательство и возвращение к системе торговых договоров: это был уклон влево от реакционных путей бисмарковской политики.

Таким образом, канцлерство Каприви приобретало вполне определенный либеральный характер. Либеральный курс, который принял Каприви, был в значительной степени результатом выборов 1890 г. в рейхстаг, принесших поражение правому крылу народного представительства. Как гибкий политик, Каприви не хотел править вопреки ясно выраженному народному настроению и стал искать себе совсем иных друзей, чем Бисмарк в последние годы своего правления. Он постарался привлечь к себе, с одной стороны, центр, число членов которого достигло в новом рейхстаге 106, а с другой — свободомыслящих, увеличивших свою парламентскую фракцию до 66 человек. К свободомыслящим примыкала немецкая народная партия (10 депутатов)¹, к центру — вельфы² (11 депутатов) и поляки (16 депутатов). Свободомыслящих канцлер удовлетворил отказом от протекционной политики и полицейских приемов управления, центру он обещал уступки в школьном деле; мелкие национальные группы (вельфов, поляков и эльзасцев) он привлек к себе тем, что стал относиться с большим доверием к их германскому патриотизму.

Но между новыми союзниками канцлера не было спаянности и единства во взглядах. По многим вопросам они голосовали друг против друга, и канцлеру удавалось сохранять за собой большинство в рейхстаге только довольно искусственными парламентскими комбинациями и часто очень рискованными дипломатическими ходами. В кон-

¹ Южная ветвь партии свободомыслящих.

² Партия ганноверской оппозиции, всегда присоединяющаяся к центру.

це концов, лавируя между партиями и отыскивая компромиссные пути, Каприви запутался в противоречиях и попал в конфликт как раз с теми, на кого первоначально опирался. Особенно резко обнаружились как противоречивость самой политики канцлера, так и невозможность сохранить в согласии те парламентские и общественные круги, на которые он хотел опереться в вопросе о свободе воспитания и мысли. В этом вопросе позиции свободомыслящих и центра было совершенно невозможно примирить: в то время, как первых само название партии обязывало стоять на страже интересов свободного развития личности, второй хотел отдать всю культурную жизнь страны под опеку духовенства. Каприви, нуждаясь в поддержке центра, не нашел для себя возможным бороться с притязаниями духовенства. В начале 1892 г. министра культов, граф фон Зедлиц Трюцшлер внес в прусский ландтаг законопроект относительно школьного преподавания. Им предполагалось, во-первых, разделить народные школы по принципу вероисповеданий. На будущее время смешанные школы не должны были более открываться. Если в какой-либо из школ число иноверных детей превысило бы 60, то для них должна была открываться особая школа. Уже этим делением школ по вероисповеданиям подчеркивалось то значение, какое в школах должно было иметь преподавание религии. Во-вторых, духовенству и церковным обществам отводилось огромное влияние на преподавание. В законопроекте говорилось: «Религиозным преподаванием в народной школе руководят соответственные религиозные общества... Духовное лицо или преподаватель религии, уполномоченные религиозными обществами для руководства религиозным преподавани-

ем, имеют право присутствовать при таком, делать существенные замечания учителю по окончании преподавания и снабжать его соответственными указаниями». Для всех школ учреждались особые конфессиональные дирекции. Все это показывало, что правительство стремилось сделать из религии главный предмет в народной школе и, в сущности, отдать все школьное обучение под надзор духовенства, ибо во многих школах был всего один учитель, который преподавал и религию, и все остальные предметы; и духовный ревизор, делая замечания ему о преподавании религии, едва ли избежал бы искушения подчинить своему контролю и другие стороны преподавания. Поэтому не только свободомыслящие, но и национал-либералы встретили законопроект решительным осуждением. Вождь национал-либералов Беннигсен в своей речи 22 января выразительно подчеркнул единство всех либералов в тех битвах, «в которых речь идет об идеальных благах, а не о материальных интересах». За центром пошли только одни консерваторы. Зато все огромное немецкое общество решительно высказалось против законопроекта. Поднялась целая буря петиций и манифестаций. Университеты и города стали во главе движения. Особенно встревожило всех пришедшее из Рима известие, что иезуиты собрали 7 миллионов с целью основать свои «свободные школы». Сам император, несмотря на то, что придавал большое значение религиозному воспитанию, не захотел идти в этом вопросе вопреки ясно выраженному общественному мнению. 17 марта в заседании коронного совета он заявил, что «нельзя проводить закон с помощью одних только крайних кругов». Таким образом, император выражал свое неодобрение министрам, которые

потрадили много труда на защиту законопроекта в прусском ландтаге. Следствием этого было то, что не только министр культов Зедлиц, но и сам канцлер подали в отставку. Император, однако, не нашел нужным расставаться с Каприви совершенно и, удержав его на посту имперского канцлера, дал ему отставку только в качестве прусского министра-президента. На этом посту Каприви был заменен Эйленбургом. Новый министр-президент уже в конце марта при живейшем одобрении всей левой фракции прусского ландтага заявил, что ввиду протестов, которые вызвал новый законопроект в палате и в стране, правительство отказывается от него. Общественное мнение, таким образом, победило, и Каприви имел случай убедиться, насколько непрочны те искусственные парламентские комбинации, к которым он любил прибегать.

Более прочным оказался союз свободомыслящих и центра в вопросе об увеличении армии; но этот союз обратился как раз против самого канцлера. Культ армии заставлял Вильгельма II не раз требовать от рейхстага новых военных средств, и в этом отношении канцлер, как военный генерал, шел рука об руку со своим императором. Еще в 1891 г. ему удалось провести законопроект об увеличении армии на 18 тысяч человек, но в глазах канцлера и императора этого было слишком мало, и в конце 1892 г. в рейхстаг был внесен новый законопроект, предлагавший увеличить численность армии более чем на 80 тысяч человек (до цифры 492 тысячи по комплекту мирного времени) и ежегодные расходы на армию на 64 миллиона марок (кроме единовременного расхода в 66 миллионов марок); новую цифру военного контингента предлагалось установить на 5 лет вперед (прежде эта

цифра устанавливалась на 7 лет). Чтобы привлечь на свою сторону свободомыслящих, в законопроекте было выражено намерение сократить срок военной службы с трех до двух лет, чего свободомыслящие давно добивались. Но свободомыслящие не пошли на этот компромисс, их вождь Евгений Рихтер заявил, что согласие на новые военные контингенты и кредиты лишило бы их права на звание народной партии. Со свободомыслящими сошелся в данном случае и центр, который не мог простить правительству его отказа от школьного законопроекта. Некоторые члены центра и национал-либералы предложили было компромисс, но и он не удался, и 6 мая 1893 г. весь законопроект был отклонен большинством в 210 голосов против 162, причем к свободомыслящим и центру присоединились, конечно, и социал-демократы. В тот же день указом императора рейхстаг был распущен, и новые выборы назначены на 15 июня.

Правительство не ошиблось в своих расчетах, апеллируя к народу. И консерваторы, и буржуазия в одинаковой мере были напуганы призраком внешней опасности и собрали на выборах все свои силы. Следствием этого был почти полный разгром старой партии свободомыслящих. И раньше часть свободомыслящих была недовольна слишком резкой позицией по отношению к военному законопроекту, которую занял Рихтер; по их мнению, военные требования Каприви не заключали в себе ничего неприемлемого; они полагали, что на них можно бы было и согласиться ввиду уступки канцлера по вопросу о продолжительности службы. Эта группа примирительно настроенных свободомыслящих после роспуска рейхстага заявила о своем выходе из партии и образовала новую партию

под названием «свободомыслящее соединение» (Freisinnige Vereinigung). На новых выборах им удалось получить 13 депутатских мандатов. Оставшаяся верной прежним лозунгам партия свободомыслящих понесла страшный урон и провела в новый рейхстаг только 24 своих депутата. Потерял также 10 депутатских мест и католический центр (число депутатов центра снизилось с 106 до 96). Зато усилились партии, стоявшие за военный законопроект, хотя и не особенно сильно: они получили около 35 новых мест. Этот успех несколько ослаблялся тем, что и социал-демократы увеличили свою парламентскую фракцию на 8 человек. В общем в новом рейхстаге силы делились приблизительно поровну между сторонниками и противниками военного законопроекта. Исход выборов решило то, что небольшая группа поляков (16 депутатов), удовлетворенная примирительной национальной политикой Каприви, стала на сторону правительства, и только благодаря этому усиление армии было принято незначительным большинством (201 против 185 голосов). Хуже для канцлера устроилось дело с финансовым законопроектом, который должен был выделить средства для новых военных расходов. Министр финансов Микель, ловкий карьерист, постепенно эволюционировавший от коммунизма к консерватизму, предложил для этого новые налоги на табак, вино, на некоторые сделки и лотерейные билеты. Эти налоги должны были давать около 100 миллиона марок ежегодно, следовательно, миллионов на 40 больше, чем требовалось на новые военные расходы. Так как у имперского казначейства существовало обязательство по отношению к отдельным государствам, входившим в состав Германской империи, возвращать им излишки матрикулярных взносов, то

эти 40 миллионов Микель и предложил отдавать в пользу отдельных государств; но он предлагал при этом эту цифру в 40 миллионов, подлежащих возврату, фиксировать раз навсегда, что, конечно, должно было стеснить бюджетные права рейхстага при ежегодном определении имперских расходов. К тому же про Микеля ходили слухи, что он в союзе с консерваторами вел вообще кампанию против рейхстага и всеобщего избирательного права. Вследствие этого рейхстаг отверг весь финансовый проект Микеля почти целиком¹, причем большинство образовалось из центра, свободомыслящих, социал-демократов и поляков (апрель 1894 г.).

Таким образом, к исходу четвертого года канцлерства Каприви против него соединились как раз те самые партии, на которые он хотел опираться в начале своей правительственной деятельности, — свободомыслящие и центр. Не привлек он на свою сторону и рабочих, о чем свидетельствовал непрерывный рост социал-демократической партии; даже и поляки, несмотря на благожелательность к ним канцлера, держались по отношению к нему настроенно и не раз голосовали против. Если прибавить к этому, что консерваторы видели в канцлере своего открытого врага и не могли простить ему системы торговых договоров, то ясно будет, что Каприви не имел в рейхстаге никаких прочных сторонников, а временные его союзники готовы были по первому представившемуся поводу изменить ему и перейти в противоположный лагерь. Его политика компромиссов и искусственных партийных согла-

¹ Были приняты только налоги на биржевые сделки и лотерейные билеты.

шений не удовлетворяла никого и привела в конце концов к тому, что он лишился всякой прочной опоры в рейхстаге.

Тем не менее не эта парламентская изоляция была причиной отставки Каприви. Вильгельм II правил уже шесть лет, и за это время его чувствительность к парламентским настроениям, его нежелание вступать в резкие конфликты с общественным мнением успели уже значительно потускнеть. Тот среднелиберальный курс, которого держался Каприви, казался ему теперь уже нарушением старых гогенцоллерновских традиций, и он находил нужным произвести сдвиг вправо. Особенно недоволен он был все усиливавшимся ростом социал-демократической партии, невозможность остановить который он относил на счет неумения Каприви. Император успел уже совершенно разочароваться в социально-политических увлечениях первых лет своего царствования и находил, что от благожелательных отношений к рабочим пора уже перейти к системе твердой власти. К этому его поощряли и крупные промышленники, короли пушечной (Крупп) и каменноугольной (Штумм) промышленности. С Круппом и Штуммом император был в близких личных отношениях, часто запросто с ними беседовал и навещал. Они имели на него бесспорно большое влияние и всеми силами старались настроить его (*scharfmachen*) против социально-политических идей, за что их и стали называть шарфмахерами. На заводах они чувствовали себя настоящими феодалами, следили за политическими взглядами рабочих, требовали от них полной покорности и почтительности и прежде всего, конечно, следили, чтобы среди рабочих не завелись социал-демократы. Материальное положение своих рабочих они обставили довольно хорошо, но, делая это самостоя-

тельно, без принуждения со стороны государства, они хотели, чтобы рабочие чувствовали за это благодарность по отношению к ним самим, а не к государству. Поэтому-то они и держались очень враждебной позиции по отношению к социально-политической деятельности государства и склонны были ставить социальных политиков на одну доску с революционерами и социал-демократами. Особенным их нерасположением пользовался министр торговли Берлепш; Штумм и Крупп ставили ему в вину то, что он распустил рабочих и что под влиянием его идей они потеряли уважение к власти. Утверждения промышленных королей, что социальная политика расшатывает дисциплину среди рабочих и идет на пользу социал-демократии, имели большое влияние на Вильгельма, и под их влиянием он стал заметно охладевать и к Берлепшу, и к Каприви.

Особенное впечатление на Вильгельма произвели два анархических покушения, имевших место в июне 1894 г., — одно на итальянского министра-президента Криспи, а другое на президента французской республики Карно. И Вильгельм II, и консервативная печать, и даже национал-либералы были убеждены в близком родстве между анархизмом и социал-демократией; всех их смешивали под общим именем «бунтовщиков» (Umstürzler), и требования их обуздания находили тогда себе сочувственный отклик в довольно широких кругах, — не только юнкерских, но и бюргерских. «Борьба против Umstürz'a» стала тогда лозунгом времени. Со своей обычной восприимчивостью к боевым лозунгам император в речи на открытии памятника Вильгельму I в Кенигсберге громко призывал депутатов восточно-прусской провинции «на борьбу за рели-

гию, нравственность и порядок против партий Umstürz'a». Но для этой цели мягкий и гуманный Каприви, очевидно, не годился. Зато Эйленбург, консервативный глава прусского министерства, готов был идти на самые крайние меры. На этой почве между ними начались разногласия. Было ясно, что попавшие в непримиримое противоречие министры, не могут оставаться одновременно на своих постах, и император дал отставку им обоим (26 октября 1894 г.). Несмотря на примирительный характер канцлерства Каприви, ни одна из партий не сожалела о его уходе, и он ушел со своего поста, не сопровождаемый ни ненавистью, ни оплакиваниями.

Новым канцлером был назначен наместник Эльзас-Лотарингии князь Хлодвиг Гогенлоэ Шиллингсфюрст. В его же руки была передана и должность председателя прусского совета министров, и, таким образом, руководство и германской, и прусской политикой снова соединилось в одних руках, чтобы уже никогда больше не разъединяться. Новый канцлер был бледной фигурой не только в сравнении с Бисмарком, но и в сравнении с Каприви. Он не обладал ни внутренними, ни внешними достоинствами своих предшественников, плохо говорил свои речи по бумажке, довольно туго усваивал мысли своих противников и не имел никаких убеждений. Старческий возраст (ему было уже 75 лет) еще более ослабил его невысокие природные способности. Но для Вильгельма II Гогенлоэ был ценен в двух отношениях. Во-первых, он как нельзя лучше подходил к роли исполнителя; долгая предшествующая бюрократическая карьера научила его послушанию, и от него нельзя было ожидать ни прямых возражений, ни скрытой оппози-

ции предначертаниям кайзера; Вильгельм II очень ценил его за это. Во-вторых, новый канцлер был католик по вероисповеданию и аристократ по рождению; это делало его близким двум наиболее многочисленным партиям германского рейхстага: аграриям-консерваторам и католическому центру. В дебатах он всегда мог найти общий с членами этих партий язык и пользовался даже личным авторитетом у них. Ввиду того, что император находил нужным произвести сдвиг вправо от умеренного курса политики Каприви, это обстоятельство делало нового канцлера очень удобным для того, чтобы проложить путь к сближению с правой фракцией рейхстага. При Гогенлоэ это сближение правительства с правыми не отличалось еще большей решительностью; общественное мнение, хотя и не в той мере, как при Каприви, продолжало еще сдерживать императора, и часто под его давлением он шел на довольно значительные уступки в сторону либерализма. Гогенлоэ не торопился даже очищать правительство от некоторых министров, придерживавшихся прежнего либерального курса, и они могли довольно значительно сдерживать реакционные стремления императора. Все-таки уже в первый год канцлерства Гогенлоэ должен был уйти в отставку ненавистный Штумму и Круппу прусский министр торговли Берлепш, а осенью 1897 г. и другой сторонник государственного социализма, статс-секретарь по внутренним делам Беттихер. На посту прусского министра внутренних дел появился фон Келлер, завзятый реакционер.

Консервативный курс нового правительства обнаружился прежде всего в представлении рейхстагу (6 декабря) за-

конопроекта против социал-демократов (Umstürzvorlage). Законопроект предлагал пополнить и изменить существовавшие уголовные наказания за подстрекательство солдат и матросов к неповиновению начальству и властям, за восхваление преступлений в печати, за распространение ложных слухов о действиях правительства, за возбуждение вражды между различными классами общества, за «угрожающие общественному миру» нападки на религию, монархию, брак, семью и собственность. Собственно о социал-демократии в законопроекте не говорилось, но для всех было ясно, что имелась ввиду именно она. Вместе с тем для правительства открывалась возможность наложить запрет и вообще на свободу мысли, ибо чего нельзя было включить в широкие рамки наказуемых новым законом проступков? Поэтому в обществе, в печати, в среде ученых и литераторов росло возмущение против законопроекта, посылались коллективные и индивидуальные протесты, — тем более, что впечатление от польских анархических актов успело уже потускнеть. К тому же в самом рейхстаге партии, поддержавшие законопроект, — консерваторы и центр, — относились к нему по-разному. Для консерваторов так же, как и для канцлера, в законопроекте были особенно ценны те параграфы, которые, по заявлению канцлера, «имели отношение к укреплению государственного порядка, государственной власти»; клерикалы, наоборот, в комиссии, обсуждавшей законопроект, в которой они имели большинство, смягчили именно эти параграфы, но зато усилили наказания за нападки на религию, нравственность, церковь и ее учение. В том виде, в каком законопроект вышел из комиссии, он имел малую цен-

ность в глазах самого правительства, которое хотело сделать из него орудие против социал-демократов, но отнюдь не хотело давать центру нового средства для подчинения печати и общества клерикальным целям. В рейхстаге поправки центра к правительственному законопроекту были отклонены; поэтому центр подал свои голоса против всего законопроекта, и он был отклонен подавляющим большинством голосов.

Союз нового канцлера с консервативными кругами не привел, таким образом, на первых порах, ни к каким положительным результатам, но он был все-таки налицо и консерваторы поспешили учесть это обстоятельство в своих интересах. Аграрии снова подняли голову. В феврале 1895 г. в Берлине собрался их орган, «союз сельских хозяев». Излив свое негодование на бывшего канцлера, союз обратился к Гогенлоэ и выразил ему свое «полное доверие». Но даже и Гогенлоэ не мог, сохраняя хоть видимость защиты государственных интересов, исполнить желания аграриев. К тому же он не мог не знать, что в рейхстаге их домогательства все равно не могут иметь успеха. Тем не менее, аграрии почувствовали себя при новом канцлере смелее, чем при прежнем, и Каниц нашел момент подходящим для того, чтобы внести в рейхстаг свой проект снова, подвергнув его переделке. Назначение минимальных цен на хлеб противоречило недавно заключенным торговым договорам с другими странами, и уже по одному этому рейхстаг и правительство не могли принять его. Чтобы сделать свой проект более приемлемым, аграрии согласились на существенную уступку, именно предлагалось допустить повышение цен на хлеб лишь в том случае, если бы они оказались ниже

цен мирового рынка. Но и в таком виде рейхстаг не нашел возможности его принять, и 17 января 1896 г. он был отвергнут в пленуме рейхстага, причем наряду с левой фракцией рейхстага против него голосовал и центр, ибо аграрный законопроект, по мнению лидеров центра, не был построен на христианско-социальной почве. Этот случай еще лишний раз показал, что центр всегда умел сохранить свою самостоятельность и никогда не шел на поводу ни у кого. Его разнообразный в социальном отношении состав всегда давал возможность вступать в самые различные парламентские комбинации, не нарушая существа партии. В его составе было много крупных помещиков из южных и ганноверских дворян, и это придавало ему консервативную окраску и сближало с аграриями; но в то же время он импонировал крестьянству, мелкой буржуазии и даже отчасти рабочим своими демагогическими лозунгами о христианской помощи всем трудящимся и обремененным. Эти лозунги кое к чему и обзывали и не позволяли идти до конца по пути защиты землевладельческих интересов; к тому же среди деятелей церковной партии были и искренние защитники той социально-политической программы, которую император возвестил в начале своего царствования и которая, по их мнению, являлась лишь развитием христианских заповедей. Как раз в первой половине 90-х годов эти деятели получили довольно большой вес в центре, и под их влиянием эта партия подверглась очень заметной демократизации и не нашла возможной для себя защищать аграрные интересы.

Консерваторам решительно не везло. Два главнейшие законопроекта (*Umsütrzvorlage* и проект Каница), кото-

рые они поддерживали, были отвергнуты. Но они не сдавались. На съезде «союза сельских хозяев», имевшем место в феврале 1896 г., была вынесена единогласная резолюция, которая требовала осуществления мыслей Каница, интернационального регулирования валютного вопроса в отношении биметаллизма¹ и биржевой реформы. Не решаясь стать на сторону аграриев в таких конфликтных вопросах, как вопрос о поддержании высоких цен на хлеб авторитетом правительственной власти и вопрос о биметаллизме, правительство решилось пойти аграриям навстречу в вопросе об ограничении свободы биржевой игры. Аграриям были особенно неприятны биржевые спекуляции хлебом, которые переводили в карман биржевиков значительную часть доходов от хлебной торговли, и они требовали подчинения бирж надзору правительственных комиссаров и запрещения сделок на срок с хлебом. В этом смысле правительство изготовило законопроект и, несмотря на все протесты биржевых и купеческих кругов, провело его через рейхстаг (июнь 1896 г.), проявив в этом деле очень большую настойчивость. Радость аграриев была, однако, непродолжительной, потому, что биржевики придумали способ обхода нового закона, и на практике новый закон никакого успеха не имел. Таким образом, для Гогенлоэ при всей его симпатии к аграриям оказалось невозможным что-либо сделать для них. Для того, чтобы идти на

¹ Биметаллизм — денежная система, при которой в качестве меры стоимости служат два валютных металла — золото и серебро, причем монеты из обоих металлов допускаются к обращению на равных правах. — *Прим. ред.*

пролом, вопреки ясно выраженному общественному настроению и парламентским группировкам, ни у него, ни у императора еще не хватало решимости.

Симпатизируя аграриям, Гогенлоэ, однако, отнюдь не отворачивался и от торгово-промышленных кругов. В этом отношении канцлер, более чем в каких-либо других, являлся послушным выразителем мнений самого императора. Как мы уже указывали, император, несмотря на все свои романтические увлечения, унаследовал от деда преклонение пред всем тем, что носило на себе отпечаток действительной силы. А германской индустрии и коммерции конца XIX в. можно было отказать в чем угодно, но только не в силе и влиянии. На них опирались, главным образом, государственные финансы: без содействия промышленности нельзя было как следует вооружить армию, нельзя было создать сильный флот. Все это понимал Вильгельм, и поэтому, хотя его личные симпатии принадлежали далекой старине патриархальных отношений, он не скупился и на знаки монаршего благоволения крупнейшим дельцам промышленности, и на реальную помощь им. Через пять лет после вступления на престол для Вильгельма стало ясно, что нельзя одновременно искать дружбы и у рабочих, и у промышленников; интересы тех и других были несовместимы, и император не особенно долго колебался в своем выборе. Идиллическую мечту о патриархальной власти государя, великодушно охраняющего слабых от эксплуатации сильных, довольно быстро вытеснила забота об обеспечении солидных доходов коммерческим и индустриальным дельцам, и эру социальной политики сменила «эра Штумма и Круппа». Без симпатий рабочего класса император мог

вполне обойтись, хотя это и приносило некоторый ущерб его патриархально-романтической идеологии, но без промышленной энергии и капиталов Круппа, Штумма и К° интересы армии, флота и государственной казны не могли быть удовлетворены. И свою идеологию император без колебаний принес в жертву реальным интересам государственности, — конечно, понимаемой Вильгельмом в специфическом «гогенцоллерновском» смысле.

Поворот спиной к рабочим особенно ярко выразился в знаменитом «каторжном законопроекте» (*Zuchthausvorlage*). В середине 90-х годов. в Германии довольно часто происходили стачки рабочих, имевшие чисто экономический характер и направленные, главным образом, на увлечение заработной платы и улучшение условий работы. Особенно значительные размеры приняла стачка портовых рабочих зимой 1896—1897 гг. Требования, которые ставили рабочие, были довольно скромны и в общем недалеко уходили от того, что сам император признавал несколько лет назад вполне справедливым. Но теперь это стачечное движение вызвало величайшее раздражение со стороны Вильгельма. Особенно раздражали его попытки насильственных воздействий против штрейкбрехеров. С «терроризмом», который применяли забастовщики по отношению к их товарищам, «желающим работать», по мнению императора, надобно было бороться самым решительным образом. В июне 1897 г., осматривая рабочую колонию пастора фон Бодельшвинга, он определил задачи правительства по отношению к рабочим, как «защиту национальной работы всех продуктивных сословий, укрепление здорового среднего класса, решительную борьбу против мятежа (*Umstürz*) и суровое наказание тому, кто осмелится поме-

шать работать людям, желающим работать». А год с небольшим спустя на одном банкете в Эйнгаузе (Вестфалия) император решительно заявил, что его правительство готовит новый закон о наказании каторжной тюрьмой всякого, «кто попытается мешать немецкому рабочему, желающему выполнить свою работу, или будет подстрекать его к забастовке». Заявление императора было очень решительным и вызвало величайшее возбуждение в обществе; оно ясно показывало, что император, в угоду Штумму и Круппу, взял по отношению к рабочим новый курс, совершенно отличающийся от его прежних социально-политических заявлений. Гогенлоэ, как послушный исполнитель, взялся подготовить соответственный новому курсу законопроект. Самой существенной чертой этого законопроекта было усиление наказаний за подстрекательство к забастовке «через телесное принуждение, угрозы, оскорбление чести или лишение честного имени», причем в случае, если забастовка угрожала бы «безопасности империи или какого-либо союзного государства или представляла бы опасность человеческой жизни и собственности», наказание усиливалось до каторжной тюрьмы.

«Каторжный законопроект» был внесен правительством уже в новый рейхстаг, собравшийся осенью 1898 г., после окончания срока полномочий старого. Партийные соотношения в нем немного изменились; центр, национал-либералы и свободомыслящие имели приблизительно прежнее число членов; дюжину мандатов потеряли консерваторы и восемь выиграли социал-демократы (до 56 человек). Новый рейхстаг в общем имел тот же самый облик, что и прежний, хотя в нем и произошел незначитель-

ный сдвиг влево. Поэтому «каторжный законопроект» был обречен в нем на очевидную неудачу. Против него голосовали не только левые партии, но даже национал-либералы и центр, который полагал, что законопроект несовместим с правом коалиции, которым центр, по понятным соображениям, сильно дорожил. За него подали голоса лишь консерваторы, и он был отвергнут даже без передачи в комиссию. И здесь, как и в других случаях, союз консерваторов с правительством потерпел решительную неудачу. Такую же неудачу потерпел и проект, внесенный в прусскую палату депутатов министром внутренних дел Рекке и дававший слишком большую, почти дискреционную власть¹ полиции по отношению к союзам и собраниям. Несмотря на то, что этот закон вносился в либеральном сообществе с другими параграфами, разрешавшими отдельным обществам вступать друг с другом в союзы, ландтаг все-таки отверг его. Тем не менее, его либеральная часть осуществилась, ибо рейхстаг еще до отвержения проекта Рекке принял закон, которым на всем протяжении империи разрешались соединения всякого рода ферейнов, причем законодательные определения отдельных государств, противоречащие новому закону, подлежали уничтожению.

Повернувшись спиной к рабочим, Вильгельм обратился лицом к их антагонистам — представителям крупной промышленности. В числе мер, которые он принял в их пользу, надо прежде всего отметить проведение новых каналов. Оно имело двухстороннее значение, так как со-

¹ Дискреционная власть — право должностного лица или государственного органа действовать по своему усмотрению. —

здавало новые не только торговые, но и стратегические пути, и поэтому император вдвойне ему сочувствовал. Из новых каналов на первом месте надо поставить Кильский канал (названный каналом императора Вильгельма). Открытый 19 июня 1895 г., он соединил Балтийское море с Немецким и, укорачивая торговые пути, в то же время позволял в военное время соединять флот обеих морей, минуя датские нейтральные воды. Вслед за тем были проведены каналы Дортмунд-Эмс и Эльба-Траве. У императора был при этом более обширный план: он имел ввиду связать сетью каналов восток и запад империи, от Рейна до Эльбы. Но этот проект встретил очень решительное противодействие со стороны консерваторов; восточно-пруссские аграрии боялись, что новые пути усилят ввоз иностранного хлеба и создадут нежелательную для них конкуренцию; кроме того, они понимали, что проведение новых водных путей будет содействовать расцвету индустрии германского запада, что вызовет отток сельскохозяйственных рабочих из-за Эльбы на прирейнские и вестфальские фабрики и даст новый толчок к вздорожанию цен на руки сельских рабочих в Восточной Пруссии. Консерваторы подняли настоящую фронду; они мобилизовали все свои силы, и против ассигнования на проведение новых каналов голосовали даже и те из них, которые состояли на государственной службе; сам министр Микель, все более сближавшийся с аграриями, очень двусмысленно защищал правительственный проект и после его речи граф Каниц иронически заявил, что он не знает, говорил ли министр за проект или против него. Император тем не менее был очень настойчив; он готов был даже на полный разрыв с консерваторами

лишь бы добиться ассигнований на водные пути. Здесь, таким образом, ради интересов индустрии и коммерции, он был готов порвать с теми, к кому всегда благоволил. Эта жертва была, однако, напрасной, вместе с консерваторами против ассигнований голосовал и центр, и они были отвергнуты.

Более счастливой была политика благоприятствования индустриальным интересам в области внешней политики. Для немецкой промышленности нужны были новые рынки главным образом в странах слабой (Ближний Восток) и старой (Китай) культуры или же лишенных всякой культуры (Африка). На эти страны и обратил свое внимание Вильгельм в канцлерство Гогенлоэ. Его внешняя политика в это время стала отличаться гораздо большей решительностью, чем при Каприви. Император уже не довольствовался только тем, что Германия заняла первое место в Европе в качестве военной державы. Он стремился доставить ей первенство или, по крайней мере, почетное место и в других частях света. Германия, по его тогдашним представлениям, должна была стать мировой державой; ей нужны были новые колонии, новые сферы влияния, новые моря. То умеренное значение, которое признавали за колониальным движением Бисмарк и Каприви, уже не удовлетворяло теперь Вильгельма; заявления и его самого, и его министров по международным вопросам стали гораздо решительнее и заносчивее, чем прежде. Особенно характерна в этом отношении роль тогдашнего статс-секретаря по иностранным делам Бюлова в рейхстаге 6 декабря 1897 г. «...Мы держимся того мнения, — говорил он, — что вовсе не нужно исключать Германию из соперничества других наций в странах с богатым будущим.

Прошли те времена, когда немец оставлял в распоряжении у одних своих соседей землю, у других — море, а для самого себя оставлял только небо, где восседает на троне чистая доктрина». Это означало, что Германия собирается занять агрессивную позицию не только в одной Европе, но и повсюду, где это окажется возможным. Переводя эти намерения на торжественный язык, принц Генрих Прусский, отправляясь к берегам Китая во главе большой германской эскадры, заявил, что он едет «возвестить на чужбине Евангелие особы его величества как тем, которые хотят ему внимать, как и тем, которые не хотят».

Притязания Германии на мировую роль прежде всего сказались в делах Ближнего Востока. Бисмарк не признавал, как известно, никакой ценности за Ближним Востоком. Известна его часто цитируемая фраза: «Весь восточный вопрос не стоит костей одного померанского гренадера». Он предоставлял полную свободу России и Австрии размежевываться, как они хотят, на Балканском полуострове. От этого полного индифферентизма к ближневосточным делам Вильгельм отказался с самого начала своего царствования, и при его содействии Германский Банк получил еще в 1888 г. концессию на постройку железнодорожной линии в Малую Азию до Ангоры. Когда же этот путь был окончен в 1893 г., то Вильгельм добился предоставления тому же Германскому Банку права продолжить железную дорогу до Кейсариэ. Но и на этом Вильгельм не остановился и стал добиваться для немецких капиталистов концессии на продолжение малоазиатского железнодорожного пути далее в Месопотамию до Багдада и еще далее до самого Персидского залива. Нечего говорить, что индустриальные и

коммерческие круги были живо заинтересованы в осуществлении этого великого железнодорожного пути, открывавшего самые широкие перспективы для германского сбыта. Но здесь Германии пришлось столкнуться с Англией. Железнодорожный путь от Константинополя до Персидского залива грозил заменить собой или, по крайней мере, понизить значение английского морского пути через Суэцкий канал в Индию и Китай. Поэтому английская дипломатия всеми силами старалась помешать осуществлению германского проекта, и Каприви, поддерживавший хорошие отношения с Англией, не особенно на нем настаивал и сдерживал чрезмерную, по его мнению, настойчивость в этом отношении императора. Сам Вильгельм, однако, ни за что не хотел отказаться от своего плана, хотя бы даже и ценой разрыва добрых отношений с Англией. С отставкой Каприви он удвоил свои хлопоты перед султаном о разрешении на постройку дороги, и угодливый Гогенлоэ, конечно, не мог и не хотел оказывать ему в этом никакого противодействия. Чтобы склонить на свою сторону султана, Вильгельм не остановился перед довольно необычным шагом: осенью 1898 г. он предпринял путешествие на Восток, в Константинополь и Иерусалим. В турецкой столице он был с необычайной пышностью принят султаном Абдул-Гамидом, и это должно было выставить на показ всему свету дружбу между Турцией и Германией. В речах, которые Вильгельм произносил в Иерусалиме и Дамаске, он также подчеркивал свое расположение к мусульманскому народу и проявлял всяческое внимание к турецким национальным святыням и преданиям. В результате этого султан стал более уступчив и, несмотря на явное неудоволь-

ствие Англии, дал немецкому обществу капиталистов концессию на проведение багдадской железной дороги (1899 г.). Дело, однако, встретило еще некоторые затруднения, и в конце концов германские капиталисты при постройке багдадской дороги должны были допустить в свою компанию и французских, и дело постройки дороги было передано в руки германско-французского общества. Это произошло уже при преемнике Гогенлоэ — Бюлове.

Постройка дороги от Босфора в глубь Азии по немецкой инициативе и по преимуществу на немецкие деньги отдала почти весь турецкий рынок в руки германского капитала. В то же время Германии удалось расширить свое влияние и еще дальше — на Дальний Восток. Германское правительство воспользовалось ничтожным поводом, — убийством китайцами двух немецких миссионеров — для того, чтобы занять германским флотом бухту Кияо-Чау с городом Цзинтау. Это было в конце 1897 г., а в самом начале 1898 г. Китай должен был по особому договору признать право Германии пользоваться этой бухтой в течение 99 лет на арендных правах. Скоро для Германии представился случай еще более энергично вмешаться в китайские дела. В Китае возникло известное движение «Большого кулака», направленное против иностранцев. В Пекине были осаждены все европейские посольства, и на выручку их державы отправили соединенную армию, во главе которой был поставлен германский главнокомандующий — граф Вальдерзее. Вальдерзее прибыл в Китай уже при преемнике Гогенлоэ, и до его прибытия китайское восстание было уже, в сущности, подавлено ранее прибывшими туда русскими и японски-

ми войсками, так что для деятельности германского фельдмаршала оставалось уже небольшое поле. Да и самое влияние Германии на Китай встречало сильное соперничество со стороны Японии и Соединенных Штатов, и потому, конечно, о таком глубоком внедрении немецкого капитала в экономическую жизнь Дальнего Востока, как это имело место в Турции, не могло быть и речи. Более существенного успеха удалось достигнуть Германии в дальневосточных водах покупкой у Испании Марианских и Каролинских островов и приобретением части Самоанских островов (1899 г.).

Что касается Африки, то новых приобретений Германии при Гогенлоэ там сделать не удалось, но зато Германия решительно отказалась от своей прежней уступчивости по отношению к расширению в Африке английского влияния. Германия помешала Англии получить от Конго небольшую полосу земли, которую Конго соглашалось отдать в пользу Англии, и не позволила Англии соединить Египет с Капландом железной дорогой через германскую территорию. А в 1896 г. Вильгельм нашумел своей сочувственной телеграммой президенту Трансваальской республики по поводу набега на нее английского авантюриста Джемсона. Ввиду того, что предприятие Джемсона пользовалось большим сочувствием в Англии, телеграмма Вильгельма была новым поводом к возникновению неудовольствий между Германией и Англией.

Колониальная политика, на путь которой Германия вступила при Гогенлоэ, требовала, конечно, и больших морских сил: заморские владения нуждались в военной охране, которая могла быть подана лишь при помощи флота. Поэтому Гогенлоэ должен был обратиться к рей-

хстагу за морскими кредитами. До 1898 г. германский флот был очень слаб. Но в 1898 г. по настоянию Гогенлоэ рейхстаг при поддержке центра принял новую судостроительную программу, по которой в ближайшие шесть лет предполагалось завести довольно сильный броненосный флот (предполагалось построить 19 броненосцев, 8 береговых крейсеров и 42 крейсера), но и этого оказалось мало, и в 1890 г. число предполагавшихся к постройке военных судов было увеличено почти вдвое (38 броненосцев, 14 больших и 38 малых крейсеров). Начиналась эпоха маринизма, а Англия, которая всегда ревниво относилась к своему морскому могуществу, теперь с величайшей подозрительностью стала смотреть на рост германского флота. Вообще дружбе между Германией и Англией, налаженной при Каприви, теперь приходил конец, и отношения между ними все более расстраивались. Германия начинала вторгаться как раз в те области, которые Англия считала своим главным уделом — моря и колонии. Ни к расширению колониальных владений Германии, грозившему английской торговле, ни к усилению германского флота, создававшего соперника английскому могуществу на морях, Англия не могла относиться равнодушно, и на новые стремления Германии она смотрела со все более возраставшей враждой.

Из других сторон правительственной деятельности при Гогенлоэ надо отметить меры к укреплению государственной власти Германии и расширению прав общегерманских властей и учреждений, — отчасти с некоторым ущербом правам и властям отдельных германских государств. Это было продолжением старой, начавшейся уже в первые годы после создания Германской империи тенденции. Сюда

прежде всего надо отнести создание общеимперского гражданского кодекса (bürgerliches Gesetzbuch). Работа над ним началась уже давно, еще с 1874 г.; в комиссиях, выработавших его, работали лучшие юристы Германии. Наконец, в начале 1897 г. проект общеимперского гражданского кодекса был представлен рейхстагу; там еще около полугода шла горячая борьба между представителями разных юридических точек зрения, и наконец 1 июля 1896 г. кодекс был принят. Теперь новое звено скрепило цепи германского единства, и партикуляристическим стремлениям был нанесен новый удар. Гражданский кодекс должен был вступить в силу с 1 января 1900 г.

Через год после этого (7 апреля 1897 г.) был принят и новый общеимперский торговый кодекс, а еще через год (май 1898 г.) и новый закон о военно-уголовном судопроизводстве. Железнодорожное дело также сделало еще один шаг на пути к объединению: гессенские железные дороги по особой конвенции соединились с прусскими, образовав единую железнодорожную сеть (1896 г.). Наконец, к тому же укреплению общеимперской государственной власти надо отнести и увеличение имперского бюджета; доходы государственной казны, главным образом в связи с ростом германской промышленности и торговли, значительно увеличились, и теперь имперские финансы почти совершенно освобождались от зависимости от отдельных немецких государств.

Последние годы правления Гогенлоэ были отмечены резким столкновением почти всех партий рейхстага с центром. Могущество этой партии все яснее вырисовывалось. И при Каприви, и при Гогенлоэ почти всегда бывало так, что все, поддерживавшееся ею в рейхстаге, при-

нималось, все, не признававшееся ею, отвергалось. Между прочим морская программа могла быть осуществлена только при содействии центра. Но это чрезмерное могущество центра должно было вызвать против себя и оппозицию. Сила клерикалов становилась опасной для светской культуры, и на притязание центра подчинить ее клерикальному контролю рейхстаг ответил резким отказом. Весной 1890 г. правительство внесло в рейхстаг законопроект, который был направлен против разврата и сводничества (т.н. lex Heinze). Рейхстаг готов был принять этот законопроект, но центр воспользовался поводом, чтобы путем поправок к нему установить контроль над художественными произведениями и театральными представлениями с точки зрения их соответствия «чувству стыдливости и нравственности». Консерваторы стали на сторону этих поправок, но в обществе поднялась против них агитация. Общество увидело в поправках угрозу против свободы художественного творчества; целый ряд писателей, ученых и правоведов выступил с резкими протестами. Образовалось даже целое общество, «гетевский союз», со специальной целью защищать искусство, подвергнувшееся опасности со стороны фарисеев и тартюфов. В результате этой общественной агитации рейхстаг, в котором уже готово было образоваться большинство в пользу принятия поправок центра, в конце концов отверг их, хотя сам законопроект и был принят (22 мая 1900 г.).

Вскоре после этого Гогенлоэ ушел в отставку. Между ним и императором не было расхождений по принципиальным вопросам, ибо канцлер во всем послушно исполнял волю императора. Поэтому отставка его носила

иной характер, чем отставки Бисмарка и Каприви, возникшие по принципиальным мотивам. Новый канцлер оказался неудобным не потому, что имел самостоятельные взгляды, не сходящиеся со взглядами императора (как это было с его предшественниками), а просто потому, что был уже слишком стар и дряхл для того, чтобы служить исполнителем политики императора, делавшейся все более энергичной и во внутренних, и во внешних вопросах. Он сделал свое дело, сблизив императора с консервативными кругами, от которых правительство отошло при Каприви, и теперь Вильгельм уже более не нуждался в его услугах. Ему нужны были более энергичные и молодые люди, чем дряхлый канцлер, которому было уже более 80 лет. Вслед за Гогенлоэ в отставку ушел и наиболее видный и талантливый представитель его министерства — Микель. Ему было поставлено в вину двойственное поведение во время обсуждения законопроекта о водных путях (канале между Западной и Восточной Германией), который он в угоду аграриям не особенно энергично защищал, и он ушел через полгода вслед за своим принципалом (5 мая 1891 г.).

Преемником Гогенлоэ был назначен 17 октября 1900 г. Бернгард фон Бюлов. По способностям он стоял гораздо выше Гогенлоэ. Это был человек талантливый, наделенный выдающимся даром слова, «трудоспособный, с яснохолодным взглядом на вещи. На ораторской трибуне он чувствовал себя превосходно, и даже заведомо слабые и плохо укрепленные позиции встречали в нем яркого и остроумного защитника. Но у него не было твердых убеждений, и он стремился постоянно лавировать между партиями, не раздражая ни одной из них и держась,

как он любил говорить, «по средней линии». Политическую гибкость, граничащую с беспринципностью, он пытался далее возвести в теорию, и в своей книге о политических и общественных настроениях Германии за последнее десятилетие он доказывал, что «никакое правительство не может долго работать с одним и тем же составом большинства»¹. «Если задать министрам вопрос, — писал он в другом месте, — какую партийную платформу они поддерживают, то большинство из них будет в затруднении, что ответить на подобный вопрос». Однако при всей своей гибкости Бюлов обнаруживал в своей политике вполне определенное стремление к защите аграрных интересов. Он находил, что земледелие было до сих пор пасынком правительства и что если правительство не примет мер к его защите, то «ему угрожает пасть под молотом промышленности и быть раздавленным». Но вместе с тем Бюлов остерегался становиться на точку зрения крайних аграриев вроде графа Капица и поддерживал только умеренные притязания восточно-прусских юнкеров, не слишком противоречащие интересам крупной промышленности. От слишком тесного сближения с аграриями его спасал парламентский такт и гибкость его политической программы. Да и император не допустил бы слишком резкого нарушения интересов промышленности. Для Вильгельма в сущности была одинаково дорога связь как с юнкерами, создававшими удобную почву для применения его патриархально-феодалных идей, так и с королями промышленности, обслуживавшими армию и флот и облегчавшими пути для коло-

¹ Б. фон Бюлов. Державная Германия, 1915 г.

ниальных захватов. И если он позволял канцлеру несколько перегибать палку германской политики в пользу аграриев, то только потому, что и сам находил нужным, после блестящего расцвета немецкой промышленности, дать некоторые компенсации и землевладельческим кругам, доходы которых в то время далеко не были так велики, как доходы промышленников. Это не значит, однако, что личная самостоятельность четвертого германского канцлера была совершенно ничтожной. Наоборот, Бюлов при всей покладистости своего характера во многих отношениях умел подчинять императора своему влиянию и после Бисмарка был самым самостоятельным из всех германских канцлеров. Режиму личного управления, который практиковал Вильгельм, он, конечно, не мог положить конца, — этого не мог сделать даже и Бисмарк, — но в 1900—1909 гг. на всех мероприятиях германского правительства лежала довольно яркая печать личности Бюлова, и этой печати не могли смыть никакие энергичные выступления императора.

Кроме консерваторов-аграриев вторым союзником Бюлова (в первую половину его канцлерства) был центр. Таким образом, в начале правления Бюлова создавалось то же самое парламентское положение, какое было и при Гогенлоэ: правительство опиралось (или хотело опираться) на клерикально-консервативный блок, причем и теперь, как и прежде, между обеими составными частями этого блока далеко не всегда существовало согласие. Когда центр в октябре 1900 г. внес в рейхстаг проект о веротерпимости (*Toleranzantrag*), разрешавший религиозным обществам полную свободу пропаганды и культа и открывавший католическим организациям новые возможности

для влияния на светское общество, то против этого законопроекта подали свои голоса не только свободомыслящие и национал-либералы, но и консерваторы, и проект был отвергнут. Так как в течение 1900 г. это была уже вторая крупная неудача клерикалов (первая — поправка к Lex Heinze), то центр был раздражен, и возникала опасность, что он окончательно отвернется и от консерваторов, и от правительства. Тогда Бюлов решил доставить ему удовольствие в виде отмены закона об иезуитах, по которому ордену иезуитов запрещался доступ на германскую территорию. В этом случае положение Бюлова было довольно трудным, так как ему приходилось побеждать противодействие самого императора и других протестантских государей, продолжавших смотреть на деятельность иезуитов, как на большую опасность для государства. Что касается рейхстага, то он не разделял опасений Вильгельма и не был склонен особенно преувеличивать иезуитскую опасность. Еще при Каприви (в 1893 г.) в рейхстаге прошел закон об отмене стеснений для иезуитов, но ввиду противодействия этому закону со стороны императора и некоторых других германских государей союзный совет отверг его. Теперь Бюлов употребил все усилия, чтобы побороть сопротивление императора, и это ему удалось. Вильгельм сдался, однако, не окончательно: он согласился только на то, чтобы иезуиты не изгонялись из прежних мест их поселения; но статья, запрещавшая новые иезуитские поселения, должна была остаться, по его мнению, в полной силе. Такого рода предложение и было внесено Бюловым в союзный совет от имени Пруссии, и после целого ряда проволочек весной 1904 г. оно и было принято. Этой сравнительно незначительной клерикальной ус-

тупки оказалось достаточно, чтобы расположить в пользу правительства депутатов центра. Гораздо более требовательными оказались консерваторы. Они требовали для себя очень существенных привелегий и прежде всего таких, которые бы влили в их карманы новые денежные доходы. Удобный случай для этого представлял пересмотр заключенных при Каприви либеральных торговых договоров. В свое время землевладельцы изливали потоки бурного негодования на либерального канцлера, не позаботившегося при определении тарифов на ввозной хлеб оградить их от иноземной конкуренции. Теперь, когда срок торговых договоров подходил к концу (этот конец наступал для различных стран между 1903 г. и 1906 г.), юнкера решили вознаградить себя за прошлое. «Союз сельских хозяев» повел усиленную агитацию за повышение таможенных ставок и на первых порах потребовал таких повышений на тариф, что даже Бюлов, заявивший уже в рейхстаге, что он «одушевлен желанием» улучшить «тяжелые условия, в которых оказалось сельское хозяйство», нашел нужным умерить их аппетит. Однако и то, что предложил Бюлов в пользу аграриев, могло удовлетворить самые взыскательные требования: пошлины на важнейшие сорта хлеба поднимались почти вдвое, на мясо — вдвое, на живых быков — почти втрое. В обществе новый тариф получил название ростовщического; а рабочие, на которых дорогие цены на хлеб должны были особенно тяжело отозваться, увидели в нем прямой вызов себе. В демократической печати встречались такие фразы: «Этот таможенный тариф есть тревожный призыв к немецкому народу, на который огромное большинство его может дать только один ответ: на баррикады!».

Тем не менее в рейхстаге, куда проект новых таможенных ставок был внесен в 1892 г., ему было обеспечено большинство: прирученный Бюловым центр был заодно с консерваторами, и кроме того, на сторону этого консервативно-клерикального блока стали и национал-либералы. Их Бюлов привлек на свою сторону тем, что предложил повысить ставки не только на предметы сельского хозяйства, но и на некоторые продукты горнозаводской и фабричной промышленности, хотя далеко и не в том размере и объеме, как на хлеб, мясо и скот. Против повышенных тарифов были одни только социал-демократы и свободомыслящие, да еще небольшая кучка «сверхагариев», требовавших еще более высоких ставок. Социал-демократы попробовали прибегнуть к обструкции; тогда большинство, в нарушение парламентских обычаев и даже наказа, чтобы положить конец обструкции, решило голосовать за весь законопроект о новых тарифах не по частям, а целиком, и 14 декабря 1902 г. он был принят большинством: 202 голоса против 100. Чтобы удовлетворить до некоторой степени демократические элементы общества (которые, как мы видели, были и в центре), центр, вслед за принятием законопроекта, предложил некоторые излишки от доходов с таможенных пошлин обратить на страхование вдов и сирот. Рейхстаг принял предложение центра, но излишков оказалось так мало, что страховые премии пришлось назначить в совершенно ничтожных размерах, и демократические элементы даже и центра (не говоря уже о левых партиях) не могли чувствовать себя хоть сколько-нибудь удовлетворенными.

Повышенные ставки на ввозные продукты были приняты, но оставалось еще оформить их в новых торговых

договорах с чужеземными государствами. Это и было сделано в промежуток между 1904 г. и 1907 г. Легче всего было добиться согласия на новые тарифы со стороны России. Повышенные пошлины на наш ввозной хлеб принесли нам убытки в размере 13 миллионов ежегодно; но у нас была тогда война с Японией, приходилось заботиться о германском нейтралитете, и это заставляло Россию быть особенно уступчивой. Договор с ней был заключен 28 июля 1904 г. В конце того же года были подписаны договоры с Румынией, Болгарией, Италией, Швейцарией и Сербией, а в начале 1905 г. — с Австро-Венгрией. Труднее всего было поладить с Соединенными Штатами, которые не менее России были заинтересованы в вывозе в Германию избытков своего хлеба. Однако ценой повышения ставок на вывозимые из Германии фабричные продукты удалось добиться и их согласия. Договор с ними был заключен позже всего — в 1907 г. Аграрии, отгородившиеся теперь от всего мира почти запретительными пошлинами, праздновали победу по всей линии.

Приблизительно в то же время им удалось добиться еще одной важной уступки со стороны императора. Вильгельм еще не отказывался от своего старого проекта соединить водным путем восток и запад Пруссии, и над консерваторами продолжала висеть опасность сооружения ненавистного им «Средиземного канала» (*Mittellandkanal*), как он тогда назывался. Чтобы удовлетворить одновременно и императора, и аграриев, Бюлов пошел на компромисс. По его поручению новый министр Рейнбабен, занявший место Микеля, не отказываясь окончательно от проекта водного пути, представил его, однако, рейхстагу в приемлемом для аграриев виде: по этому новому проекту канал

должен был пройти лишь по западной половине Пруссии, кончая Ганновером и не доходя до Эльбы. Однако консерваторы приняли и этот проект с довольно кислой миной; хотя он и не создавал теперь нового пути для ввоза иностранного хлеба в цитадель немецкого юнкерства — заэльбскую Пруссию, но все же содействовал дальнейшему расцвету западно-прусской промышленности и, следовательно, косвенным своим результатом должен был иметь отток восточных сельскохозяйственных рабочих в фабричные прирейнские округа. Закон о канале прошел через ландтаг в начале 1905 г.

Финансовая политика при Бюлове также была довольно ярко окрашена благожелательностью по отношению к консерваторам и вообще к властимущим. Усиленное развитие маринизма и милитаризма требовало все новых и новых налогов, и Бюлов ясно сознавал необходимость финансовых реформ, которые бы усилили поступления в имперскую казну. Но он проявил при этом очень большую осторожность и бережливость по отношению к доходам аграриев; в тех же случаях, когда он и решался хотя бы в слабой степени затронуть их имущественные интересы, консерваторы при помощи клерикалов всегда сами умели дать отпор канцлеру, а на решительную борьбу с ними, которая обязывала бы сблизиться с более левыми партиями рейхстага, ни он, ни император не хотели идти. При Бюлове было проведено три финансовые реформы. Первая реформа, проведенная в 1904 г., в сущности не создавала новых источников дохода, но вводила более определенное разделение косвенных налогов между имперским казначейством и казначействами отдельных государств; одни налоги шли целиком в пользу

империи, другие — также целиком в пользу местных государств; матрикулярные взносы при этом все-таки сохранялись. Гораздо больше новых ресурсов в пользу имперской казны предоставила вторая реформа, проведенная в 1906 г. Бюлов внес в рейхстаг проект новых налогов на целых 254 миллиона. Почти половина новых налогов (110 млн.) приходилась на предметы постоянного народного потребления (пиво, табак и папиросы); 72 миллиона приходилось на гербовый сбор и 72 миллиона — на налог на наследство. Только последний налог затрагивал интересы властимущих классов, да и то далеко не во всех случаях, так как этот налог нужно было платить только в тех случаях, когда наследниками являлись дальние родственники или даже совсем не родственники; близкие родственники при переходе к ним наследства ничего не должны были платить. Тем не менее консервативно-клерикальное большинство встретило этот проект очень недружелюбно, и в рейхстаге налог на наследство был сокращен на треть — до 48 миллионов. Всего же рейхстаг сократил количество требуемых с него налогов на 70 миллионов, т. е. до общей суммы в 180 миллионов. Но и за эту сокращенную сумму новых налогов Бюлов должен был дать рейхстагу компенсацию — ввести вознаграждение для депутатов рейхстага. Смысл безвозмездности депутатского звания заключался в том, чтобы не пускать в депутаты людей неимущих; безвозмездность была направлена, главным образом, против социал-демократов; но рабочие уже давно оплачивали своих депутатов из партийной кассы, и потому Бюлов с легким сердцем пошел на эту уступку рейхстагу. Труднее было убедить императора, которому была всегда противна мысль, что в роли законода-

телей могут оказаться полунищие люди. Но в конце концов и он сдался. Депутатам было, однако, назначено очень небольшое вознаграждение, в 3000 марок ежегодно, притом с вычетами по 20 марок за отсутствие во время именованного голосования.

Разрешенных 180 миллионов марок не хватало для ежегодно увеличивавшихся имперских расходов, и в 1908 г. Бюлов внес проект третьей реформы, повышавшей налоги еще на 472 миллиона марок. В это время обстоятельства изменились, и консервативно-клерикальный блок распался; вместо него Бюлов опирался на либерально-консервативное большинство, и он думал, что временное содружество с либералами заставит консерваторов быть более уступчивыми в вопросе о пошлинах на наследство. Поэтому предложенная к взысканию сумма наследственных пошлин равнялась 92 миллионам, причем должны были подвергнуться обложению за получаемые наследства уже не одни дальние родственники, но и близкие, даже дети и супруги. Хотя большинство остальных вновь вводимых налогов, количество которых достигало общей суммы 472 миллиона, приходилось на предметы потребления широких народных масс, консерваторы тем не менее взбунтовались. Они ни за что не хотели огорчать «плачущих сирот, вдов и вдовцов» высокими налогами на переходящие к ним наследства и неожиданно для канцлера изменили с таким трудом налаженному им консервативно-либеральному блоку, снова вернувшись к близкому их сердцу клерикальному центру. В союзе с клерикалами они проваляли налог на наследства, переделав его в налог на денежные бумаги; огорченный Бюлов не снес этой измены консерваторов и подал в отставку (25 июня 1909 г.). Ос-

тавшиеся из вновь вводимых налогов были также подвергнуты переделке в желательном для возродившегося консервативно-клерикального блока смысле; из проекта Бюлова исчезли налоги на электричество, газ, которыми не пользовались широкие народные круги; налог на вино упал с 20 миллионов до 5 миллионов. Зато появились новые налоги на такие необходимые для народа предметы, как чай, кофе (37 миллионов) и спички (25 миллионов). В этом измененном виде финансовая реформа была проведена уже при преемнике Бюлова и должна была дать имперской казне новых 453 миллиона марок. Весь этот новый налог пал главной своей частью на трудящиеся слои населения; властимущие классы, и особенно аграрии, почти совсем ими не были затронуты.

Склонность к аграриям является одной стороной деятельности Бюлова. Другая сторона ее — это крайне агрессивный тон по отношению к инородцам, особенно к полякам. Гонения на поляков были давним фактом германской политики. Уже Бисмарк был очень энергичным германизатором; особенно усилились гонения на них в последнее пятилетие его канцлерства. Бисмарк ставил целью истребить польское землевладение в восточных областях, и для этого он провел в 1886 г. в прусском ландтаге закон о выкупе государством земель у поляков, для чего была основана особая колонизационная комиссия, и в ее распоряжение было дано 100 миллионов марок. При Каприви, как мы видели, гнет против поляков ослабел, но немедленно вслед за его отставкой снова начались гонения на них. Уже в 1894 г. три немецких «культуртрегера» Ганземан, Кеннеман и Тидеман основали в Познани «Общество для покровительства не-

мецкому влиянию в восточных провинциях» (названное по начальным буквам их фамилий обществом гака- тистов); общество стало быстро расширяться и уже че- рез десять лет насчитывало более 400 отделений и бо- лее 40 тысяч членов. В члены общества записывались, главным образом, немецкие купцы и помещики, кото- рые следили на местах за всякого рода успехами поля- ков в области производства, торговли или сельского хо- зяйства и обо всем замеченном доносили прусской ад- министрации. В то же время развивалась и деятель- ность основанной Бисмарком колонизационной комис- сии; в 1898 г. ей уже не хватило прежде ассигнованной сотни миллионов, и потребовалось вторичное ассигно- вание новых ста миллионов. Несмотря на большие зат- раты, деятельность комиссии не была особенно успеш- ной. Поляки очень неохотно продавали ей свои земли, и в ее руки попадали лишь неплодородные, заброшен- ные, обремененные долгами земельные участки, да и то за очень высокую цену — раза в три выше рыноч- ной; однако и такой земли оказалось недостаточно, и колонизационной комиссии приходилось покупать зем- ли даже не у поляков, а у немцев. В то же время подни- мавшееся польское бюргерство довольно удачно кон- курировало и в торгово-промышленной области с не- мецкими купцами и промышленниками. Все это побу- дило Бюлова приняться с удвоенной энергией за герма- низацию заселенных поляками прусских областей (По- знани, Силезии, Западной и отчасти Восточной Прус- сии). Из всех германских канцлеров он оказался в этом отношении самым ревностным, причем, проводя свою германизаторскую политику, он особенно любил под-

черкивать свою верность традициям дома Гогенцоллернов, который, по его словам, был всегда «неустанным и бдительным, но в то же время храбрым и решительным охранителем германских границ». В своей книге Бюлов решительно указывает на обязанность правительства «делать все зависящее для того, чтобы сохранить и усилить германскую национальность в бывших польских владениях» и «следить за тем, чтобы германцы не были вытеснены поляками из восточной части Германии». Для этой цели он не жалел денежных средств: в 1902 г. в распоряжение колонизационной комиссии было представлено еще 150 миллионов марок, в 1908 г. было ассигновано 321 миллион марок вообще на борьбу с польской национальностью. Но и здесь результат не оправдал ожиданий: поляки не только почти перестали продавать свои земли колонизационной комиссии, но и сами занялись скупкой немецких земель. В течение 1904—1905 гг. они скупили земель на 31 тысячу гектаров больше, чем продали. Ввиду этого Бюлов прибегнул к еще более решительным мерам: в 1904 г. он провел через прусский ландтаг закон, по которому при всякой покупке земли в Познани и Западной Пруссии нужно было испрашивать разрешения властей; конечно, оно охотно давалось немцам и крайне неохотно — полякам. В 1908 г. через ландтаг прошел новый закон, которым правительству было предоставлено право в пределах определенной земельной площади производить в известных случаях и принудительное отчуждение польских земель. Нужно, однако, заметить, что хотя закон и прошел, но правительство долгое время не решалось производить принудительного отчуждения земель в

польских провинциях, и первый такой опыт был произведен лишь в 1913 г. О практическом значении последнего закона поэтому пока еще преждевременно судить. Зато закон 1904 г. возымел действие, и польское землевладение почти перестало увеличиваться; но оно и не уменьшалось, так как поляки по-прежнему отказывались продавать свои земли немцам, и дело колонизации немцами польских провинций, несмотря на большие средства, затраченные на это (с 1886 г. по 1910 г. более 650 миллионов марок), надо признать в конечном итоге неудачным.

Не многим более удачной была и культурная германизация Польши. В Польше усиленно насаждались немецкие школы; польский язык был запрещен как язык преподавания; даже Закон Божий должен был преподаваться на немецком языке. Польские общества, польская пресса подвергались всякого рода преследованиям. В 1908 г. правительство предложило рейхстагу законопроект, которым предполагалось запретить в общественных собраниях произнесение речей не на немецком языке: однако рейхстаг нашел, что это чрезмерное требование, и законопроект был изменен: запрещение должно было касаться публичных речей только в тех местностях, где «инородческое» население не превышало 60% общего числа жителей. Поляки, однако, очень энергично отстаивали свою самостоятельность, и дело не раз доходило до острых столкновений между местными властями и польским населением. В 1906—1907 гг. возникла даже школьная забастовка, и множество детей, конечно, с согласия своих родителей отказались посещать школы. Для защиты своих прав на национальное воспитание польская мо-

лодежь стала образовывать союзы самообразования и просвещения. В Познани, западной Пруссии и Силезии возникло бойкотистское движение, направленное не только против немецких купцов и промышленников, но и против немецкой интеллигенции (адвокатов, учителей, докторов). Вместе с тем в этих провинциях процент польского населения не падает, а из года в год возрастает (это объясняется, главным образом, большей плодовитостью польского крестьянского населения в сравнении с немецким). Ввиду всего этого ни культурное, ни хозяйственное подавление поляков немцами пока еще не имеет места.

Кроме поляков, правительство Бюлова с большой подозрительностью относилось еще к датчанам и евреям. Правительственное недоверие к ним, однако, не достигало такой остроты, как по отношению к полякам; гонения на евреев не шли дальше устранения их из офицерства, дипломатической службы и администрации, и крайние требования немецких антисемитов не пользовались большим сочувствием правительства. Что же касается эльзасцев, то правительство, остерегаясь их тяготения к Франции, держалось по отношению к ним довольно примирительно; в 1902 г. был даже отменен закон, по которому в некоторых случаях наместник мог получать диктаторские полномочия. Правительство имело ввиду как бы приручить эльзасцев, добиться их дружбы, но, конечно, уничтожить их тяготение к Франции оно не могло.

В общем направлении политики Бюлова огромную роль сыграли внешние отношения. С самого же начала своего канцлерства Бюлов принял крайне агрессивный тон. В своей книге он объяснял эту агрессивность тем,

что «ввиду беспокойства и разочарованности, охвативших Германию в течение первых десяти лет после ухода Бисмарка, на общественное мнение возможно было оказать давление, только играя на струнах национализма и будя в народе самосознание». Не позволять, чтобы Германии кто-нибудь посмел наступить на ногу, не допускать разрешения каких-либо, даже не имеющих прямого отношения к интересам Германии вопросов без ее участия и вмешательства — вот что стало теперь лозунгом всей внешней политики Бюлова. Благодаря этому в международных отношениях Германии при Бюлове вопросы самолюбия заняли первостепенное место, часто даже вопреки здравому пониманию реальных выгод немецкой нации. В этом заключалась коренная разница между Бюловым и Бисмарком. Бисмарк был реальным политиком в точном и прямом значении этого слова и никогда бы не допустил, чтобы амбициозное понимание национальной чести в чем бы то ни было могло повредить прочности международного положения в Германии и ее добрым отношениям к тем державам, с которыми, по его мнению, Германии было выгодно дружить. Для Бюлова, а также и для самого Вильгельма на первом плане стояла забота о том, чтобы имя немца было грозно во всем свете, чтобы никто «не дерзнул хотя бы только бросить косою взгляд на немца»¹, и эта заносчивость нередко только вредила Германии и ссорила ее с теми, с кем ей не было выгодно ссориться. С «реальной политикой» такое преувеличенное понимание национальной чести имело довольно мало общего, и реалистически настроенный

¹ Из речи Вильгельма к отправлявшимся в Китай солдатам.

Бисмарк, несомненно, осудил бы многие из устрашительных проявлений политики Бюлова. Стоит только вспомнить хотя бы то, как он обошелся в 1866 г. с побежденной Австрией.

Невыгодность для Германии устрашительных приемов Бюлова сказалась прежде всего при ликвидации китайского восстания. После подавления китайского восстания (1901 г.) Вильгельм потребовал, чтобы китайцы принесли ему извинения в оскорбительной для национального достоинства китайцев форме; глава китайского «извинительного» посольства, брат китайского императора принц Чун должен был трижды поклониться сидевшему на троне Вильгельму и в унижительных выражениях произнести слова извинения. Следствием этого было то, что китайцы главную тяжесть своего вынужденного унижения возложили на Германию и к немецким культуртрегерам, приехавшим в Китай, они относились с большей неприязнью, чем к пришельцам других наций. Немецкие купцы, которым приходилось иметь дело с китайскими покупателями, теперь очень остро испытывали на себе неудобства этой китайской неприязни. Другой раз устрашительная политика привела к конфликту с реальными выгодами нации при подавлении восстания южноафриканского племени гереро. Это маленькое племя жило в германской юго-западной колонии; немецкие власти и купцы подвергали его самой жестокой эксплуатации; в начале 1904 г. оно, наконец, не вынесло, и восстало. Сначала Бюлов отправил против повстанцев только небольшой отряд, но в скором времени его пришлось увеличить до 17 тысяч солдат. К концу года к гереро присоединились еще и готтентоты под предводительством своего

вождя, 80-летнего фанатика Гендрика Витбоа. Германскому корпусу не стоило большого труда подавить восстание гереро. Подавление сопровождалось крайне жестокими мерами. Немецкие солдаты с огнем и мечом прошли через маленькую страну и уничтожили более $\frac{2}{3}$ его населения; из 60 тысяч жителей там осталось всего 18 тысяч. К концу 1905 г. восстание гереро было подавлено. Несколькими больше времени потребовало подавление готтентотского восстания. Оно было закончено к 1907 г. с такой жестокостью, как и усмирение гереро. Для германских купцов и промышленников эти жестокости имели довольно печальный результат. Южная Африка изобиловала большими рудными богатствами, но зато страдала от недостатка людей. Белые шли туда неохотно, а местное население было слишком немногочисленно. Поэтому-то немецкие капиталисты и предприниматели отнюдь не имели оснований благодарить германские власти за опустошительность их усмирительных приемов. Недостаток рабочих рук, который и прежде был замечен, теперь стал чувствоваться особенно остро.

Главную роль в международных отношениях Германии при Бюлове занимало прогрессирующее ухудшение ее отношений с Англией. Агрессивный тон политики Бюлова, его притязания на моря, заботы об усилении флота, необычайно быстрое развитие германской торговли и промышленности, которая начинала успешно конкурировать с английской индустрией даже в пределах самой Англии, не говоря уже о других странах — все это заставляло англичан смотреть все с большей и большей тревогой и враждой на соперничающую с ними державу. Разрыв произошел, однако, не сразу, и в са-

мые первые годы XX в. Англия еще считала своим главным врагом не Германию, а Россию. Когда выяснились русские притязания на Маньчжурию, то, чтобы положить конец расширению русского влияния на Дальнем Востоке, Англия искала даже поддержки Германии; но Бюлов неожиданно для Англии заявил (март 1901 г.), что Германия не заинтересована в маньчжурских делах; Англия была оскорблена, так как увидела в этом отказ Германии от совместного противодействия русским планам относительно Китая. Тем не менее в следующем 1902 г. Германии и Англии пришлось совместно выступать против маленькой американской республики Венесуэлы, отказавшейся возместить убытки немецких и английских фирм, пострадавших во время тамошних беспрестанных междоусобных войн. Венесуэла была подвергнута блокаде и уступила под совместным давлением Англии и Германии. Однако отношения между двумя державами продолжали ухудшаться. Особенно способствовало этому начавшееся в самые первые годы XX в. сближение между Францией и Англией. В 1903—1904 гг. между ними даже были заключены формальные соглашения, по которым они обязывались передавать спорные вопросы на рассмотрение гаагского суда и разграничивали сферы своего влияния в колониях. Этот переход на сторону Англии заклятого врага Германии, конечно, не мог способствовать улучшению отношений между ними. К этому прибавилось еще и то обстоятельство, что после русско-японской войны значительно улучшились отношения Англии и России; исход войны положил конец русским честолюбивым планам на Дальнем Востоке, и Англия избавилась от необходимости

искать в Германии союзника для противодействия этим планам. Со своей стороны и Франция воспользовалась положением друга обеих еще недавно враждовавших держав — Англии и России — для того, чтобы сблизить их друг с другом. Ее старания принесли плоды, и во второй половине 1900-х годов Германии пришлось считаться с крайне неприятным для нее переходом Англии на сторону ее врагов — Франции и России¹. Вильгельм не мог скрыть своего раздражения по поводу этого и, по своей привычке открыто выражать свои настроения, излил свое неудовольствие против Англии в нашумевшем интервью с сотрудником английской газеты «Daily Telegraph», имевшем место в 1908 г. Разговор императора с английским журналистом начался словами: «Вы, англичане, попросту ошалели! Что за подозрения, совершенно недостойные великой нации?» За этим неожиданным выпадом следовали резкие упреки в адрес англичан в том, что они подозревают германского императора в скрытой вражде и боятся его агрессивной политики. Император с большим жаром доказывал, что ничего подобного нет, что он, наоборот, всегда искал дружбы с Англией; и в увлечении он сделал такие заявления, которые еще более ухудшили отношения этих двух стран; он сказал: «Большая часть низшего и среднего класса моего народа не питает к Англии особенно дружеских чувств: значит, остается меньшинство, то меньшинство, которое меня слышит, состоящее, правда, из

¹ Соглашение между Англией и Россией, разграничивавшее сферы влияния этих держав в Персии, Афганистане и Тибете, было подписано 31 августа 1907 г.

лучших элементов; но ведь и в Англии только меньшинство хорошо относится к Германии». Это заявление, конечно, не могло не показаться обидным англичанам, которых отнюдь не могло успокоить то обстоятельство, что только меньшинство германского народа, вкуче с Вильгельмом, относится к ним благожелательно. В интервью был еще ряд других неосторожных заявлений¹, и оно подняло настоящую бурю и за границей, и в Германии. В обществе и в прессе упрекали Вильгельма в том, что он своими личными заявлениями ссорит Германию с другими державами, что все его поведение носит такой характер, как будто бы он — не конституционный, а абсолютный монарх, ведущий международную политику Германии на свой страх и риск. В газетах с негодованием спрашивали, как канцлер, несущий на себе ответственность за внешнюю политику Германии, мог допустить то обстоятельство, что речь оказалась опубликованной. Чтобы реабилитировать императора, Бюлов взял всю вину на себя и заявил, что англичанин, интервьюировавший императора, спрашивал у императора

¹ Император приглашал англичан «подумать» об успехах Японии и о «национальном пробуждении Китая» и намекал, что может наступить время, когда «Англия сама будет счастлива иметь германский флот на своей стороне». Кроме того, он выболтал, что во время англо-бурской войны он, «с помощью статистических данных», которые ему были представлены, «наметил план военной кампании и телеграфом сообщил его в Англию». Этими заявлениями он задевал одновременно и Японию, и Китай, и буров, и Голландию, которая держала сторону буров во время войны.

разрешения опубликовать его интервью, а император спросил заключения его, канцлера; но он, канцлер, сам статьи не имел времени прочитать и положился на своих чиновников, которые не возражали против публикации интервью. Только после появления в печати канцлер прочитал его и, найдя, что его не следовало бы печатать и виня во всем одного себя, подал в отставку; но император отказался ее принять. Это явно несостоятельное, придуманное объяснение никого не удовлетворило, и канцлеру пришлось иметь очень неприятные объяснения в рейхстаге. Оправдывая императора, канцлер всячески старался смягчить остроту его заявлений; что же было самым важным в его речи — это обещание, данное за Вильгельма, что в будущем император станет соблюдать даже в частных беседах известную осторожность, необходимую для единства нашей политики и престижа короны. «Если же этого не будет, — прибавил канцлер, — то и я, и мои преемники вынуждены будем отказаться от всякой ответственности». Император одобрил заявление своего канцлера и два года после того не выступал ни с какими личными заявлениями. Но весь эпизод с интервью оставил в Англии очень неприятное впечатление, и отношения между нею и Германией были окончательно расстроены. Обострились также и отношения Германии и Франции. Столкновение между ними произошло из-за так называемого мароккского вопроса. Мадридская конвенция 1880 г. и соглашение 1887 г. гарантировали почти всем державам Европы права наибольшего благоприятствования в Марокко. Этим была недовольна Франция, которая издавна претендовала на то, чтобы Марокко осталось в

сфере ее исключительного влияния, и всеми силами старалась изменить в свою пользу международные соглашения относительно Марокко. Долгое время ее старания оставались безуспешными, но в начале 1900-х годов положение дел изменилось: Италия в это время заявила свои притязания на Триполи; Франция согласилась предоставить ей там свободу действий, в обмен за что сама получила свободу действий в Марокко (1902 г.). Затем по упомянутому уже соглашению с Англией 1904 г., разграничивавшему английские и французские сферы влияния в колониях, и Англия заключила с Францией сепаратный договор относительно Марокко, которым Англия предоставляла право Франции произвести в Марокко целый ряд реформ военного, экономического, финансового и административного характера, за что англичане получали свободу действий в Египте. Таким образом, Италия и Англия развязывали Франции руки по отношению к Марокко. Германия, однако, ни за что не хотела допустить, чтобы Марокко подпало под власть Франции. Ей придало смелости то обстоятельство, что Россия только что потерпела неудачу в войне с Японией, и не могла в то время никак помочь Франции. Вильгельм захотел показать, что он не хочет считаться с франко-английским соглашением 1904 г. и по-прежнему считает Марокко свободным государством. Высадившись в апреле 1905 г. во время прогулки по Средиземному морю в Танжере, он в своем обращении к дяде султана назвал последнего «независимым государем» и заявил, что надеется на равное участие всех наций в торговле с Марокко «без каких-либо монополий и исключений». Вслед за тем Бюлов предложил созвать меж-

дународную конференцию по поводу марокканского вопроса и настоял на своем требовании, хотя Франция сначала этому и противилась¹. Конференция собралась в начале 1906 г. в Алжесирасе, но ее результаты не оправдали германских ожиданий. На конференции Францию поддержали не только Россия и Англия, но и Соединенные Штаты, Италия и Испания. На стороне Германии оказалась только одна Австрия; конференция одобрила почти все французские преобразования в Марокко, и Германии пришлось отступить во всех существенных пунктах. Через три года после этого (9 февраля 1909 г.) между Германией и Францией был заключен особый договор по марокканским делам, по которому Германия признавала, что у Франции есть особые интересы в Марокко, и обещала не противодействовать им; Франция же согласилась признать независимость Марокко и хозяйственное равноправие всех держав в этом султанате. Особое положение Франции в Марокко было признано самой Германией, и это была несомненная победа Франции.

Зато в 1908 г. Германия сумела взять реванш за уступки в марокканском вопросе на Балканском полуострове. В этом году Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину. Несмотря на то, что Англия, Франция и Россия сначала были против аннексии, Австро-Венгрии удалось удержать свое новое приобретение, и этим она была всецело обязана Германии. Германия не

¹ Министр иностранных дел Делькассе, не соглашавшийся на конференцию, вынужден был подать в отставку и был заменен более уступчивым по отношению к Германии Рувье.

остановилась даже перед угрозой войны России, которая в то время к войне не была готова и не могла ее принять. Аннексия Боснии и Герцеговины была успехом не только для Австро-Венгрии, но и для Германии: она прокладывала новый путь немецкого влияния на Балканах и наглядно демонстрировала слабость России в защите славянских интересов на Ближнем Востоке.

Воинствующая политика Бюлова требовала все новых и новых кредитов. Несколько раз за время его канцлерства Германия находилась на рубеже, за которым должны были уже начаться военные действия. Вся внешняя политика Бюлова была построена на том, что Германия должна быть каждый час готова к войне. Война могла вспыхнуть с Францией из-за Марокко, с Россией — из-за балканских дел и даже с Англией — из-за широких колониальных стремлений Германии.

Нужда в новых военных кредитах росла почти беспрерывно; осенью 1905 г. правительство предложило новый закон об усилении флота, и он был принят весной 1906 г. Но этого оказалось мало, и Бюлов внес в рейхстаг проект новой судостроительной программы, ускорявший строительство уже разрешенных судов и увеличивающий водоизмещение для строившихся броненосцев.

Ввиду этого Бюлову нужно было создать для себя и соответствующее большинство в рейхстаге, всегда готовое на новые кредиты в пользу армии и флота. До 1906 г. он опирался на блок из консерваторов и центра. Но центр был очень ненадежным союзником для воинствующей политики. Клерикалы не были кровно заинтересованы во внешних успехах Германии, часто противодействовали агрессивным планам Бюлова и за каждую свою

уступку в этой области требовали соответственных компенсаций, часто очень обременительных для правительства. Тогда Бюлов решил расстаться с клерикалами. Последним толчком, заставившим канцлера решиться на разрыв, было нежелание центра дать кредиты в требуемом правительством размере для окончательного подавления готтентотского восстания. Разногласие не было особенно существенным (правительство требовало 29 миллионов, а центр соглашался только на 20 миллионов), и при некоторой настойчивости канцлера вопрос можно было бы уладить, но Бюлову надоела постоянная неуступчивость клерикалов и вечная необходимость торговаться с ними из-за пустяков, и он решил от них отделаться. Рейхстаг, голосовавший против колониальных кредитов, был распущен (декабрь 1906 г.), и канцлер стал искать новых друзей вместо клерикалов. Такими, как ему казалось, удобнее всего могли быть либералы с присоединением к ним национал-либералов и свободомыслящих. Идея сильной Германии приобрела в XX в. над их умами гораздо большую власть, чем над умами клерикалов, и начиная с 1900-х годов, широкие военные и морские законопроекты канцлера перестали вызывать с их стороны оппозицию. В то же время их объединял с консерваторами страх перед все растущим социал-демократическим движением (выборы 1903 г. увеличили число социал-демократических депутатов с 56 до 81). Этой боязни перед социал-демократами да кое-каких незначительных уступок в либеральном духе Бюлову казалось вполне достаточно для того, чтобы привлечь и правую, и левую фракцию немецкого либерализма на свою сторону. На первых порах события оправдали ожидания канцлера;

национал-либералы и свободомыслящие соглашались действовать совместно с консерваторами против социал-демократов, и идея консервативно-либерального блока получила осуществление. На выборах 1907 г. против социал-демократов объединились все партии (кроме центра), и они потерпели страшное, небывалое для них поражение: число депутатов сократилось почти вдвое (с 81 до 43), и большинство утраченных ими мандатов разделилось почти поровну между партиями, вошедшими во вновь образовавшийся блок. Зато центр ничего не потерял и сохранил прежнее число депутатов.

Консервативно либеральный блок не мог быть долговечным; между консерваторами и либералами было мало общего по вопросам внутренней политики, несмотря на их общую ненависть к социал-демократам и на общую готовность приносить жертвы на алтарь милитаризма и маринизма. По второстепенным вопросам они еще могли договориться и действовать сообща; к числу таких второстепенных законопроектов, проведенных блоком совместно, относится ограничение наказуемости оскорбления величества только теми случаями, когда налицо имеется заведомая предумышленность, и отмена некоторых из ограничений биржевой игры, принятых законом 1896 г. Более важное значение имело принятие (1908 г.) уже упомянутого морского законопроекта, ускорившего судостроение, и особенно принятие общеимперского закона об обществах, собраниях и союзах (1907 г.). Этот закон носил явно компромиссный характер, и в некоторых отношениях либералы пошли на него, лишь скрепя сердце. Мы уже видели, что он ухудшил положение поляков, установив обязательное употребление немецко-

го языка на собраниях в тех местностях, где число «иностранцев» не достигает 60% общей численности населения. Ухудшил он также права собраний и в южных государствах Германии (Вюртемберг, Баден, Бавария), где местное законодательство было проникнуто в этом отношении довольно либеральными тенденциями. Зато в отсталых государствах севера (Пруссии, Саксонии) законопроект ввел некоторые улучшения, допустив участие женщин в политических собраниях и отменив требование предоставлять полиции списки членов союзов.

Договорившись по второстепенным вопросам, консерваторы и либералы, однако, решительно не могли прийти к соглашению по проблемам, которым они придавали большое значение. Первым был вопрос о реформе избирательного права в Пруссии. Старый избирательный закон, изданный еще королем Фридрихом Вильгельмом IV в 1849 г., был уродлив даже для своего времени, а теперь, в начале XX в., был уже решительно архаическим пережитком старых времен. Особенное раздражение вызывал он среди рабочих, которые не могли провести в прусский ландтаг ни одного своего кандидата, хотя на выборах 1903 г. они собрали более 300 тысяч голосов, — почти столько же, сколько консерваторы, получившие в ландтаге 143 депутатских мандата! Уродливость прусского избирательного закона вызывала раздражение не в одной только Пруссии, но и во всей Германии, потому что Пруссия, как самое большое германское государство, оказывала большое влияние и на общегерманскую политику; существует выражение, что «узел германской реакции завязан в прусском ландтаге». Брожение в пользу прусской избирательной реформы существовало уже давно, но осо-

бенный толчок оно получило после русских событий 1905 г. В Берлине стали происходить уличные демонстрации (январь 1906 г.) с сотнями тысяч участников, главным образом, конечно, рабочих. Либеральная буржуазия пошла другим путем. Она надеялась добиться своего путем парламентской реформы, и в апреле 1906 г. национал-либералы внесли в ландтаг проект избирательной реформы. Проект, однако, был отвергнут консерваторами при содействии Бюлова. В следующие годы, однако, парламентская позиция либералов стала прочнее. Союз, который организовал Бюлов в 1907 г. между консерваторами и либералами в рейхстаге, обязывал его сделать кое-что и для либеральной половины ландтага. Перед выборами 1907 г. Бюлов даже прямо обещал либералам изменить избирательный закон в Пруссии. Но когда выборы прошли и при содействии либералов были разбиты социал-демократы, канцлер не выказал никакого намерения исполнять свое обещание. Тогда о нем ему решили напомнить свободомыслящие ландтага; в январе 1908 г. они внесли в прусскую палату соответственную интерпелляцию. Ответ Бюлова был, в сущности, не чем иным, как отказом от принятого им на себя обязательства. Канцлер заявил, что для правительства неприемлема широкая избирательная реформа, и единственно, на что оно может согласиться, — это на некоторые частичные изменения, например на предоставление избирательных прав лицам, окончившим курс средней школы, достигшим 25-летнего возраста или занимающимся либеральными профессиями, кроме, конечно, тех, кто имел и имущественный ценз; при этом, по мысли Бюлова, лица, имеющие несколько цензов (возрастной, образовательный, профессиональный, имуще-

ственный), должны были получить и несколько избирательных голосов при выборах (множественные вотумы). Такого рода реформа не могла удовлетворить не только социал-демократов, но и либералов. Социал-демократы снова устроили большую уличную демонстрацию (12 января 1908 г.) в Берлине, которая окончилась кровавым столкновением с полицией. Свободомыслящие также заняли довольно непримиримую позицию по отношению к канцлеру. Как раз в начале XX в. в южных немецких государствах осуществилось то, чего они добивались для Пруссии, — было проведено всеобщее избирательное право (в Бадене в 1904 г., в Баварии и Вюртемберге в 1907 г.); и сознание, что Пруссия далеко опередившая Южную Германию по своим образовательным и индустриальным силам, обладала, однако, крайне отсталым государственным строем, было особенно неприятно для образованной буржуазии. За Бюловым продолжали стоять консерваторы, но либералы от него отвернулись, и это было началом распада консервативно-либерального блока. Уже на выборах 1908 г. в прусский ландтаг свободомыслящие заключили союз с социал-демократами, и следствием этого было то, что впервые в прусскую палату прошли представители рабочего пролетариата (в количестве шести человек).

Окончательный удар организованному Бюловым соглашению между либералами и консерваторами нанес правительственный законопроект о финансовой реформе, внесенный Бюловым в рейхстаг в 1908 г. Бюлов придавал законопроекту очень большое значение, но, как мы видели, консерваторы отказались пойти и на ту маленькую уступку, которой требовал от них канцлер в

виде налогов на наследства. При голосовании за этот налог обнаружилось давнишнее естественное тяготение друг к другу клерикалов и консерваторов, и консервативно-клерикальным большинством против всей левой половины рейхстага налог на наследства был отклонен. Консервативно-либеральный блок после этого окончательно распался, и это было концом и для политической карьеры самого Бюлова. Возвращаться к союзу с клерикалами он не захотел; это был бы уже поход в Каноссу, и идти на это канцлеру не позволило его самолюбие. Продолжать опираться одновременно и на консерваторов, и на либералов, как показал опыт, также оказалось невозможным, и канцлер предпочел уйти в отставку (1909 г.). Многие авторы, писавшие о Бюлове, видят в этом последнем шаге четвертого немецкого канцлера вполне парламентарный акт¹. Бюлов остался в меньшинстве и подал в отставку. Так поступил бы всякий парламентарный министр. Мы думаем, однако, что отставка Бюлова носила парламентарный характер только внешне, а не по существу. Да, Бюлов ушел после того, как большинство рейхстага высказалось против предложенного им законопроекта: но это большинство состояло из клерикалов и консерваторов, и в его составе надо искать причины парламентской чувствительности канцлера. Если бы против канцлера сложилось большинство из либералов и социал-демократов, то, нисколько не рискуя впасть в ошибку, можно, наверное, сказать, что он предпочел бы распустить рейхстаг, чем уйти в отставку, или даже стал бы править

¹ Andre Tardieu. Prince de Bülow, 1910.

страной вопреки парламентскому большинству. Но перенести измену консерваторов, к которым он всегда благоволил, по отношению к которым он обнаруживал большую заботу, он не смог и ушел, как бы наказывая своих недавних друзей за нежелание сделать для него хотя бы маленькую уступку.

Наказание, однако, оказалось не особенно чувствительным. Новым канцлером стал Теобальд Бетман-Гольвег, чиновник по своей прежней карьере и консерватор по убеждениям. Это был человек без больших способностей и без ораторского таланта; в глазах Вильгельма он имел, однако, большую ценность благодаря своей почти безграничной угодливости и нежеланию в чем бы то ни было сдерживать и умерять императора. После довольно яркой фигуры Бюлова он оказался почти пустым местом в канцлерском кресле. Личные выступления императора, которые было прекратились после бури, вызванной опубликованием интервью Вильгельма с корреспондентом «Daily Telegraph», при нем начались снова. Исполняя обещание, данное за него Бюловым, император молчал только два года. 21 августа 1910 г. он снова вызвал всеобщее удивление своею речью, произнесенной на банкете в Кенигсберге. Предавшись историческим воспоминаниям, Вильгельм заявил, что его дед «возложил на себя собственной властью корону короля Пруссии, показав еще раз вполне определенно, что она дарована ему только Божьей милостью, а не решением парламентов, национальных собраний или плебисцитов». Вспомнив затем о добродетелях прусской королевы Луизы и поставив ее в пример всем немецким

женщинам, император закончил свою речь таким абсолютистским заявлением: «Считая себя орудием в руках Всевышнего и глубоко равнодушный к взглядам и мнениям текущего дня, я следую своей дорогой, посвященной исключительно благоденствию и мирному развитию отечества». Эти абсолютистские заявления Вильгельма вызвали в печати и парламенте почти такое же раздражение, как и имевшее место два года тому назад интервью с английским корреспондентом, но отношение Бетман-Гольвега к ним было иным, чем отношение Бюлова. В 1908 г. Бюлов, давая свои объяснения в рейхстаге, в сущности признал, хотя и в очень осторожной форме, что император никаких личных заявлений не должен делать, и признал свою вину перед рейхстагом в том, что он, Бюлов, пропустил через свою канцелярскую цензуру опубликование личных мнений императора. Бетман-Гольвег поступил иначе. Никакой вины ни за императором, ни за собой, допустившим опубликование кенигсбергской речи Вильгельма, он не признал. В рейхстаге он сказал, что конституция германской империи не препятствует делать императору такие заявления, которые вытекают из его глубоких религиозных убеждений, тем более, что эти убеждения «понимают и разделяют многие классы нации». «Несколько веков, — продолжал канцлер, — создавалось прусское королевство и создавалось не прусским народом, а трудами великих монархов династии Гогенцоллернов, которым мы обязаны единением сначала прусской нации, а затем и прусского государства, чему способствовала стойкость и способность населения. Прусская конституция в своем историческом

развитии не знает концепций суверенитета народа. Вот почему прусские короли перед своим народом являются королями своею собственной властью...»

Далеко не все члены рейхстага (особенно социал-демократы) согласились с аргументацией канцлера, но зато император был вполне удовлетворен. Заявления Бетман-Гольвега находились в полном согласии с его самыми задушевными, неоднократно выражавшимися им самим убеждениями, и он имел все основания быть более довольным своим новым покладистым канцлером, чем Бюловым, который заставлял его выслушивать нотации о неудобстве личной политики.

Вслед за Бюловым император поспешил отделаться и от некоторых других имперских и прусских министров, которые были слишком самостоятельны и авторитетны. Раньше всех ушел статс-секретарь колоний Дернбург; у него были большие заслуги в колониальных делах (проведение железных дорог в Африке, нахождение алмазных копей в Юго-Западной Африке и др.), но у него были на все свои взгляды, и его самостоятельность, наконец, надоела императору. За ним ушли прусские министры — внутренних дел фон Мольтке, замененный обер-президентом Силезии фон Дальвицем, — земледелия — Арним, замененный бароном Шорлемером, — и финансов — фон Рейнбабен, замененный магдебургским обер-бургомистром фон Ленце; ушел также и статс-секретарь по иностранным делам барон фон Шен, на место которого был назначен бухарестский посланник фон Кидерлен Вехтер. Эта смена министров не имела, в сущности, политического значения, ибо и старые, и новые мини-

стры принадлежали к одному и тому же консервативному лагерю. Разница была только в том, что за новые министры пользовались авторитетом ни в общественных, ни даже в бюрократических кругах, и они обещали быть более послушными, чем прежние, вполне под стать новому канцлеру.

Помимо угодливости, вторым достоинством нового канцлера в глазах Вильгельма было его нежелание делать существенные уступки либерализму. Бюлов ушел потому, что при всей искренности своего консерватизма он в последние годы правления стал искать дружбы у либералов и на этой почве не поладил с консерваторами, не хотевшими идти ни на какие уступки. Бетман-Гольвег более решительно, чем его предшественник, порвал с либералами, хотя подчас и не отказывался от игры в показной либерализм. Но этот разрыв с либералами обязывал его вернуться опять к союзу с клерикалами, что он и не замедлил сделать. Консервативно-клерикальный блок при нем снова возродился и, несмотря на временно возникавшие разногласия с клерикалами, продержался вплоть до начала великой войны, сразу перевернувшей все партийные отношения в Германии.

Ввиду необходимости опираться на клерикалов и консерваторов, большинство попыток реформ имело при Бетмант-Гольвеге крайне нерешительный и слабый характер. На первое место здесь надо поставить попытку реформы прусского избирательного права. Общественное мнение очень настойчиво продолжало требовать изменения трехклассного избирательного закона, и канцлер нашел нужным сделать вид, что правительство идет в этом отношении навстречу обществу. В 1910 г. он внес в ландтаг про-

ект избирательной реформы, который носил такой недостаточный и жалкий вид, что никого не мог удовлетворить¹. Социал-демократы пришли в возмущение и устроили грандиозную демонстрацию в Тиргартене, в которой приняли участие сотни тысяч человек. По их мнению, проект правительства был насмешкой над требованиями общества и не давал решительно ничего для низших классов. Национал-либералы были также недовольны и находили, что необходимо дополнить правительственный проект перекойкой заново избирательных округов, уничтожением или, по крайней мере, ослаблением трехклассной системы и введением тайного голосования. Наоборот, консерваторы находили, что правительственный проект идет на слишком большие уступки обществу. Особенно неприятно было для них предполагаемое правительством введение прямых выборов. Они заключили союз с центром и так переделали правительственный законопроект, что он вышел из ландтага в совершенно неузнаваемом виде. Палата господ, однако, опять значительно приблизила его к правительственной редакции, но когда законопроект вернулся в ландтаг, то консервативно-клерикальный блок обнаружил твердое намерение настаивать на всех своих пер-

¹ Проект сохранял принцип открытого голосования и трехклассную систему, но принимал начало прямых выборов и ослаблял плутократические принципы; именно, если избиратель платит более 5000 марок налогов, при определении его избирательных прав перевес сверх 5000 марок уже не принимался во внимание; зато известное образование и участие в общественной деятельности повышали его избирательные права и содействовали передвижению в высший класс.

воначальных поправках. Тогда канцлер взял весь законопроект обратно. Вступать в борьбу с теми партиями, которые составляли главную опору всей его политики, у него не было никакого желания. В сущности, вся история с избирательной реформой была не чем иным, как своего рода политической игрой с обществом: канцлер почти наверняка знал, что его проект не встретит сочувствия в прусской палате и будет отвергнут, но, выступая в качестве реформатора прусского избирательного права, он этим самым привлекал к себе сочувствие средних общественных классов, готовых многое простить ему за его якобы добрые намерения. Выходило так, что, ничего не изменяя в прусском государственном строе, он вместе с тем снимал с себя клеймо непримиримого консерватора и сторонника юнкерских идеалов. Проект избирательной реформы был похоронен после этого на долгое время¹.

Одной из самых существенных мер, проведенных в канцлерство Бетман-Гольвега, было введение конституции в Эльзас-Лотарингии. Внешне эта мера имела довольно яркий либеральный характер, но канцлер, давая свое согласие на эльзас-лотарингскую конституцию, руководствовался соображениями, не имеющими ничего общего с либерализмом. Во-первых, ему нужно было снискать дружбу католического центра. В Эльзас-Лотарингии $\frac{3}{4}$ населения были католиками и, демонстрируя свое доверие к

¹ Только во время первой мировой войны император возвестил реформу прусского государственного строя, признав, что основанное на исторической традиции государственное управление Пруссии перестало соответствовать современным социально-экономическим условиям.

католической стране, канцлер совершал действие, очень приятное для клерикалов. Во-вторых, канцлер ставил цель привлечь к себе эльзасцев на случай враждебного столкновения с Францией. Война с ней была уже в 1911 г. далеко не одной только теоретической возможностью¹, и иметь во время этой войны сочувственно расположенное к Франции население внутри Германии, в ее собственной провинции было, конечно, очень опасно. Канцлер понимал, что убить франкофильское настроение в Эльзас-Лотарингии можно только большими уступками в ее пользу, и этим, главным образом, и объясняется его конституционная уступчивость по отношению к эльзасцам; как бы то ни было, в 1911 г. Эльзас-Лотарингия получила конституцию. По этой конституции в ней вводились две палаты: нижняя, выбиравшаяся на основе всеобщего, прямого и тайного (но не равного²) голосования, и верхняя, наполовину назначавшаяся императором и наполовину замещавшаяся высшими духовными и светскими должностными лицами провинции и выборными от университетов, больших городов, от торговых и промышленных камер и сельскохозяйственного совета. Конституция, однако, оставила наместника Эльзас-Лотарингии в прежнем безответственном положении, и грубость прусской администрации, а особенно нестерпимо заносчивое поведение офицеров и солдат продолжали возбуждать неудовольствие местного населения³. Нижняя

¹ См. выше о марокканском вопросе.

² Конституция установила двойные вотумы для лиц старше 35 лет и тройные для лиц, перешагнувших 45-летний возраст.

³ Особенное негодование вызвало поведение в городе Даберве прусского лейтенанта барона фон Форстнера.

палата, выбранная на основе всеобщего избирательного права, уже в 1912 г. выразила недоверие правительству. Это страшно рассердило императора, который надеялся прочно привязать к себе эльзасцев введением областной конституции. По своей всегдашней невоздержанности в словах, он, приехав в Страсбург, грозно заявил городскому голове, что если дело будет так продолжаться, то «мы просто отменим вашу конституцию и присоединим вас к Пруссии». Слова императора, не могли, конечно, иметь никакого реального значения, так как без согласия рейхстага он не мог своей властью отнять однажды данные эльзасцам права, но они ясно показывали, что до мира между германским правительством и эльзас-лотарингским ландтагом было еще далеко.

Проект избирательной реформы в Пруссии (хотя и неудавшейся) и эльзас-лотарингская конституция носили, по крайней мере внешне, характер уступки общественному мнению. Зато во всем остальном Бетман-Гольвег принял вполне определенный консервативный курс. Это было тем труднее, что после выборов 1912 г. соотношение сил в рейхстаге изменилось в явно неблагоприятную для правительства сторону. Центр потерял 11 мест, консерваторы — 12, свободные консерваторы — тоже 12, национал-либералы — 8; зато очень усилились социал-демократы, число депутатов которых с 46 увеличилось до 110. Теперь левая половина рейхстага (причисляя к ней и национал-либералов) имела некоторый перевес над правой, хотя и очень ничтожный — всего в 4 голоса. Этим своим перевесом либералы воспользовались прежде всего для того, чтобы увеличить права рейхстага. В наказ рейхстага были включены две новые статьи, по которым рейхстаг полу-

чал право, во-первых, признавать ответы канцлера на запросы рейхстага неудовлетворительными (по предложению 30 членов рейхстага), а во-вторых, ставить канцлеру разного рода *вопросы* по делам внутренней и внешней политики. Под видом изменения наказа рейхстаг, в сущности, вводил изменение конституции, и германское правительство в лице имперского статс-секретаря по внутренним делам Дельбрюка выразило резкий протест против этого; министры и члены союзного совета даже покинули зал заседаний рейхстага. Ввиду такого отношения правительства к принятым изменениям наказа вотумы недоверия со стороны рейхстага получили только моральное значение и не влекли за собой никаких реальных следствий. Правительство их открыто игнорировало, но и рейхстаг вел себя довольно независимо по отношению к правительству, причем бывали случаи довольно острых столкновений между ними¹.

Стоя на страже правительственных интересов, канцлер в то же время довольно ревниво поддерживал то первенствующее положение, которого достигли в немецком обществе аграрии при его предшественниках, и старательно охранял их имущественный права от всяких посягательств. В 1911—1912 гг. рейхстаг принял предложенные правительством новые увеличения армии и флота; особенно много

¹ В 1912 г. социал-демократ Зюдекум напомнил, что во время марокканского столкновения умеренно-консервативная газета «Post» назвала императора трусом. Канцлер потребовал от президента рейхстага, чтобы тот призвал оратора к порядку, но президент резко ответил: «Это мне решать, что он вправе говорить; он свободен высказывать мысли, не ему принадлежащие, а вот когда он объявит их своими, я вмешаюсь».

расходов требовала реформа флота, предусматривавшая создание третьей морской эскадры и большого количества подводных лодок. На квинквинат 1912—1917 гг. требовалось более миллиарда марок. Для покрытия этих расходов левая половина рейхстага предложила (1912 г.) вернуться к проекту наследственных пошлин, на введении которых недавно настаивал Бюлов. Консерваторы, однако, восстали против этого проекта с той же энергией, как и три года тому назад, но новый канцлер поступил иначе, чем его предшественник. Он уступил аграриям и даже заставил уйти в отставку статс-секретаря по финансам Вермута, который имел мужество настаивать на наследственных пошлинах. Вермут был заменен более угодным для аграриев министром Кюном, и проект пошлин на наследства был похоронен. В другой раз канцлер поддержал аграриев в вопросе о повышении цен на мясо осенью 1912 г. Чтобы ослабить это подорожание, национал-либералы, свободомыслящие и клерикалы потребовали в рейхстаге снижения ввозных пошлин на скот, мясо и кормовые средства. Канцлер, однако, энергично встал на защиту интересов юнкеров, поставлявших из своих имений на рынки убойный скот, и решительно воспротивился всякому понижению таможенных пошлин.

Благоприятствующая аграриям политика нового канцлера находила живейшее одобрение у императора. В 1913 г. он не нашел несовместимым со званием главы государства выступить в качестве рядового члена помещичьего класса; как бы афишируя свою принадлежность к аграриям, он прочитал в этом году доклад в обществе сельских хозяев и сообщил своим сочленам по профессии, какими мерами он поднимал доходность одного из своих имений. Между прочим император рассказал о том, как он «вы-

швырнул» с арендованной земли до истечения срока контракта одного арендатора, «оказавшегося, по его словам, никуда негодным». Слушатели высокого докладчика были необычайно довольны его рассказом и горячо благодарили за интересное сообщение. Но суд взглянул на это дело иначе и отказал императору в иске о выселении не понравившегося ему арендатора на том основании, что еще не истек оговоренный в контракте срок аренды.

С клерикалами канцлер жил не так мирно, как с консерваторами. Центр был слишком требователен в глазах Бетман-Гольвега, и ему не раз приходилось вступать с ним в борьбу. Закон 1872 г. запрещал иезуитам преподавательскую и религиозную деятельность, но в 1911 г. баварское министерство разрешило иезуитам вести в церквях беседы на религиозные темы. Бавария как католическая страна всегда тяготела к сближению с римской курией, но рейхстаг увидел в уступчивости баварского правительства по отношению к иезуитам нарушение имперского закона, и в нем был сделан запрос канцлеру. Клерикалы подняли брошенную им перчатку и завели речь о необходимости полной отмены закона 1872 г. В рейхстаге рука об руку с центром действовали социал-демократы, которые настаивали на необходимости снятия вообще всякой опеки правительства с публичных собраний и дела преподавания, зато все остальные партии — от свободомыслящих до консерваторов — высказались против предоставления какой бы то ни было свободы иезуитам. Союзный совет, на обсуждение которого был вынесен вопрос об образе действий баварского правительства, также не нашел возможным развязывать иезуитам руки и не одобрил баварского «либерализма». Канцлер, который некоторое время медлил, получил теперь в

решении Союзного совета прочную опору для ответа на предъявленный ему запрос. В своем ответе (1913 г.) он отозвался довольно резко о домогательствах иезуитов и советовал им не вызывать нового культуркампфа.

Новое столкновение с центром у Бетман-Гольвега произошло из-за польского вопроса. Прусское правительство слишком усердно стало экспроприировать имущество польских помещиков. Центр взял поляков под свою защиту, и в рейхстаге канцлеру был предъявлен новый запрос. Бетман-Гольвег представил, однако, формальный отвод против запроса: он заявил, что то, что делается прусским правительством в Польше, может обсуждать только прусский ландтаг, но не германский рейхстаг. Центр не удовлетворился этим объяснением и, соединившись и на этот раз с социал-демократами, высказал канцлеру недоверие, на которое тот, конечно, не обратил никакого внимания.

Наконец, довольно острое столкновение между канцлером и клерикалами произошло и из-за вопроса о дуэлях. Один военный врач (Замбер) подвергся оскорблению со стороны офицера и был вызван им на дуэль. Замбер, однако, отказался принять вызов, сославшись на свои религиозные убеждения. В ответ на это офицерский суд чести предложил ему подать в отставку. Клерикалы подняли по этому случаю бурю, и дело перешло на рассмотрение императора, который нашел, что принципиальным противниками дуэли не место в армии. На этот раз возмутились уже не одни клерикалы, но и все левые партии. Резолюция императора подверглась очень суровой критике в рейхстаге, и было принято постановление, что отказ от дуэли, наказуемой к тому же уголовными законами, не может быть поводом к исключению с военной службы.

Между правительством и рейхстагом были и другие столкновения по более мелким поводам (из-за вопроса о прибавках жалования для чиновников Восточной Пруссии, из-за гонения на польских чиновников, голосовавших за неудобных для правительства кандидатов), но эти столкновения никогда не доходили до разрыва. Обе стороны понимали, что разрыв грозит им слишком большими неприятностями и в минуты крайних обострений всегда находили общий язык. Бетман-Гольвег понимал, что разрыв с клерикалами должен толкнуть его в объятия либералов, к чему он совсем не стремился. Поэтому, несмотря на отдельные резкие выступления против клерикалов, он никогда не покушался на завоеванные в прежние времена права церкви и часто был готов идти на уступки. Уже одно введение конституции в Эльзас-Лотарингии стоило в глазах клерикалов очень многого. Со своей стороны и центр стал теперь не так требователен, как в прежние времена, и несмотря на свое фрондерство в частных случаях, в общем был готов идти рука об руку с правительством в существенном и главном.

А самым главным в глазах правительства Бетман-Гольвега было по-прежнему увеличение сил армии и флота. Центр, увлеченный все нараставшим в Германии воинственным настроением, отказался от своей прежней оппозиции в этом отношении, и теперь почти всякому новому требованию правительства субсидий на армию и флот было обеспечено большинство, ибо национал-либералы, консерваторы и в некоторых случаях даже свободомыслящие и прежде смотрели благосклонно на требования относительно вооружений. Правительство воспользовалось таким настроением рейхстага, и увеличение военных сил теперь стало производиться почти ежегодно. В 1911 г. рейхстаг дал со-

гласие на увеличение армии в мирное время на 10 тысяч человек; в 1912 г. правительство провело через рейхстаг новое увеличение армии на 29 тысяч человек, а также и создание новых боевых единиц в виде двух армейских корпусов; вместе с тем была предложена новая реформа флота, предусматривавшая образование третьей морской эскадры и большего количества подводных лодок. В 1913 г. правительство опять потребовало увеличения армии еще на 136 тысяч человек, и рейхстаг принял это предложение большинством голосов против социал-демократов, поляков и эльзасцев. Средства для покрытия новых военных расходов были добыты путем чрезвычайного налога (в один миллиард марок), падавшего на имущества и доходы. Несмотря на то, что этот налог должен был пасть главным образом на состоятельных людей, правые партии не возражали против него: отчасти и они были напуганы уверениями правительства о грозном положении, в котором якобы находится отечество, отчасти же этим путем они надеялись избежать еще более неприятного для них налога на наследства.

Против кого же были направлены все эти вооружения? С тех пор как Англия заключила соглашение с Францией (1904 г.), а затем и с Россией (1907 г.), Германии пришлось считаться с комбинацией трех великих держав, занявших положение совместной обороны против нее, но это не заставило ее изменить агрессивный тон внешней политики. При Бетман-Гольвеге (до первой мировой войны) отношения Германии к членам тройственного соглашения два раза обострялись до крайности. Само начало нового канцлерства как бы предвещало мир и знаменовало улучшение отношений с Россией. В начале ноября 1910 г. император Вильгельм имел свидание в Потсдаме с

русским царем, в результате которого правительства обеих стран обязались «не вступать ни в какие комбинации, которые могут иметь агрессивный характер против другой стороны». Кроме того, в Потсдаме было заключено соглашение по персидским делам. Именно Германия согласилась признать, что Россия имеет особые стратегические и политические интересы в Северной Персии и уступала ее притязаниям относительно железных дорог, путей и телеграфов. Со своей стороны Россия обязалась не противодействовать немецкой торговле в Персии и не мешать постройке Багдадской железной дороги; кроме того, Россия обещала на свои деньги построить ветвь Тегеран-Ханекан, которая должна была соединить Багдадскую дорогу с русско-персидскими железнодорожными путями. Для Германии это имело очень большое экономическое значение, ибо облегчало проникновение германских товаров во всю Персию. Германские перспективы на захват персидского рынка благодаря этому приближались к своему осуществлению, и потому торгово-промышленные круги немецкого общества были очень довольны потсдамским соглашением.

Но, несмотря на это соглашение, прочного мира между Россией и Германией быть не могло. Если в 1910 г. и удалось путем взаимных компромиссов разграничить сферы влияния обеих держав в Персии, то гораздо труднее оказалось это сделать относительно Балканского полуострова. С тех пор, как в Африке Германия натолкнулась на энергичное сопротивление со стороны Англии и Франции, а в Персии — со стороны России и Англии, она особое внимание обратила на Балканский полуостров. Он и сам по себе представлял почти нетронутый рынок для сбыта

продуктов германской промышленности, но главное — через него лежала дорога в крайне заманчивый для Германии край легко поддающейся чужому влиянию азиатской культуры и в земли тоже нетронутого рынка — в Малую Азию, Месопотамию, Аравию и в ту же Персию, которую было невозможно прочно подчинить германскому влиянию без сухопутной дороги через Балканский полуостров и Турцию. Кроме этого, перед глазами германских империалистов вырисовывались еще более заманчивые перспективы о достижении через Ближний Восток и индийских владений Англии, и о поражении недосыгаемой до сих пор соперницы Германии в ее лучшей, наиболее драгоценной колонии. Подчинить Турцию германскому влиянию оказалось очень нетрудно. Об этом свидетельствовал крайне благосклонный прием, оказанный турецким правительством миссии германского генерала Лимана фон Сандерса; Турция видела в Германии свою защитницу от России, верила в германскую мощь и готова была предоставить ей полную свободу действий. Помехой в германских стремлениях на восток оставался один лишь Балканский полуостров, — без подчинения его влиянию Германии не могла осуществиться ее главная мечта — о *германской* дороге Берлин — Багдад. Между тем в 1912 г. на Балканах произошли события, которые были тяжким ударом для Германии и ее союзницы — Австрии. Четыре балканские державы — Сербия, Черногория, Болгария и Греция — соединились против Турции и наголову разбили ее; теперь уже не тайна, что этот союз был заключен при содействии России, которая праздновала теперь двойную победу. Во-первых, Болгария вступила в союз с Сербией и Черногорией, естественными соперниками Авст-

рии в господстве над Адриатическим побережьем; и уже благодаря одному этому должна была отказаться — правда, на короткое время — от своей австрофильской политики; она даже согласилась на арбитраж русского императора в некоторых спорных вопросах¹; для Австрии, а через нее и для Германии все это было, несомненно, очень неприятной неожиданностью. Во-вторых, был ослаблен вековой враг России на Черном море и в Закавказье, и это открывало новые пути для распространения русского могущества на Ближнем Востоке. Но насколько заключение балканского союза и первая балканская война были торжеством для России, настолько же они были поражением для центральных держав. Ослабление Турции и союз Болгарии с Сербией были встречены в Австрии и Германии с открытой враждой. Опаснее всего для них было возрождение великосербских стремлений к Адриатическому морю, к Боснии и Герцеговине, к Задунайским землям, и чтобы помешать этим стремлениям, Австрия и Германия приняли самые энергичные меры. Когда сербские войска вышли к Адриатическому морю (у Алесслио), а черногорцы заняли Скутари, то центральные державы наложили категорическое veto на эти завоевания, и, уступая их давлению, Сербии и Черногории пришлось отступить. Не без участия Берлинского и Венского дворов загорелась и вторая балканская война, столкнувшая недавних союзников между собой. Для Австрии и Германии было необычайно важно расстроить наладившуюся было дружбу между Болгарией и Сербией, и в этом отношении их старания увен-

¹ В разделе между Болгарией и Сербией части Коссовского вилайета.

чались успехом, причем Болгария, разорвав с Сербией, снова стала обнаруживать тягу к германским державам. Но исход второй балканской войны не оправдал ожиданий Германии и Австрии: Болгария была разбита, а в Сербии усилились великосербские веяния, представлявшие собой прямую угрозу для Австрии. Второй естественный союзник Германии и Австрии на Ближнем Востоке — Болгария — (если считать первым Турцию) был ослаблен, их враг — Сербия, наоборот, — возвышен. Перед центральными державами теперь стояли две задачи. Одна из них была дипломатической: надо было помирить их рассорившихся ближневосточных союзников — Турцию и Болгарию, и этого их дипломатии удалось достигнуть уже в ближайшие месяцы вслед за Бухарестским миром 1912 г. Другая задача была военной и могла осуществиться только на полях сражений; она заключалась в том, чтобы унижить Сербию и вознаградить Болгарию и Турцию, сделав это, однако, так, чтобы те почувствовали свою зависимость от силы германского оружия и от милости Германии. Но путь к осуществлению этой второй цели лежал только через великую европейскую войну; в 1912 г. Германия еще не была к ней готова, и тем с большей энергией она принялась за ее подготовку в ближайшем же будущем...

Отношения к Франции и Англии при Бетман-Гольвеге были также далеко не спокойными, и в 1911 г. на западной границе Германии в воздухе вполне определенно запахло порохом. Основываясь на соглашении 1909 г., французы стали энергично вмешиваться в марокканские дела; когда в стране началось движение против сурового управления султана Мулей Гофда, то французы поддержали последнего и в мае 1911 г. заняли марокканскую столицу Фец

под предлогом защиты живших там европейцев от восставших. Германия нашла нужным энергично против этого протестовать; в ее глазах занятие марокканской столицы вооруженными французскими силами знаменовало собой начало полного подчинения султанства Франции. 4 июля 1911 г. германское правительство заявило, что для охраны своих интересов в Марокко оно отправляет в марокканскую гавань Агадир свою канонерку; и действительно немецкое военное судно («Пантера») направилось к марокканским берегам. Тогда на сцену выступила Англия. Английский министр Ллойд Джордж заявил, что англичане не допустят занятия немцами какого-либо пункта в Марокко и поддержат в марокканском вопросе Францию. Было ясно, что если Германия будет настаивать на своем, то ей придется воевать, и в случае войны Англия станет на сторону Франции. Германии пришлось отступить по той же причине, по которой она в 1912 г. не пошла на решительные действия в балканском вопросе: она еще не была готова к войне. В ноябре 1911 г. она заключила с Францией новое соглашение, по которому согласилась признать за незначительные уступки в Конго протекторат Франции над Марокко. В 1912 г. этот протекторат был установлен. Германия отсрочила свои расчеты с Францией и Англией до более благоприятного времени.

На этом мы и оканчиваем наш обзор царствования Вильгельма II. Мы подводим итоги тому, что делало правительство Вильгельма II до 1914 г. Первая мировая война многое изменила в Германии, заставила германское правительство перестроить свою тактику и многое пересмотреть в своем отношении к различным общественным группам, хотя цели, к которым оно стремилась, и идеалы, которые

им руководили, остались по-видимому, прежними. Можно наметить две основные линии, по которым шла деятельность этого правительства: все больший уклон вправо, в сторону консервативных кругов во внутренней политике и возрастающий агрессивный тон в политике внешней.

Начав с системы либеральных торговых договоров, социального законодательства и благожелательных отношений к иностранцам в либеральное канцлерство Каприви, Вильгельм II через умеренно-консервативную политику Гогенлоэ и Бюлова, еще не отрекавшихся от средних кругов немецкого общества и не отказывающихся от заигрываний с либеральными партиями, пришел к ярко консервативному канцлерству Бетман-Гольвега, связавшего себя с юнкерами прочнее, чем это делал кто-либо из его предшественников. Во внешней политике мы видим не менее характерную эволюцию стремления к дружбе с Англией и соглашение с ней по африканским делам вначале, при Каприви, и постепенно возрастающее обострение отношений с ней при Гогенлоэ, Бюлове и Бетман-Гольвеге, наряду с этим — все более выясняющаяся невозможность ужиться в мире с Францией и Россией. Столкновение с первой из них по марокканскому вопросу (в 1905—1906 и 1911 гг.) и со второй — по балканскому (в 1908 и 1912 гг.) едва не довело до войны. Чем дальше продвигалось во времени царствование Вильгельма II, тем с большей неизбежностью надвигалась общеевропейская катастрофа. События 1914 г. и последующих годов показали, как непрочны оказываются в огне всемирного пожара те устои, на которых основывалась до тех пор прусско-германская политика, — политика Гогенцоллернов.

Содержание

<i>Предисловие</i>	3
Введение	5
Глава I. Ранние Гогенцоллерны. Создание государства	13
Глава II. Фридрих II. Расцвет военно-бюрократического абсолютизма	31
Глава III. Фридрих Вильгельм II и Фридрих Вильгельм III. Кризис	45
Глава IV. Фридрих Вильгельм IV. Революция	87
Глава V. Вильгельм I и Бисмарк. Создание империи	109
Глава VI. Фридрих III	181
Глава VII. Вильгельм II. Личность	185
Глава VIII. Вильгельм II. Царствование	207

Научно-популярное издание

Перцев Владимир Николаевич

**ГОГЕНЦОЛЛЕРНЫ
ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТЕЙ
И ОБЗОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Ответственная за выпуск *В. Н. Волкова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 16.06.03.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская.
Печать высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 15,96.
Тираж 5000 экз. Заказ 1424.

ООО «Харвест».
Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.02.
РБ, 220013, Минск, ул. Кульман,
д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Открытое акционерное общество
«Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
220600, Минск, ул. Красная, 23.